

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Star 382.10

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

Книга XXIV.

КАВКАЗСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ ВТОРОЙ

№ 12.

Декабрь.

1901 г.

ТИФЛИСЬ.

Скоропечатня М. Мартиросянца, Михайловскій пр., домъ № 81.

1901

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 29-го ноября 1901 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ВЫСОКІЙ РОДСТВЕННИКЪ. — разсказъ. — <i>Д. Ведремисели</i>	1
II. ВСЕГО СЕБЯ, — разсказъ (окончаніе). — <i>К. Роговскою</i> .	28
III. ДВѢ ТУЧКИ, — стихотвореніе, изъ <i>Ов. Туманіанца</i> . — <i>Иванъ да Маръи</i>	46
IV. ИЗЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ БА- РОНА де-БАЙ, съ фр.	47
V. АМАЗОНКИ НА КАВКАЗѢ, — сказанія и преданія — <i>Э. Апарина</i>	6
VI. НА ЮБИЛЕЙНОЙ КАВКАЗСКОЙ ВЫСТАВКѢ сель- скаго хозяйства и промышленности 1901 г. — <i>Воро- нежскаго</i>	17
VII. МЕМУАРЫ КОРОЛЕВЫ СЕРБСКОЙ НАТАЛІИ (окончаніе). — съ фр. перев. <i>Е. Бахутовой</i>	23
VIII. ЯЗЫКОВѢДЪ ВОСТОКА (характеристика Макса Мюллера). — <i>С. Бердяева</i>	36
IX. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО АРМЯНЪ СЪ СѢВЕРО - ВОСТОЧНОЮ РУСЬЮ до воцаренія Домана Романовыхъ въ 1613 г. — <i>А. Д. Ерицова</i> . .	49
X. О РАЗЛИЧНЫХЪ ТИПАХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ СА- НАТОРІЙ для чахоточныхъ и о скорѣйшемъ осу- ществленіи таковыхъ санаторій на КавказѢ. — <i>Д-ра Бабаянъ, Бабаева</i>	58
XI. ВЗГЛЯДЪ и НѢЧТО. — Къ двадцатипятилѣтію тифлис- скаго музыкальнаго училища — <i>В. Д. К.</i>	69
XII. ВОСПОМИНАНІЯ О ГЕНЕРАЛѢ МУРАВЬЕВѢ, бывшемъ НамѣстникѢ Кавказскомъ. — <i>Л. Исарлова</i> .	74
XIII. ОБЗОРЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ ЗА 1901 г. — <i>П. Я—ва</i>	111

XIV. КАВКАЗСКАЯ ХРОНИКА. Изъ жизни нашего самоуправленія: выборы гласныхъ въ Баку.—Кавказская выставка весной будущаго года.—Затруднительное положеніе грузинскаго дворянства.—† Л. Н. Асатіани.—Нефтяной кризисъ: новая эра кавказской промышленности.—И. Д. Корреспонденція изъ Кутаиса.—	118
XV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. <i>Турція.</i> — Нѣсколько словъ о французскомъ вліяніи въ Турціи. Франко-турецкій конфликтъ во французской палатѣ депутатовъ. Кое-что о миссіонерскихъ школахъ въ Ванѣ.—Кузѣтскій портъ въ Персидскомъ заливѣ.—Землетрясеніе въ Эрзерумѣ.—Артинъ-паша Дадіанъ †.—Г. М.—Б.	128
XVI. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. — <i>Шпрб</i> (Молоть), № 8, 9, 10.—Васюковъ С.,—„Скорпіоны“.—Кипшидзе Гр. и Султановъ,—Періодическая печать на Кавказѣ.—Алавердянцъ,—Кончина Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ.—Сундукіанцъ, „Пепо“.—Arakélian, La question arménienne au point de vue de la paix universelle. — А. Х.—Краткій очеркъ развитія фабр.-зав. дѣятельности Об—ва Адельханова и К° —П. Б—за.	138
XVII. СМѢСЬ. Зять грузинскаго царя.	148
XVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ВЫСОКІЙ РОДСТВЕННИКЪ.

(Р а з с к а з ъ).

I.

Въ домѣ помѣщицы вдовы княгини Маріамъ Тучіашвили игра въ лото приходила къ концу, когда въ гостиную, наполненную дамами и дѣвцами, вошелъ князь Сико, родственникъ хозяйки; это былъ высокій статный блондинъ съ едва начинающейся лысиной, одѣтый въ бѣлый пикейный архалухъ, сѣрую черкеску и лакированные сапоги.

Онъ управлялъ всѣми имѣніями своихъ родственниковъ и, обремененный дѣлами, рѣдко ходилъ въ гости, поэтому появленіе князя Сико въ гостиной княгини Маріамъ вызвало искреннюю радость хозяйки дома.

— А-а! Кого я вижу! Сико, Сико!—воскликнула она.

Гость низко поклонился, гремя саблей, и почтительно поцѣловалъ руку.

— Вы меня совсѣмъ забыли!—указывая на стулъ, сказала княгиня въ то время, какъ Сико здоровался съ гостями.

— Дѣтьми клянусь вамъ, тетушка, что, повѣрите-ли, иной разъ не имѣю времени, чтобъ хоть пообѣдать,—отвѣтилъ онъ, опускаясь на стулъ.

— Вѣрю дорогой, вѣрю!—говорила княгиня, ласково глядя на него и крутя свои длинные крашенные локоны.—Снимайте саблю, скоро будемъ ужинать. Не видали-ли Тома и Раждена? Они должны были пріѣхать. Вчера я получила изъ Мухрани чудное вино.

— А-а!—мягко улыбнулся Сико—значить, кутимъ сегодня?

— Конечно!

— Прекрасно.

Онъ провелъ рукою по лицу и сказалъ:

— Тетушка, а я привезъ вамъ большія новости!

— Должно-быть кого нибудь обручили, или кто-нибудь изъ

родни чинъ получилъ—подумали присутствующіе, устремивъ на Сико вопросительные взгляды.

Онъ медленно снималъ съ себя саблю и рассказывалъ:

— Оказывается, что и за границей есть у насъ родственники...

— Какъ? У насъ? За границей? — перебила его княгиня Маріамъ.—Да вы шутите!—сказала она, въ знакъ удивленія два пальца приложивъ къ губамъ.

— Клянусь дѣтьми, что не шучу,—отвѣтилъ онъ, поднявъ брови—а вогъ дальше меня послушайте!

Гости обступили Сико, приготовясь внимательно слушать его.

— Сегодня всѣ наши были въ конторѣ,—рассказывалъ онъ —и мы собирались уже разойтись по домамъ, какъ вдругъ приходитъ работникъ и подаетъ мнѣ письмо: „начальникъ станціи“ говоритъ, „прислалъ“. Вскрываю письмо, и что-же оказывается? Пріѣхалъ на Кавказъ нашъ родственникъ, нѣкій графъ Тучіа и проситъ разрѣшенія пріѣхать сюда и познакомиться съ нами.

— Какъ вы назвали его? Кто онъ по происхожденію? Въдь есть Тучіашвили и дворяне,—спросила Тинатина.

— Н-нѣтъ! Какой тамъ? Онъ изъ очень старинной фамиліи, графъ Джеромъ Тучіа. Да я вамъ прочту его письмо, оно со мною, написано по-русски, я переведу.

И Сико досталъ изъ-за пазухи небольшой матовый конвертъ съ графскими инициалами и короной.

— Като, придвинь лампу!—обратилась Маріамъ къ молодой дѣвушкѣ, но она горѣла нетерпѣньемъ поскорѣе узнать содержаніе письма и не слыхала словъ княгини.

— Не беспокойтесь;—сказалъ Сико княгинѣ—мнѣ хорошо видно.

Веселымъ взглядомъ обвелъ онъ головы, склонившіяся надъ нимъ и началъ читать графское письмо:

„Ваше Сіятельство,

Князь Семенъ Ивановичъ!

Читая исторію древней Колхиды, я наткнулся на фамилію князей Тучіашвили, представителемъ которыхъ называютъ васъ.

Я хорошо знаю свою родословную, и мнѣ нетрудно было убѣдиться, что между вами, князьями Тучіашвили, и мною существуетъ родство, прерванное исторіей, но не затертое временемъ, ибо у насъ съ вами общій родоначальникъ, нѣкій Ту

Сей доблестный мужъ имѣлъ двухъ сыновей: Ивана, и го-
рый, обосновавшись въ Грузіи, поступилъ въ дружину

Ираклія II, возведшаго храбраго воина въ княжеское достоинство, а второй сынъ его, Александръ, уѣхалъ въ Аѳины, оттуда онъ пробрался въ Италію, гдѣ и остался навсегда, получивъ титулъ графа Тучіа.

Я счастливъ, что попалъ на родину своихъ великихъ предковъ и былъ-бы еще болѣе счастливъ, если-бы князья Тучіашвили разрѣшили мнѣ посѣтить ихъ въ родовыхъ замкахъ.

Вашъ братъ и другъ графъ Джеромъ Тучіа.

P. S. Мой адресъ: Вѣчные туманы *), гостиница „Кавказскія врата“.

Если бы Сико сообщилъ своимъ родственникамъ, что судьба даровала имъ уголокъ Калифорніи или золотые пріиски въ Сибири, то не было-бы большаго эффекта: извѣстіе о томъ, что ѣдетъ къ нимъ „родственникъ“ гр. Тучіа, такъ взволновало присутствующихъ, что Сико испугался въ душѣ; глаза заблестали у нихъ, щеки зардѣли, всѣ заговорили скоро и безсвязно, какъ это бываетъ въ сильномъ волненіи.

— Какое прочувственное письмо! — воскликнула княгиня Маріамъ, прослезившись,—видно, что графъ очень сердечный человѣкъ!

— Господи, Боже мой!—набожно перекрестилась княгиня Мака, пожилая, рыхлая женщина, все еще не перестававшая употреблять румяна и бѣлила—сонъ въ руку! Представь себѣ, Сико, что мнѣ приснилось вчера: вижу я, будто-бы всѣ наши Тучіашвили пируютъ гдѣ-то, вдругъ показалась на небѣ звѣзда огромная, больше луны, медленно она скатилась съ неба и бухъ прямо къ намъ!

— Вѣщій сонъ! Звѣзда—это нашъ высокій родственникъ—пояснила княжна Нуца, восторженная тридцатилѣтняя дѣвушка съ небольшимъ шрамомъ на лѣвой щекѣ.

— Ну, а когда-же мы увидимъ графа?—обратилась Маріамъ къ Сико.

— Скоро,—отвѣтилъ тотъ складывая письмо и испытующимъ взглядомъ окидывая всѣхъ.—Ахъ, если-бъ вы знали—сказалъ онъ—сколько было сегодня крику и шуму, пока вырабатывали программу чествованія графа! Я думалъ, что съума сойду!

— А дорого-ли обойдется намъ пріемъ графа?—спросила княжна Соникѣ.

---

*) Названіе вымышленное.

— Девятьсотъ шестьдесятъ рублей,—отвѣтилъ Сико, улыбаясь—на каждую семью приходится 12 рублей.

— Охо! Это не маленькая сумма!—воскликнула кн. Мариамъ, выразительно глядя на Сико.

— Тетушка, это небольшая сумма!—возразилъ онъ, теребя усы. Помните одно, что мы принимаемъ не какого-нибудь лапотника, а высокаго родственника—серьезнымъ тономъ сказалъ Сико и потомъ, вдругъ оживившись, обратился онъ къ присутствующимъ:—а моя просьба вотъ какая: не ударьте лицомъ въ грязь! Займитесь туалетами, прославьте нашу фамилію. Пусть графъ увидитъ, что хотя мы живемъ въ лѣсу, но умѣемъ и одѣваться и вращаться въ высшемъ обществѣ. Сегодня что у насъ?—поднялъ онъ голову,—3 августа, а графъ придетъ 19-го.

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

Дамы и дѣвицы весело разговаривали о предстоящихъ торжествахъ.

Близкое будущее казалось имъ окрашеннымъ въ розовой цвѣтъ. Въ перспективѣ имъ улыбались: отъѣздъ изъ скучныхъ деревень въ шумные города, хожденіе по магазинамъ, выборъ тканей, потомъ безконечные визиты къ швеямъ, а затѣмъ рядъ празднествъ въ честь „высокаго родственника“. Ну, развѣ не весело было имъ жить?!...

Между тѣмъ гости прибывали, это были близкіе сосѣди княгини, или помѣщики, все лѣто блуждавшіе по чужимъ усадьбамъ, гдѣ ихъ манили „веселыя скатерти“.

II.

Прозрачныя лѣтнія сумерки тихо догорали въ ущельѣ, когда захудалый помѣщикъ князь Пето Тучіашвили пріѣхалъ въ свою усадьбу.

Улико, его жена, еще молодая, но раньше времени постарѣвшая женщина, сидѣла на дырявомъ стулѣ и чинила дѣтское бѣлье не первой свѣжести. На грязномъ желтомъ столѣ, съ присохшими тыквенными сѣмячками, тускло горѣла лампа: изъ-подъ разбитаго бѣлаго фарфороваго колпака свѣтъ падалъ на худые загорѣлые пальцы княгини, въ которыхъ сверкала игла.

Пето рѣдко бывалъ веселъ, поэтому Улико удивилась, видя его оживленные и блестящіе глаза. Она подумала, что онъ пьянъ и съ тревогой въ душѣ спросила его:

— Ты что такъ веселъ? Не выпилъ-ли?

Въ отвѣтъ онъ близко подошелъ къ ней, открылъ ротъ и дохнулъ на нее.

— И теперь думаешь, что я пьянъ?—спросилъ онъ, улыбаясь.

— Ну, слава Богу, что я ошиблась—засмѣялась она—сядь, рассказывай, гдѣ былъ? Кого видѣлъ?

Пето грузно опустился на тахту, кинулъ нѣжный взглядъ на темную постель, гдѣ безмятежно спали всѣ пятеро его ребятшекъ и оживленно началъ рассказывать женѣ о письмѣ „высокаго родственника“ и о томъ роскошномъ приѣмѣ, который готовился для графа Джерома Тучіа.

— Такой знаменитый и нашъ родственникъ?!—воскликнула Улико, широко раскрытыми глазами глядя на мужа; у нея даже работа выпала изъ рукъ.

— Да, вообрази!—съ счастливой улыбкой отвѣчалъ онъ, собственными словами дополняя письмо графа: „Я“—говорить онъ въ письмѣ „стосковался по васъ“, „свѣтъ“, говорить „не милъ безъ васъ“, „кому“, говорить онъ „я оставляю свое состояніе, какъ не вамъ, дорогіе мои родственники“. „Я, говорить онъ „хочу пріѣхать къ вамъ жить для васъ“.

— Господи, какое счастье къ намъ привалило?! — восторженно воскликнула Улико—а сколько ты подписалъ на обѣдъ?

— Двѣнадцать рублей,—спокойно отвѣтилъ онъ.

Эта цифра ошеломила ее; и „высокій родственникъ“, и счастье, которое онъ несъ всѣмъ Тучіашвили провалились въ бездну, осталась одна жестокая для Улико дѣйствительность съ двѣнадцатью рублями, которые могли прикрыть наготу ея дѣтей.

— Двѣ-над-цать рублей?!—всплеснула она руками.—Съума ты сошелъ? Я цѣлые дни дырки чиню, а ты бросаешь на одинъ обѣдъ такую сумму?—вспылила княгиня.

— Ахъ, дуракъ я, что съ тобою разговариваю, — разсердился Пето.—Ничего ты не понимаешь! Со дня на день ждутъ „высокаго родственника“, вся наша родня такъ весело настроена, точно Пасха настала, потому что это... это... большая честь, когда такой великій человѣкъ, какъ графъ Джеромъ Тучіа называетъ себя нашимъ родственникомъ, а ты какіе-то гроши тутъ считаешь! И Раждень, и Сико, и Дата и др. увѣряютъ меня, что о ъ поможетъ мнѣ. Ну, посуди сама, что ему стоитъ при его м тліонахъ всѣхъ нашихъ дѣтей отдать въ учебныя заведенія?!

Эти слова мужа для Улико были такъ убѣдительны, что о сперва замолкла, а потомъ размечталась, соглашаясь съ н тѣ:

— „А и въ самомъ дѣлѣ, какъ это было-бы хорошо, если бы высокій родственникъ помогъ намъ,—думала она. — Вдругъ онъ пожелаетъ нашего Мито опредѣлить въ корпусъ, ему теперь 12 лѣтъ, скажемъ, его примутъ въ I классъ, черезъ семь лѣтъ онъ окончитъ корпусъ, да еще въ Россіи онъ будетъ учиться два года, черезъ 9 лѣтъ пріѣзжаетъ сюда блестящій офицеръ кн. Дмитрій Петровичъ Тучія. Воображаю, какъ его будутъ ловить маменьки, у которыхъ дочери невѣсты, но... пока не дадутъ 15 тысячъ въ приданое, Мито не женится...

— Улико, позаботься, чтобы платье у тебя было приличное!—сухо сказалъ Пето.

— А, скажи пожалуйста, какъ намъ приходится графъ?—закинувъ руку за плечи и мечтательно глядя въ пространство, спросила она.

— А вотъ какъ приходится,—отвѣчалъ онъ—братъ нашего пра-пра-прадѣда уѣхалъ за границу, а Джеромъ его пра-пра-правнукъ.

— Ахъ, вотъ оно что! Такъ это близкое родство—протянула Улико.

— На счетъ платья какъ быть? Ты вѣдь вся обносилась?—опять спросилъ Пето.

— Одолжить кто-нибудь—беззаботно отвѣчала она,—платье попрошу у Сони, зонтикъ возьму у Лизы.

— Если онѣ сами не пойдутъ.

— Онѣ въ траурѣ, куда пойдутъ?—отвѣчала Улико—только вотъ бѣда—башмаковъ у меня нѣтъ и взять ихъ не у кого, какъ на грѣхъ—самая большая нога у меня.

— Завтра пріѣдетъ лавочникъ и привезетъ сорокъ рублей, сними мѣрку и пошли человѣка въ городъ, пусть онъ возьметъ башмаки у Дурапьянца, у него, говорятъ, прекрасная обувь.

— Пето, когда это кончится?—съ тоской спросила она.—Ты опять долгъ сдѣлалъ?!

— А когда я ихъ не дѣлаю?—улыбнулся онъ,—благо—дають. Есть о чемъ думать! Глупая!..

Размечтался о „высокомъ родственникѣ“ и старый кн. Шалико Тучіашвили, сосѣдъ князя Пето.

Онъ сидѣлъ въ углу своего крытаго балкона, покуривъ длинную трубку и мечтательно глядя на темно-синее звѣздное небо.

Ему рисовалась толпа всѣхъ князей Тучіашвили, раз-

тыхъ въ свои лучшія платья; передъ нимъ стоялъ онъ, ихъ „высокій родственникъ“ графъ Джеромъ Тучіа; на немъ былъ золотомъ расшитый генеральскій мундиръ, украшенный лентами и орденами. Простирая руки къ своимъ „родственникамъ“, говорилъ онъ:

— Братья мои, придите ко мнѣ и берите все мое богатство. Выкупайте ваши имѣнія изъ дворянскаго банка, улучшайте ихъ, размножайтесь и прославляйте свой древній родъ“.

Передъ балкономъ раздался конскій топотъ, шорохъ вѣтокъ и хриплый лай собакъ.

Старый князь очнулся.

— Добрый вечеръ, дядя!—раздалось надъ самымъ ухомъ князя.

— О, Цуца! Это ты? Здравствуй, мальчикъ!—привѣтствовалъ гостя кн. Шалико.

Всадникъ былъ его родной племянникъ, сирота, котораго онъ сильно обидѣлъ при раздѣлѣ имѣнія, но князь Цуца имѣлъ такое поразительное сходство со своимъ покойнымъ отцомъ, что дядя Шалико всегда принималъ его съ особеннымъ удовольствіемъ.

Княгиня Дарья и три ея дочери - невѣсты: Анико, Гено и Тасико сидѣли за чайнымъ столомъ и лѣниво разговаривали, по обыкновенію передавая другъ другу злобы деревенскаго дня и сплетни.

Появленіе Цуцы очень обрадовало ихъ, а извѣстіе, привезенное имъ, что „высокій родственникъ“, въ даръ князьямъ Тучіашвили везетъ золотой котелъ, оживило маленькое общество.

— Золотой котелъ!

— Золотой котелъ!

— Золотой котелъ!—воскликали княжны, смѣясь и снова повторяя эти слова.

Теперь уже не было никакихъ сомнѣній, что „высокій родственникъ“—обладаетъ несмѣтнымъ богатствомъ. Кто-же въ состояніи дарить золотые котлы, какъ не миллионеръ?

Княгиня Дарья знала по опыту, какъ трудно пріобрѣсти даже мѣдную кастрюлю, хотя-бы она стоила не болѣе пяти рублей.

— Что, если этотъ „высокій родственникъ“ выкупить намъ наши имѣнія? О, тогда я буду молиться ему, какъ Богу,—думала она, улыбаясь словамъ Цуцы; онъ досталъ изъ кармана книжечку въ красномъ переплетѣ и началъ высчитывать, сколько

получить каждая семья Тучіашвили, если реализовать золотой котелъ.

— Вотъ что, на долю каждой семьи получится 260 рублей, — сказалъ онъ и, обратясь къ Тасико, которую онъ особенно любилъ, воскликнулъ: — тебѣ дарю свою долю!

— Ну-у?! — удивилась она.

— Честное слово!

— Да? Спасибо тебѣ! — воскликнула Тасико нѣжно цѣлуя его.

Сестры завидовали ей и не раздѣляли ея веселаго настроенія; но она не обращала на нихъ вниманія и, хлопая въ ладоши, радостно говорила:

— Теперь-то, кажется, брильянтовую брошку я куплю!

— Сперва долги уплати, потомъ брильянты покупай! — ядовито сказала ей Гено, круглолицая блондинка съ маленькими синими глазами.

— Ну ужъ, это не твое дѣло! — нахмурилась Тасико. — Что хочу, то и дѣлаю со своими деньгами! — строго возразила она.

— Что ты злишься, Тасико? Вѣдь денегъ еще не получила! — замѣтила ей средняя сестра.

Слово за слово, и сестры поссорились.

Цуца сидѣлъ въ углу, съежившись; онъ внутренно негодовалъ на себя и проклиналъ тотъ часъ, когда онъ пріѣхалъ къ нимъ, такъ ему были неприятны всѣ тѣ грубые, обидныя слова и выраженія, которыя онъ сыпали другъ на друга.

Сперва княгиня отшучивалась, думая этимъ умиротворить дочерей, но потомъ, видя, что голоса ссорящихся становятся возбужденнѣе, она вышла изъ себя, сердито повела глазами, встала со стула и сильно жестикулируя руками, закричала на нихъ:

— Да будетъ проклятъ и вашъ „высокій родственникъ“, и его пріѣздъ, и его золотой котелъ! Дѣти мои, чтобъ всѣмъ вать умереть въ одинъ день! Цуца! — обратилась она къ молодому человеку: — пойдемъ на балконъ! Пусть онъ здѣсь съѣдятъ другъ!

Въ это самое время небольшое оживленіе стояло въ домѣ князя Левана Тучіашвили. Онъ жилъ въ концѣ сада князя Лико.

На длинномъ балконѣ, освѣщенномъ двумя небольши фонарями, сидѣли хозяева дома, дѣти и родственники, сог по имѣнію; одни полулежали на тахтахъ, опираясь на дли

круглыя подушки, другіе сидѣли на стульяхъ, третіе стояли, прислонившись къ периламъ.

И здѣсь предметомъ оживленныхъ разговоровъ былъ „высокій родственникъ“.

Хозяйка дома, беззубая старая княгиня Марѳа, мать полдюжины дочерей невѣстъ, втайнѣ мечтавшая породниться съ „высокимъ родственникомъ“, боясь кровосмѣшенія, попыталась узнать родословную графа.

— Помилуйте, тетушка,—отвѣтилъ ей кн. Тома, краснощекий курносый блондинъ, въ чесучовомъ пиджакѣ и синихъ военныхъ брюкахъ;—отъ одного брата онъ происходитъ, отъ другого мы. Это-ли не близкое родство?

— А-а!—протянула княгиня, состроивъ гримасу.—Значить, онъ мнѣ приходится деверемъ?

— А намъ дядюшкой?—весело обратилась къ нему княжна Нина, бросившая ученье, недавно вышедшая изъ 3-го класса гимназіи.

— Точно такъ, дѣвочка!—элегантно шаркнувъ передъ ней, отвѣтилъ онъ.

Княгиня продолжала гримасничать. Тома замѣтилъ это и сказалъ ей:

— Тетушка, вы какъ-будто чѣмъ-то недовольны; ужъ не близость-ли такого родства печалить васъ?

— Нѣтъ, почему-же должна печалить меня близость родства съ графомъ? Напротивъ, я вамъ прямо скажу: два-три такихъ родственника и всю нашу фамилію они поставили-бы на ноги...—сказала она и вдругъ все ея лицо просвѣтлѣло.

Тома угадалъ ея мысли и, лукаво подмигнувъ, шепнулъ ей.

— Синодъ разрѣшилъ теперь браки между родственниками, не беспокойтесь, тетушка!

Княгиня шутя ударила его по плечу и залилась пискливымъ смѣхомъ; Тома расхохотался и, сильно дернувъ за рукавъ княжну Нину, вполголоса сказалъ ей:

— Вы можете не терять надежды современемъ сдѣлаться графиней Тучія... — Господа!—рукою указывая на нее, крикнулъ онъ въ противоположную сторону балкона, гдѣ сидѣла молодежь, —рекомендую—графиня Нина Левановна Тучія!

Молодежь разразилась дружнымъ смѣхомъ.

— Конечно, нѣтъ словъ, пріятно, чрезвычайно пріятно, что часъ выискался такой знаменитый родственникъ, какъ графъ Керомъ Тучія, но бѣда въ томъ, что я боюсь... мы за это

счастье поплатимся,—серьезно сказалъ кн. Кирилъ, неутомимый рассказчикъ анекдотовъ и юмористъ.

— Какъ? Почему?—посыпались вопросы.

— А вотъ почему—отвѣчалъ Кирилъ, усаживаясь въ кресло и не мѣняя тона—боюсь, что намъ придется строить домъ для сумашедшихъ; видите: одна полоумная здѣсь, глядите на Нину, что съ ней дѣлается! Другая сегодня уѣхала въ Тифлисъ.

— Кто? Кто—другая? Скажите намъ, Кирилъ!—раздалось нѣсколько нетерпѣливыхъ голосовъ.

— Да развѣ вы не знаете кто? Моя невѣстка Минадора. Понимайте!—говорилъ Кирилъ, жестикулируя руками—кто-то сказалъ ей, что графъ большой поклонникъ и покровитель талантовъ, вотъ она и вообразила себѣ, что если онъ услышитъ голосъ моей племянницы Машико, то очень возможно, что онъ ее на свой счетъ отправить въ Италію.

— Какъ? Развѣ Машико пріѣдетъ сюда, вѣдь она готовится къ переезженкамъ,—замѣтила Нина, но ее никто не слушалъ.

— Такъ Минадора теперь въ Тифлисъ?—спросила его Марѳа.

— Да, да.

— Боже мой! Изъ какихъ средствъ она развѣзжаетъ такъ часто? Удивительно!—сказала княгиня.

— А вы думаете, что дорого ей стоятъ эти поѣздки?—спросилъ Кирилъ.—Нисколько. Пршлый разъ она завернулась въ кондукторское пальто, на голову навертѣла башлыкъ, уѣхала на скамеечку и покатила съ товарнымъ поѣздомъ—сказалъ онъ.

Слушатели хохотали.

— Ну, а скажи мнѣ, Кирилъ,—снова обратилась къ нему кн. Марѳа смѣясь—неужели и Машико на товарномъ пріѣдетъ?

— О, нѣтъ! Изъ города онѣ пріѣдутъ по-важнѣе: въ 3-мъ классѣ; Минадора взяла съ собою послѣднее кольцо, чтобъ продать его или заложить.

Въ это время въ комнатахъ раздались бѣготня, смѣхъ, взвизгиванья и грохотъ стульевъ.

— Это, вѣрно нашъ „безпокойный“—сказала кн. Марѳа, заглянувъ въ комнату, освещенную лампами.

И дѣйствительно, на балконѣ показался молодой кн. Волдя, прозванный „безпокойнымъ“ за свой живой и веселый характеръ.

— Мое почтеніе!—шаркнулъ онъ и низко снялъ папа передъ всей компаніей.

— Здравствуй! Это ты шумѣлъ? Что новаго? Сядь, рассказывай! Черкеска твоя готова?—обратилась къ нему кн. Марѳа.

— Готова, тетушка, все готово. Ахъ, знаете что?

И онъ заерзалъ на стулѣ.—Что я узналъ! Виновать!—спохватился онъ, вскочивъ со стула.—Дуракъ я! Оказывается, тутъ цѣлое общество, а я усѣлся, здравствуйте, здравствуйте!—Володя обходилъ всѣхъ и, здороваясь, дѣвушкамъ жалъ руки, отчего онѣ взвизгивали, а мужчины, смѣясь, отгалкивали его отъ себя; дамы—съ тѣми онъ былъ почтительнѣе — снисходительно улыбались ему.

— Ну, со всѣми ты поздоровался, теперь говори, что ты узналъ?—просили его дѣвушки.

— Я узналъ, что нашъ „выскій родственникъ“ день и ночь съ царями играетъ въ карты и что онъ у нихъ свой человѣкъ. Я уже рѣшилъ! Буду съ нимъ въ Италію и поступаю въ военное училище,—восторженно говорилъ онъ, четыре раза провалившійся на вступительныхъ экзаменахъ въ юнкерское училище.

За ужиномъ опять заговорили о „высокомъ родственникѣ“. Кн. Марѳа подняла вопросъ, въ чемъ домѣ долженъ стоять фамильный подарокъ.

— Лучше всего поставить золотой котелъ въ домѣ Сико—рѣшилъ кн. Тато.

— Это почему? — вознегодовала кн. Екатеринѣ, пожилая женщина, но все еще съ прекрасными черными глазами—сегодня онъ—нашъ управляющій, а завтра можетъ-быть другой! Помоему золотой котелъ долженъ стоять у меня на этажеркѣ подъ портретомъ моего несчастнаго Дмитрія; онъ былъ заслуженный и всѣми уважаемый.

Отъ послѣднихъ словъ Екатеринѣ нѣкоторыхъ покорило; послышались шушуканья, рѣзкія фразы вполголоса, смѣлы всѣхъ былъ кн. Микако.

Онъ сложилъ салфетку и, устремивъ на кн. Екатеринѣ уничтожающій взглядъ, отчеканилъ ей:

— Напрасно вы думаете, что со смертью вашего мужа среди Тучіашвили перевелись уважаемые и заслуженные. Дядя Дмитрій сорокъ лѣтъ прослужилъ царю и отечеству и дальше капитана не пошелъ, а дядя Эретеозъ ни сегодня—завтра генерала получить. Справедливость требуетъ, чтобы котелъ стоялъ именно у него.

Наступило неловкое молчаніе, по лицу кн. Екатеринѣ пошли багровыя пятна, она открыла ротъ, чтобы возразить, но въ это время раздался голосъ Тома:

— А знаете что!—обратился князь ко всѣмъ.—Мы, я вижу, ссоримся, это нехорошо, давай-те-ка продадимъ котель и деньги подѣлимъ между собою,—предложилъ онъ.

— Какъ? Что съ вами, Тома? Продать подарокъ „высокаго родственника“?!—вознегодовали многіе.

— Дядя Тома!—окликнулъ его Володя—вы кажется напрактиковались въ продажѣ имуществъ!

Тома вспыхнулъ и горячо отвѣтилъ ему:

— Я попросилъ бы тебя осторожнѣе быть въ выраженіяхъ. Я не позволю всякому шарлатану глумиться надо мною. Если я продавалъ свои имѣнія, то исключительно для своихъ племянниковъ, которымъ я даю образованіе... Я не хотѣлъ... чтобъ...—онъ задыхалъ отъ волненія—они были... ослами... Мнѣ и мое невѣжество опротивѣло... А другіе продаютъ свои имѣнія, чтобы кутить въ тифлисскихъ ресторанахъ и увеселительныхъ садахъ...

Тома дальше не могъ говорить, такъ онъ былъ взволнованъ.

Володя понялъ, въ чей огородъ онъ кидалъ камни и, вскипѣвъ, сорвался съ мѣста, выхватилъ кинжалъ, кинулся было на него, но между ними стали мужчины съ поднятыми руками.

III

Ожидаемый пріѣздъ „высокаго родственника“ такъ захватилъ князей, что они совершенно забросили свои хозяйственные дѣла: у кого гнили фрукты, у кого перезрѣвали овощи, филлоксера портила виноградники, и некому было распорядиться спрыснуть лозы мѣднымъ купоросомъ; пульверизаторъ помѣщиками дѣтми давно былъ обращенъ въ игрушку.

Не до хозяйства было моимъ помѣщикамъ!

Властителемъ ихъ думъ и желаній сдѣлался „высокій родственникъ“. Храни Богъ, если почему-либо не удастся пріемъ желаннаго гостя! О, тогда лучше не жить князьямъ Тучіашвили, чтобъ не видѣть своего срама!

Между тѣмъ дни проходили.

Контора имѣній князей Тучіашвили, низенькая полутесакля, была наполнена помѣщиками, собравшимися для окотельнаго совѣщанія о пріемѣ „высокаго родственника“.

Сико суетился около письменнаго стола, говоря притствующимъ:

— Я составилъ расписаніе торжествъ, прочтемте, господа и обсудимъ; надо торопиться, а то не успѣемъ.

— Сико, ты что? Расписаніе ищешь тамъ? Ты его въ карманъ положилъ,—напомнилъ ему кн. Тома.

— Ахъ, да!—спохватился тотъ—до чего я сталъ разсѣянъ.

И вынувъ изъ бокового кармана сложенную бумагу, онъ развернулъ ее.

— Ну-ка, прочти намъ, что ты нацарапалъ!—обратился къ Сико кн. Элизбаръ, высокій, сухощавый старикъ съ умнымъ, загорѣлымъ лицомъ, сѣдыми пышными бакенбардами и пробритымъ подбородкомъ.

Остальные помѣщики, не слушая управляющаго, продолжали шумѣть, спорить, хохотать.

Сико, едва сдерживая раздраженіе, взмолился:

— Господа, пожалуйста, прислушайтесь.

— Мы слушаемъ, ты читай,—отвѣтили князья, продолжая болтать и смѣяться.

— Сегодня, кажется, васъ не дожدهшь, — раздраженно сказалъ Сико и началъ читать, не обращая вниманія на болтовню помѣщиковъ:

— „18 августа, согласно нашему письму къ графу, я, Датио, Ясе, Ражденъ и Алекси выѣзжаемъ навстрѣчу графу, вмѣстѣ съ нимъ обѣдаемъ въ „Зеленомъ Оврагѣ“. 19-го привозимъ графа сюда. Въ тотъ-же день, въ 6 ч. вечера, семейный обѣдъ въ домѣ Ясона, 20-го августа — охота на кабановъ и завтракъ въ лѣсу, 21-го—авг. визиты графа и пріемъ крестьянъ, 22-го—отъѣздъ его и проводы“. Ну, какъ господа? согласны съ такимъ расписаніемъ? — спросилъ Сико двухъ-трехъ помѣщиковъ, стоявшихъ около него.

— Согласны! Согласны!—крикнули многіе, не выслушавшіе расписанія торжествъ.

— А вотъ, господа, и списокъ гостей, которыхъ мы приглашаемъ къ графскому столу—добавилъ Сико; голоса немного стихли, и онъ началъ:

— Уѣздный начальникъ!...

— Ну его, взяточника!—рѣзко остановилъ его Элизбаръ, вспомнивъ, какъ его родственникъ далъ взятку этому уѣздному начальнику, чтобы получить мѣсто уѣзднаго пристава.

— Такъ что съ того?—возразилъ кн. Григорій, старый прапорщикъ милиціи,—взяточникъ, или нѣтъ, онъ все-таки первое лицо въ уѣздѣ. Его обойти нельзя, прямо неудобно.

— Мировой посредникъ!—продолжалъ читать Сико—судья, инспекторъ училища, затѣмъ полковникъ Ивановъ...

— Не тотъ-ли Ивановъ, который поролъ сектантовъ?— снова перебилъ его Элизбаръ.

— Да, да, онъ самый и есть!—вспылилъ Григорій и даже покраснѣлъ—а мы съ вами, Элизбаръ, своихъ хизанъ не бьемъ, когда они сердятъ насъ?

— Я ихъ не бью; а за васъ не поручусь!—уязвилъ его Элизбаръ, не долюбливавшій Григорія.

— Не безпокойтесь, вашего „высокаго родственника“ онъ не будетъ пороть!—отвѣтилъ Григорій, злобно глядя на Элизбара.

— Надѣюсь!—сыронизировалъ тотъ.

— Начальникъ станціи... продолжалъ читать Сико.

— А его зачѣмъ? Онъ съ нами хлѣба-соли не водить,— опять возразилъ Элизбаръ.

Между присутствующими много было такихъ, которые бесплатно ѣздили на ближайшія станціи, благодаря любезности начальника станціи, поэтому дружные голоса стояли его.

— Инженеръ Шакаровъ!..

— Шакарова тоже?—спросилъ Тома, знавшій одну грязную исторію изъ недавняго прошлаго этого инженера.

— Какъ-же? Вѣдь онъ дѣлаетъ у насъ изысканія, ищетъ руду,—отвѣтилъ Сико.

— А мнѣ кажется, что намъ зазорно такую личность, какъ Шакаровъ, приглашать къ графскому столу; вспомните, господа, его исторію съ нашей сельской учительницей, какимъ негодяемъ онъ оказался... горячо говорилъ Элизбаръ, но его перебили.

— Да вѣдь все это слухи, сплетни, достоверно мы ничего не знаемъ.

— Полноте, господа, какъ это мы ничего не знаемъ? Отлично все знаемъ. Я буду кратокъ: если приглашаете Шакарова, то, пожалуйста, зачеркните меня, не желаю сидѣть за однимъ столомъ съ такимъ мерзавцемъ...

Поднялся шумъ. Помѣщики обмѣнялись рѣзкими выраженіями и въ концѣ бурныхъ разговоровъ уступили Элизбару:

Шакарова вычеркнули изъ списка почетныхъ гостей.

Затѣмъ Сико доложилъ соучастникамъ, что 960 руб.,

---

*) Хизаны—безземельные крестьяне, на арендныхъ условіяхъ обрабатывающіе земли грузинскихъ помѣщиков.

сигнованные на пріемъ „высокаго родственника“—недостаточны и что надо прибавить.

— Небось, когда въ холерное лѣто я предложить вамъ пригласить врача, то и 3-хсотъ рублей вамъ жалко было, а теперь?..—съ темнаго угла конторы раздался голосъ Саріева, „выгнаннаго гимназиста“, какъ называли его всѣ Тучіашвили.

— Молчи, дуракъ!

— Откуда онъ взялся?

— Кто его пустилъ сюда?—съ негодованіемъ восклицали помѣщики.

— Счета онъ тутъ переписываетъ, — отвѣтилъ Сико, съ презрѣніемъ глядя въ уголъ.

Саріевъ былъ сынъ разорившагося помѣщика, одинокій молодой человѣкъ, способный, но неудачникъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ его исключили изъ 7-го класса клас. гимназіи за то, что онъ сказалъ учителю: „Вы въ классѣ проповѣдуете идеализмъ, а дома что вы дѣлаете? Репетируете своихъ учениковъ и берете съ нихъ по сто рублей! Я васъ не уважаю“.

Иногда онъ приходилъ въ контору и за небольшую плату переписывалъ книги.

Помѣщики уговорили его выйти на балконъ, боялись, что кто-нибудь побьетъ его. Онъ вышелъ, но злоба противъ „волковъ“, какъ онъ называлъ помѣщиковъ, хотя и самъ принадлежалъ къ этому сословію, не утихала въ его душѣ; онъ обогнулъ балконъ, просунулъ голову въ открытое окно конторы и крикнулъ помѣщикамъ:

— У васъ крестьяне мрутъ, какъ мухи, ростовщики и налоги задавили ихъ, а вы хотите такую сумму денегъ слопать въ одинъ день? Да еще и этого вамъ мало? Чтобы животы у васъ лопнули!

Нѣсколько помѣщиковъ, въ отвѣтъ на слова Саріева, разразились громкимъ смѣхомъ.

— Несчастный!—печально сказалъ Тома—видно, онъ пойдетъ въ своего отца: на того временами тоже находило.

— Ну, Богъ съ нимъ! Охота вамъ обращать вниманіе на полоумнаго, кончимъ пожалуйста засѣданіе, — сказалъ Сико,—обратясь къ Тома.

— Господа!—началъ Элизбаръ—по-моему 960 руб. слишкомъ ничтожная сумма, чтобы можно было достойнымъ образомъ принять графа. Къ намъ ѣдетъ первый человѣкъ въ Европѣ, надо, чтобы пріемъ соотвѣтствовалъ его высокому положенію. Необходимо увеличить ассигновку.

Слова эти сразу расположили всѣхъ къ Элизбару, даже кн. Григорій теперь смотрѣлъ на него ласково и думалъ:

— Онъ, правда, рѣзкій, точно у него на кончикѣ языка бѣлена цвѣтетъ, а все-таки онъ умный и знающій.

— Я не имѣю права самостоятельно увеличивать эту сумму, необходимо для рѣшенія этого вопроса присутствіе всѣхъ соучастниковъ, а гдѣ они? Тутъ не всѣ.

— Ну, какъ знаете!—сухо сказалъ Элизбаръ.—Нельзя кое-какъ встрѣчать перваго человѣка въ Европѣ!

Трудно сказать, почему кн. Элизбаръ и другіе Тучіашвили считали графа Джерома Тучіа „*первымъ человекомъ въ Европѣ*“. Потому-ли что его однофамилецъ занималъ высокій постъ въ Россіи, или потому, что тифлисскія газеты сообщали о пріѣздѣ на Кавказъ туриста гр. Джерома Тучіа, но одно несомнѣнно, что стоило одному изъ помѣщиковъ, лишь ради красивой фразы, назвать графа „первымъ человекомъ въ Европѣ“, какъ мои кавказскіе тарасконцы, люди пламеннаго воображенія, окружили личность „высокаго родственника“ ореоломъ власти, славы и могущества.

Григорій всталъ съ мѣста, молча прошелся по комнатѣ, точно собирая свои мысли, и потомъ сказалъ, обращаясь къ сидящимъ и безпрестанно жестикулируя руками:

— Обязательно надо увеличить эту сумму. Нашъ высокій родственникъ—другъ и пріятель царей. Кто знаетъ, какое счастье ждетъ всю нашу фамилію?! Человѣкъ самъ назвался нашимъ родственникомъ, самъ изъявилъ желаніе побывать у насъ. Не можетъ-быть, чтобы онъ не оказалъ намъ какую-нибудь услугу!

— Да, несомнѣнно, что графъ весьма вліятельный человѣкъ,—вставилъ кн. Габріель, высокій худошавый старикъ въ потертомъ кавалерійскомъ сюртукѣ—очень возможно, что онъ, потѣзуясь придворными связями,—походатайствуетъ передъ правительствомъ, чтобы оно на свой счетъ приняло нашихъ дѣтей и дало-бы имъ образованіе, приличествующее нашему титулу. Развѣ не допустимо, что правительство, желая поддержать нашъ древній и славный родъ, выкупить изъ банка наши имѣнія, выдастъ намъ субсидію, соотвѣтственно нашимъ нуждамъ, улучшить наши имѣнія, разовьетъ всѣ отрасли сельскаго хозяйства, найдетъ нефтяные источники, гдѣ ихъ нѣтъ? Весь Кавказъ нефтью пропитанъ, поставитъ насъ на ноги, а дальше, далѣе мы сами пойдемъ...

— Само собою!—сказали князья.

Элизбаръ, саркастически улыбаясь, старался не глядѣть на вдохновенное лицо Габріеля.

Сико поторопиль князей рѣшить вопросъ о дополнительной ассигновкѣ, и они постановили: сумму расходовъ по приѣму „высокаго родственника“ довести до 1600 рублей.

IV.

19-го авг. 189... г. выдался яркій день. Пышныя серебристыя облака поплыли къ востоку.

Пассажирскій поѣздъ прошумѣлъ и остановился противъ 2-хъ этажной бѣлой станціи съ зеленой крышей. На вокзалѣ толпилась разношерстная публика; группа помѣщиковъ Тучіашвили, разодѣтыхъ по-праздничному, стояла въ сторонѣ; глаза ихъ кого-то искали; они внимательно вглядывались въ лица пассажировъ, которые сновали передъ ними. Въ окнѣ I-го кл. показалась голова Сико, чья-то свѣтло сѣрая англійская шляпа, клинообразная темная борода и длинный темный усъ. Съ вагона III кл. соскочилъ на платформу Павлѣ, слуга Сико, подбѣжалъ къ помѣщикамъ и, задыхаясь отъ волненія, шепнулъ имъ:

— Изволилъ пріѣхать!

Между тѣмъ изъ вагона вышелъ и сошелъ на перронъ вокзала высокій статный мужчина; на немъ были темносиніе венгерка и рейтузы, лакированные походные сапоги и свѣтлосѣрая англійская шляпа. На его загорѣломъ лицѣ лежало выраженіе сытаго довольства; откинувъ голову назадъ, одной рукой онъ держалъ черную трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, другой—придерживалъ дорожный бинокль на ремнѣ. Это былъ графъ Джеромъ Тучіа, „высокій родственникъ“ моихъ помѣщиковъ.

Увѣренными и твердыми шагами онъ шелъ впередъ, любопытными глазами разглядывая публику, въ которой преобладали грузины въ національныхъ платьяхъ.

За графомъ, пробираясь сквозь толпу, шли: докторъ его и секретарь. Шестіе замыкалъ высокій камердинеръ съ бритымъ, неподвижнымъ лицомъ.

— Графъ! Куда вы? Пожалуйте вправо—сильно ломаннымъ французскимъ языкомъ сказалъ ему Сико, подвигаясь къ группѣ помѣщиковъ.

— Позвольте, графъ, представить вамъ вашихъ родствен-

никовъ,—обратился Сико къ графу въ то время, какъ онъ поровнялся съ помѣщиками.

Сико называлъ каждого изъ нихъ по имени и отчеству, а Джеромъ отвѣщивалъ передъ ними почтительные шоклоны, крѣпко жалъ имъ руки и ласково улыбался.

Позади пассажирскихъ комнатъ, въ ожиданіи графа, стояли десять конныхъ — молодые Тучіашвили—всѣ они нарядные и вооруженные съ ногъ до головы, и четыре фаэтона.

Широкая проселочная дорога сѣрой лентой улеглась среди вновь возродившихся луговъ, желтаго жнивья и зеленыхъ кукурузныхъ полей; небо блѣднѣло; бѣлыя облака поднялись надъ горизонтомъ и медленно ползли по голубымъ стѣнамъ.

Въ первомъ фаэтонѣ, развалиясь, сидѣлъ графъ, рядомъ съ нимъ Сико. „Высокій родственникъ“ поминутно поворачивалъ голову то вправо, гдѣ зеленѣли орѣховыя рощи, то влѣво, въ сторону поля, устѣяннаго копнами пшеницы.

Датній лѣсъ былъ еще окутанъ легкой лиловой дымкой и только ложбины темно-зеленыхъ высотъ, гдѣ теплились лучи солнца, были окрашены ярко-зеленой краской. На лиловомъ ущельѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ свѣтлѣли тропинки въ видѣ буквы У, это слѣды отъ провоза бревенъ. Графъ залюбовался на водопадъ, покрывавшій поѣздъ своей холодной алмазной пылью.

Съ грохотомъ въѣхали фаэтоны въ усадьбу кн. Ясона.

Дрогнулъ старый барскій домъ.

Изъ дверей, съ балкона, терассы, оконъ, съ площадокъ—отовсюду глядѣли любопытные глаза; изъ-за деревьевъ, окружавшихъ домъ, виднѣлись часть лба, глазъ, чьи-то босыя ноги; женская голова, повязанная желтой рванью, показалась изъ-за лѣстницы и скрылась.

Запыленный и немного усталый графъ лѣнивой походкой поднялся по широкой деревянной лѣстницѣ, ведущей во второй этажъ. Сико указалъ ему комнаты, приготовленныя для него и его свиты.

Между тѣмъ на балконѣ и въ комнатахъ стоялъ гулъ голосовъ.

— Молодъ онъ? Красивъ?

— Сколько ему лѣтъ?

— Блондинъ или брюнетъ?

— Какая на немъ форма? Въ мундирѣ?—любопытство княжны и осаждали Сико; онъ отшучивался.

Вдругъ всѣ замолкли; толпа заволновалась; шорохъ платьевъ и шарканье ногъ смѣшались съ шепотомъ.

— Вышелъ, вышелъ!

— Онъ, онъ!—кто-то воскликнулъ и обомлѣлъ.

— Какой симпатичный!

— Твои болѣзни да будутъ моими!—умиленно воскликнула старая княгиня Тасія, молитвенно поднявъ руки кверху, и даже прослезилась.

Графъ былъ введенъ въ залъ, гдѣ его ждали старѣйшіе Тучіашвили, дамы, дѣвицы, почетные гости и другіе.

Кн. Шалико съ недоумѣніемъ глядѣлъ на графа, облеченнаго въ великолѣпный смокингъ изъ темно-зеленаго сукна, и въ душѣ спрашивалъ себя: „Гдѣ-же золотомъ расшитый мундиръ, ленты и ордена? А еще всѣ говорили, что онъ знатный человѣкъ!“

Но вспомнивъ, что въ какомъ-то иллюстрированномъ изданіи наши министры и даже король Сіамскій изображены въ штатскихъ платьяхъ, онъ успокоился и продолжалъ наблюдать за графомъ.

Княжна Тамрико, недавно окончившая институтъ, по просьбѣ Сико, состояла переводчицей при графѣ; „высокій родственникъ“, познакомившись со всѣми, былъ необычайно оживленъ и восторженно говорилъ онъ, ласково глядя на молодыхъ дѣвушекъ:

— О, какъ жаль, что я такъ поздно подумалъ познакомиться съ грузинской родней!

Между тѣмъ въ полутемной передней, раздѣлявшей комнаты, разыгралась такая сцена: старая княгиня Пѣпѣ, пораженная представительной наружностью графскаго камердинера и поэтому принявъ его за самого графа, заключила его въ свои объятія; а тотъ вообразилъ себѣ, что въ Грузіи существуютъ обычаи цѣловать не только гостей, но и ихъ слугъ.

Тома наткнулся на эту сцену и съ раскатистымъ смѣхомъ рассказывалъ въ розовой гостиной:

— Думаю, кого это наша тетушка душитъ въ своихъ объятіяхъ. Подхожу къ ней, всматриваюсь и... о, ужасъ, ха-ха-ха—графскій камердинеръ! Ха-ха-ха—закатывался Тома, трясъ своимъ грузнымъ тѣломъ.

— Полно, Тома! Откуда мнѣ знать, что это его лакей?—бродушно улыбаясь, оправдывалась Пѣпѣ. — Я слыхала, что въ высокопоставленные люди бреютъ и усы и бороду, вижу,

входить съ виду довольно важный господинъ, я подумала, что это нашъ „высокій родственникъ“ и обняла его...

Когда черезъ весь балконъ пронесли графскія вещи, оставшіяся въ фэтонѣ: связку тростей и фотографическій аппаратъ въ ящикѣ, то нѣсколько внимательныхъ глазъ проводило ихъ; кучка барышень заволновалась:

— Что это пронесли? Не котель-ли?

— Такой маленький!

— Спросимъ Гигла, онъ несъ вещи.

Въ это время изъ графскихъ покоевъ вышелъ Гигла, барышни къ нему:

— Ты несъ ящикъ?

— Да.

— Тяжелый онъ?

— Кому какъ. Мнѣ не тяжело было нести — улыбался Гигла.

— Э! отъ этого идіота мы ничего не добьемся,—съ досадой сказала княжна Нина, безнадежно махнувъ рукой, и всѣ онѣ побѣжали въ комнату.

V.

Въ громадномъ залѣ, уставленномъ дорогой плюшевой мебелью малиноваго цвѣта, стоитъ гуль; цвѣтныя черески, кафтаны вродѣ польскаго кунтуша, кинжалы въ серебряныхъ оправкахъ, фраки, серебряные и золотые эполеты, шелковые платья всѣхъ цвѣтовъ радуги—все это пестрѣетъ по бокамъ во всю длину залы поставленнаго стола и сервированнаго на сто двадцать кувертовъ; между приборами возвышаются изящныя вазы изъ жженнаго серебра, полныя пышныхъ и душистыхъ букетовъ.

Хозяинъ дома кн. Ясонъ—старѣйшій изъ Тучіашвили, 86-лѣтній старикъ, но еще бодрый, сильный и очень подвижной человѣкъ, суетится около „высокаго родственника“ и почетныхъ гостей.

Кн. Габріэль въ блестящихъ эполетахъ безпокойно поглядываетъ на дверь, наклоняетъ голову и шепчетъ своему виззѣ, князю Григорію:

— Корреспондентовъ еще нѣтъ?

— А что? Развѣ они будутъ?—удивляется тотъ. — Что чортъ! Вѣдь при нихъ куска хлѣба спокойно не съѣшь, опишутъ, проклятые! Кто ихъ назвалъ.

— Звать никто не звалъ, но это ихъ право—присутствовать на всякихъ торжествахъ, я думаю, что тифлисскія газеты пришлютъ ихъ.

— Храни Богъ! Зачѣмъ они намъ?

Сико, единогласно избранный толумбашемъ *), встаетъ съ мѣста съ бокаломъ въ рукѣ и хочетъ сказать рѣчь, но говоръ, не вездѣ утихнувшій, мѣшаетъ ему.

— Тшш! Тшш!—шикають со всѣхъ сторонъ, прося вниманія; голоса постепенно стихаютъ.

Сико обращается къ графу, хотя говоритъ по-русски:

— Сегодня мы собрались здѣсь, за общей трапезой, чествовать васъ, нашъ дорогой братъ! Провидѣнію угодно было привести къ намъ — Сико взглянулъ на помѣщиковъ, —нашего высокаго родственника, чтобы нѣжной дружбой и пламенной любовью освѣтить родственныя отношенія двухъ крупнѣйшихъ въ мірѣ семействъ: графовъ Тучіа и князей Тучіашвили. Много хотѣлось-бы мнѣ сказать вамъ — снова обратился онъ къ графу—отъ имени моихъ родственниковъ, также лично отъ себя, но я взволнованъ необычайнымъ событіемъ и прошу васъ, мой дорогой братъ, вѣрить мнѣ, что сегодня—единственный свѣтлый день въ жизни князей Тучіашвили. Милостивому Богу угодно было утвердить и размножить нашъ древній и славный родъ, не только въ Грузіи, но и подъ небомъ далекой Италіи. Пожелаемъ же господа—при этомъ Сико окинулъ всѣхъ оживленнымъ взглядомъ—многолѣтія, счастья тому, кто составляетъ и честь, и славу, и гордость нашей фамиліи. Ура!

Дрогнувъ залъ подъ громовымъ „ура“.

— Ваше здоровье!

— Графъ, ваше здоровье!

— Будьте здоровы!—воскликали Тучіашвили и почетные гости.

— Джеромъ-джанъ, будь здоровъ!—одиноко пропишалъ голосъ княгини Пепе, во все время рѣчи Сико аппетитно ѣвшей форель.

Графъ этого не слышалъ, а близкіе сосѣди насмѣшливо улынулись ей.

Княжна Тамрико, въ розовомъ платьѣ изъ легкой ткани, сидѣвшая рядомъ съ графомъ, перевела ему рѣчь Сико. Растроганный и взволнованный „высокій родственникъ“ всталъ съ мѣста, быстро обогнулъ столъ и горячо поцѣловалъ князя Сико.

*) Толумбашъ—дирижеръ пира.

Среди шума голосовъ и звона посуды раздался чей-то голосъ:

— Габріэль, слово за вами!

— Да, да, Габріэль!—кликнулъ Ясонъ.

— Вы у насъ рѣчистый!

— Слово, слово, Габріэль!—кричали другіе.

Но старый поручикъ ежился, дѣлалъ недовольную мину и не вставалъ съ мѣста.

— Дядя Габріэль—подлетѣлъ къ нему Володя, — не отказывайтесь, Бога ради, блесните!

— Да, ну тебя, пошелъ вонъ!—разсердился Габріэль.

— Дядя Габріэль, графъ проситъ васъ! — крикнула ему Тамрико.

— Какъ? Что?—встрепенулся Габріэль.—Графъ? Сейчасъ, сейчасъ!

И онъ всталъ.

Одной рукой держа полный бокалъ, другой дѣлая выразительные жесты и обращаясь къ графу, началъ онъ:

— Дѣлать нечего! Подчиняюсь общей просьбѣ, скажу, что знаю. Надо вамъ сказать, нашъ дорогой братъ Джеромъ - джанъ, что я десять лѣтъ провелъ въ Петербургѣ, вращался въ томъ обществѣ, гдѣ больше всего говорятъ по-французски, но несмотря на это, въ два года съ перевеликимъ трудомъ я усваивалъ по одному слову, такъ что, уѣзжая изъ Россіи, я привезъ съ собою въ Грузію всего на всего пять французскихъ словъ—при этомъ Габріэль вмѣстѣ сложилъ всѣ пальцы правой руки—вотъ эти слова: Vive... le... comte... Djerom Toutchia!

Сотрапезники разразились гомерическимъ хохотомъ.

— Bravo, кн. Габріэль!—крикнулъ Ивановъ, хлопая въ ладоши.

— За здоровье кн. Габріэля!—провозгласилъ Сико и поднялъ бокалъ.

Тостъ былъ покрытъ такимъ раскатистымъ „ура“, что стекла зазвенѣли.

Между тѣмъ зурначи (музыканты) расположились за спиной „высокаго родственника“, котораго ошеломили странные, незнакомые для европейца звуки; онъ вскочилъ съ мѣста, смущенно оглянувшись и снова сѣлъ, мягко улыбнувшись музыкантамъ.

Гдѣ-то въ глубинѣ дома прошипѣли стѣнные часы и гудели семь ударовъ. Въ окна залы глядѣли синія сумерки. Все суетилось и зажигали лампы и свѣчи.

— Мра-а-а-вааа-жааа-мііі-еррр!... гремѣлъ хоръ.

Разгорается пиръ. Шампанское пѣнится въ бокалахъ; по-
дожженные виномъ и весельемъ пылаютъ лица сотрапезниковъ,
голоса становятся громче, возбужденнѣе, рѣчи смѣлѣе, слова
безсвязнѣе. Какъ юноша, кн. Ясонъ бѣгаетъ передъ столомъ,
тянетъ шампанское изъ турьяго рога, штрафуетъ тѣхъ, кто от-
казывается сразу осушить двѣнадцать бокаловъ шампанскаго,
опрокидывая въ зашею провинившагося три бокалаи заразитель-
но грохочетъ. Зурна, бубенъ и скрипка играютъ традиціонную
лезгинку. Это всѣхъ приводитъ въ экстазъ веселья; каждый го-
товъ плясать на своемъ стулѣ.

Въ такія минуты подвыпившій грузинъ чувствуетъ себя
необычайно легко и свободно, въ бездну проваливаются его пе-
чали, заботы; міръ ему представляется сплошнымъ океаномъ ви-
на, на днѣ котораго блаженствуетъ онъ.

— Володя!

— Ладю!

— Володя!—кричатъ со всѣхъ сторонъ.

Пьяные Ражденъ и Тома ловятъ молодого человѣка, кото-
рый пытается убѣжать изъ залы, хохочатъ и толкаютъ его къ
аренѣ, но онъ отбивается отъ нихъ.

— Ну, что ты кривляешься, братецъ! — раздражается кн.
Михако, погнавшійся за нимъ.

— Танцуй, собачій сынъ! — въ сторону Володи кричитъ
Ясонъ, весь красный, какъ піонъ, съ трудомъ открывая глаза и
едва сидя на стулѣ.

Володя слышитъ слова Ясона, но не сердится.

Вѣдь „собачій сынъ“—оскорбительный для европейца эпи-
тетъ—не бранныя слова. Въ приливѣ нѣжности добродушный
грузинъ, даже высшаго сословія, этими словами называетъ сво-
ихъ дѣтей, друзей и родственниковъ.

— Послушай, Володя!—строго обращается къ молодому
человѣку кн. Ражденъ, дѣлая большіе глаза,—твое кривлянье
подъ музыку мы давно видѣли, но графъ интересуется. Пони-
маешь?

Володя уже не заставлялъ уговаривать себя, и при одномъ
словѣ „графъ“, онъ вышелъ на арену; „высокій родственникъ“
предварительно извинился передъ сотрапезниками и сѣлъ спи-
ю къ столу, чтобы смотрѣть на танцора.

Легко, какъ птица, Володя несется по залѣ, быстро до не-
ловимости рисуя ногами растянутый кругъ; неопытному глазу
кажется, что онъ, не касаясь паркета, витаетъ надъ нимъ; по-
мѣ, словно задумавшись, становится онъ на одни большіе

пальцы ногъ, приподнимается такъ неуловимо, что кажется, онъ въ воздухѣ рисуется замысловатыя па.

— У этого молодого человѣка, кажется, весь талантъ въ ногахъ!—шепчетъ судья инспектору училища.

— Какъ у большинства изъ нихъ!..—тихо отвѣчаетъ инспекторъ—маленькій лысый блондинъ.

— Ташъ! Ташъ!—восклицаютъ возбужденные голоса, мѣрно хлопая въ ладоши, поощряя этимъ танцующаго.

Вотъ въ рукахъ Володи блеснули кинжалы; онъ кружится по залу, остриями едва касается то бровей, то лба; затѣмъ онъ быстро поворачивается, граціозно склоняетъ свой гибкій станъ и лезвія кинжаловъ горятъ надъ его кудрями...

Широко открытыми глазами графъ глядитъ на Володю, не попадая хлопая въ ладоши, восторженно озираясь по сторонамъ и сочувственно улыбаясь „родственникамъ“.

Шампанское опьянило графа, а хорошенькіе южные глаза зажгли его; онъ сталъ фамиллярень.

Расширивъ броню свѣтскихъ приличій, поминутно вскакиваетъ онъ съ мѣста, подходитъ то къ одному, то къ другому, слегка пошатываясь, цѣлуетъ онъ руки у дамъ, коверкаетъ грузинскія слова, на что онѣ отвѣчаютъ пустымъ смѣхомъ.

— Oh! Que des beaux yeux! Oh! Quelle simplicité! Je suis ravi! — на правахъ „родственника“ держа въ своихъ рукахъ пухлыя и бѣлыя, какъ алебастръ, руки княгини Любо-ви Михайловны, восторженно говоритъ онъ и нагнувшись близко, близко къ ней, впивается въ ея темные, какъ южная ночь, глаза...

Ему хочется покрыть ихъ поцѣлуями, ему хочется обнять ее, да и она смущена имъ; такого выхоленнаго мужского лица она никогда не видала такъ близко около себя...

Ея улыбка задѣваетъ графа, такъ и тянетъ къ ней, но онъ еще настолько различаетъ дѣйствительность, что не позволяетъ себѣ какой-нибудь грубой выходки и, подъ обаяніемъ позволенныхъ приличіемъ ласкъ, восклицаетъ онъ:

— La langue humaine n'a pas de mots pour depeindre votre beauté!

Кн. Сосо, мужъ Любо-ви Михайловны, издали видитъ эту сцену и кричитъ по-грузински, добродушно улыбаясь графу:

— Эй, Джеромъ, не цѣлуй чужихъ женъ, обзаведись сѣй! Вонъ гляди, сколько невѣстъ—указываетъ онъ рукою пестрый цвѣтникъ дѣвицъ. —Выбирай любую.

На разсвѣтъ пировавшіе разошлись по комнатамъ.

Графа на рукахъ вынесли изъ зала; на балконѣ, на полу, въ живописныхъ позахъ лежали князья и шептались:

— Что-же онъ котла намъ не поднесъ?

— Завтра, должно быть, поднесетъ.

— Ты думаешь?

— Да.

— А на счетъ Машико? Онъ обѣщалъ отпраздновать ее въ консерваторію?

— Нѣтъ, ничего не обѣщалъ; она ему спѣла пѣсню, онъ похвалилъ голосъ и поцѣловалъ ее.

— Пето! ты спишь?

— Нѣтъ, а что?

— Ты не просилъ графа, чтобъ онъ на свой счетъ принялъ воспитаніе твоихъ дѣтей?

— Нѣтъ, не успѣлъ; когда же было просить?

— Не видѣлъ ты, что съ нимъ случилось? Платья всѣмъ перепортилъ. Бѣдный докторъ, какъ онъ возился!—Завтра я съ нимъ поговорю—пробормоталъ Пето, повернулся на другой бокъ и тутъ же захрапѣлъ.

VI.

На другой день было пасмурно и сыро: шелъ мелкій дождь. Сѣрый туманъ напозналъ на лѣсъ и горы; издалека доносились глухіе раскаты грома.

Непогода помѣшала охотѣ въ лѣсу; Тучіашвили, опечаленные этимъ, спѣшили измѣнить программу чествованія гостя, какъ вдругъ онъ объявляетъ хозяевамъ, что какія-то экстренныя дѣла требуютъ его немедленнаго отъѣзда въ Батумскую область. Хозяева обнимали „высокаго родственника“, цѣловали, просили остаться еще хоть день, но графъ былъ неумолимъ.

Докторъ и секретарь, знавшіе, что у Джерома никакихъ дѣлъ нѣтъ на берегу Чернаго моря и что его внезапный отъѣздъ изъ деревни Патара-Хеви одинъ изъ его фантастическихъ плановъ, спокойно собирали вещи и лукаво переглядывались.

Жагда новыхъ впечатлѣній толкала графа въ другія мѣста Кавказа; онъ угадалъ, что, проживи среди „родственниковъ“ хоть всѣ 365 дней, будетъ одно и тоже: вино, пѣсни и лезгинка.

За завтракомъ, поданномъ передъ отъѣздомъ „высокаго родственника“, опять пошли здравицы, рѣчи и пѣнье.

Графъ поднялся съ мѣста, держа бокаль въ рукѣ и обратился къ князьямъ.

Трезвые—ихъ было пять-шесть человѣкъ изъ помѣщиковъ и нѣсколько почетныхъ гостей—благословенно склонили головы, точно имъ читали высочайшій манифестъ, а не въ мѣру повесѣвшіе счастливыми глазами глядѣли растерянно на графа.

— Эти два дня моего пребыванія среди васъ, мои дорогіе родичи,—густымъ басомъ началъ Джеромъ—прошли для меня какъ волшебные сны. Я горжусь, что въ дивной Грузіи, воспѣтой великими поэтами Россіи, я нашелъ своихъ родственниковъ, ея доблестныхъ дворянъ. Счастливъ я, что лично могъ убѣдиться въ высокихъ качествахъ вашихъ сердецъ, что я самъ могъ наблюдать вашу жизнь, полную чарующей прелести. Уѣзжая отсюда, я уношу въ своемъ сердцѣ ваши милые образы. Я былъ-бы безмѣрно счастливъ—имѣть ваши фотографіи. Со мною имѣется аппаратъ, а мой другъ, докторъ Дункеръ—прекрасный любитель-фотографъ. Ваше здоровье, господа!

— Вы угадали наше желаніе имѣть вашъ портретъ, дорогой нашъ братъ!—отвѣчалъ Сико послѣ того, какъ Тамрико перевела князьямъ рѣчь графа.—Отъ всего сердца благодаримъ васъ за ваше посѣщеніе, принесшее намъ много утѣшенія, надеждъ и радости; благодаримъ васъ и за вашу поистинѣ братскую любовь къ намъ и за ласки...

— Каррр-а-улллъ!—вдругъ на весь залъ гаркнулъ кн. Садико, пьяный со вчерашняго обѣда.

Переполошились всѣ, нѣсколько человѣкъ кинулось къ нему: одни зажимали ему ротъ, другіе угрожали оставить залъ, но онъ недоумѣвалъ, страшно тарашилъ красные, точно кахетинскимъ виномъ налитые, глаза и негодовалъ на родственниковъ.

— Да что вы? Что съ вами?—отъ удивленія широко открывалъ онъ глаза.—Оставьте меня въ покоѣ! Никуда я не пойду! Здѣсь мнѣ хорошо, я чествую Джерома. Развѣ я плохое слово произнесъ? Каррр!..—зажали ему ротъ и его увели было изъ зала, но онъ на балконѣ выскользнулъ изъ рукъ, влетѣлъ въ залъ черезъ другія двери и снова гаркнулъ:

— Каррр-а-улллъ, Джеромъ-джанъ!

Но въ это время чьи-то сильныя руки схватили его за локти и увели, плотно затворивъ за нимъ двери.

— Что съ нимъ такое?—удивился графъ.

— Ахъ, еслибы вы знали, какой онъ несчастный!—воснула Тамрико съ такимъ глубокимъ чувствомъ сожалѣнія, но это было правда—вѣдь Садико немного тронуть! Онъ

тѣлъ крикнуть „ура“, а вышло „караулъ“, слово неумѣстное.

Между тѣмъ погода яснѣла; тучи и облака спѣшили куда-то, лазурь слегка дымилась, лучи солнца хлынули на балконъ, гдѣ собралось все общество, чтобы сняться съ отъѣзжающимъ гостемъ. Лакеи разворачивали коверъ, приносили длинныя, круглыя подушки, стулья и кресло, а графскій камердинеръ принесъ тотъ самый ящикъ, который возбудилъ много надеждъ и любопытства.

— Котель! котель!—вырвалось изъ груди кн. Марѣи и она восторженно захлопала въ ладоши.

— Да? Золотой котель?

— Наконецъ-то!

— Сперва, должно-быть, онъ поднесетъ котель, а потомъ снимемся—загадывали дамы и дѣвицы.

Когда графъ пришелъ на балконъ, толпа разступилась, а Сико подвелъ его къ креслу; родственники размѣстились по бокамъ графа; кн. Ясонъ, сидя рядомъ съ нимъ, въ одной рукѣ держалъ турій рогъ, полный вина, въ другой мокрый кувшинъ; молодежь заняла мѣсто въ ногахъ „высокаго родственника“.

Многіе ахнули, когда докторъ вынулъ изъ ящика предметъ, ничего общаго не имѣвшій съ котломъ.

Позднѣе, въ Италіи, разсматривая группы, графъ былъ удивленъ тѣмъ выраженіемъ горькаго разочарованія, которое отразилось на вытянувшихся лицахъ его грузинскихъ „родственниковъ“.

Внизу передъ домомъ стояли фазтоны. Лошади нетерпѣливо переминались съ ноги на ногу.

Графъ спѣшилъ къ поѣзду.

Черезъ два мѣсяца послѣ отъѣзда „высокаго родственника“ въ одной изъ провинціальныхъ газетъ, въ отдѣлѣ мѣстной хроники, появилась такая замѣтка: „Въ Крыму въ настоящее время гоститъ нѣкій италіанскій графъ Джеромъ Тучіа, страдающій тихимъ помѣшательствомъ. Его *idée fixe*—отыскиваніе родственниковъ, которыхъ онъ фотографируетъ; эти фотографіи должны украсить фамильный музей графа.“

На Кавказѣ среди горскихъ феодаловъ ему посчастливилось найти многочисленную родню; теперь графъ намѣренъ сдѣлать подобное цѣнное открытіе среди отпрысковъ крымскихъ хановъ.

Его сопровождаетъ докторъ...

Д. Ведребиселі.

ВСЕГО СЕБЯ^{*)}.

(Р а з с к а з ъ).

Господь не наложить на васъ бремени, котораго вынести не сможете. Если ослабѣете, призовите на помощь терпѣніе и имя Бога. Онъ дастъ намъ силу и побѣду.

Коранъ. Глав. II, ст. 42.

(О к о н ч а н і е).

Г л а в а V.

На другой день вечеромъ Али-Гирей въ третій разъ прѣхалъ къ Дольскому. Онъ былъ въ крѣпости наканунѣ и сегодня утромъ, но оба раза не засталъ Виктора.

Наконецъ, Викторъ былъ дома. Друзья дѣтства крѣпко расцѣловались, искренне обрадованные встрѣчѣ.

Но Викторъ слишкомъ часто и много думалъ о своей любви, чтобы сейчасъ-же не вспомнить о ней: не выпуская рукъ Али-Гирея, онъ спросилъ:

— Другъ или врагъ ты мнѣ?

— Ни то, ни другое,—отвѣтилъ Али-Гирей, смотря на Виктора и изумляясь перемѣнѣ въ немъ: вмѣсто круглолипаго, красно щекаго юноши, какимъ онъ его помнилъ еще три года назадъ, передъ нимъ стоялъ блѣдный, худощавый молодой человекъ съ свѣтлой бородкой; только выраженіе ясныхъ синнихъ глазъ осталось прежнее: добродушное, честное, прямое;—а я меня, какъ врага, не пустилъ къ себѣ сегодня.

— Меня не было дома.

---

*) См. „Кавк. Вѣстн.“ № 11.

— Но ушелъ-то ты, чтобы не встрѣчаться со мной? Или тебѣ не передали, что я буду у тебя?

— Нѣтъ, передали. Я не рѣшался свидѣться съ тобой. Что-же мы стоимъ? Садись, вотъ сюда. Какъ я радъ, какъ радъ видѣть тебя, хоть и сбѣжалъ отъ тебя утромъ.

— Почему же ты сбѣжалъ? Я все-таки не понимаю.

— Я не зналъ—извѣстно-ли тебѣ мое отношеніе къ твоей семьѣ? Въ прошломъ году ты ничего не зналъ. Если-бы ты и теперь оставался въ неизвѣстности, то мнѣ съ тобой было-бы очень тяжело; первый вопросъ, который ты задалъ-бы мнѣ: почему я не пріѣхалъ къ вамъ, поставилъ-бы меня въ глупое положеніе. Изъ твоей записки я понялъ, что тебѣ все извѣстно.

— Съ очень недавняго времени. И сожалѣю, что не раньше...

— Я нѣсколько разъ хотѣлъ написать тебѣ, но мать меня не допустила... Что-же я тебя ничѣмъ не угощаю?—Онъ вскочилъ съ мѣста и отворилъ дверь,—Петренко, Петренко! что-же самоваръ?

— Сейчасъ, ваше благородіе, несу,—отозвался солдатскій голосъ; вслѣдъ затѣмъ деньщикъ внесъ самоваръ и поставилъ на накрытый столъ, гдѣ уже были приготовлены чайный приборъ, масло, сыръ, лимонъ, булки и варенье.

— Какая у тебя роскошь!—пошутилъ Али-Гирей, присаживаясь къ столу.

— Все въ честь твою,—отозвался Викторъ,—вѣдь я въ первый разъ принимаю тебя, какъ хозяинъ. Петренко!—крикнулъ онъ.

Петренко какъ изъ земли выросъ въ дверяхъ.

— Зажги лампу, запри ставни и кто-бы не пришелъ, меня дома нѣтъ. Понялъ?

— Слушаю-съ!

— Такъ-то будетъ лучше!—сказалъ Викторъ, запирая дверь на ключъ, когда Петренко, зажегши лампу, исчезъ и загромыхалъ ставнями.

Затѣмъ Викторъ старательно заложилъ гвоздями болты ставень и усѣлся у стола.

— Мы точно заговорщики, заперлись,—смѣялся Али-Гирей.

— Во избѣжаніе непрощенныхъ гостей. Ну, прошу моего хлѣба-соли отвѣдать. Можетъ-быть, вина выпьемъ?

— Да вѣдь я же не пью.

— Я тебя не видалъ три года; могъ ты измѣнить своимъ привычкамъ. Значить: завѣты пророка свято блюдешь, я тоже

остался вѣрнымъ воспитанникомъ твоего отца и до сей поры вкуса вина не знаю. Ахъ, Гирейка, какъ я радъ тебя видѣть! Точно старое вернулось; да не вернется оно!—вздыхнулъ молодой человѣкъ и задумался. Али-Гирей также сидѣлъ молча, разсѣянно мѣшая ложечкой чай.

— Поговоримъ о дѣлѣ,—обратился онъ къ Виктору.

— Говори. Что хорошаго ты мнѣ скажешь?

— Ничего, мой бѣдный Викторъ! Добрыхъ извѣстій я тебѣ не привезу. Вѣдь меня послалъ къ тебѣ отецъ.

— Ну!—могъ только проговорить взволнованный Викторъ.

— Онъ требуетъ, чтобы ты, какъ можно скорѣе, уѣхалъ отсюда; чтобы ты не видѣлся и не переписывался съ Кумсией и чтобы ты оставилъ ее въ покоѣ...

— Онъ можетъ требовать, а я воленъ не исполнять его требованій,—вставилъ Викторъ.

— Погоди! Свои требованія онъ подкрѣпляетъ угрозой и нешуточной.

— Чѣмъ-же онъ грозитъ? Убить меня, что-ли? Этого я не боюсь; и лучше, пожалуй. По крайней мѣрѣ, одинъ конецъ.

— Какая нелѣпость,—поморщился Али-Гирей, — совсѣмъ не то: онъ велѣлъ передать тебѣ, что если ты не исполнишь его требованій, то онъ ушлетъ Кумсию въ горы, въ какой-нибудь глухой аулъ, а ты имѣешь понятіе, каковы наши старозавѣтныя семьи? Тамъ женщина представляетъ нѣчто среднее между рабыней и выюннымъ животнымъ.

Викторъ вскочилъ съ мѣста.

— У насъ есть, слава Богу, законъ!—вскричалъ онъ, — я обращаюсь къ его содѣйствію.

— Законъ тутъ ничего не подѣляетъ: отецъ воленъ поселить дочь, гдѣ ему угодно; этого никто запретить не можетъ.

— Гдѣ-бы онъ ее не поселилъ, я ее вездѣ разыщу и, въ случаѣ крайности, увезу тайкомъ!

— Ты? Не зная нашего языка, ни мѣстности? Да тебя пристрѣлятъ въ какомъ нибудь глухомъ ущельѣ, при первой попыткѣ.

— Но какъ-же ты? Какъ ты это допускаешь?

— Я тебѣ передалъ слова отца,—уклонился Али-Гирей въ прямого отвѣта.

— Я не могу отказаться отъ нея! Пойми, Гирей, она дороже всего. Прости меня Боже, дороже матери! Моя поѣздка сюда поссорила меня съ матерью; она даже не захотѣла

ститься со мной. Она не противится моей женитьбѣ; она была-бы даже счастливѣйшей женщиной, если-бы это случилось, но она не оправдываетъ моего, по ея выраженію, коварства по отношенію къ Мехти-Измаилу. Навѣрное она ему писала о моемъ переводѣ сюда; мнѣ она сказала, что предупредить его.

— Да, она писала, и при этомъ удобномъ случаѣ назвала отца деспотомъ и невѣждой,—улыбнулся Али-Гирей.

— Узнаю мамашу,—коротко разсмѣялся Викторъ.—Помнишь, какъ они часто ссорились и говорили дерзости другъ другу; помнишь, какъ твой отецъ однажды закричалъ, что если ужъ онъ такой отвратительный человѣкъ, то не лучше-ли имъ разстаться.

— Помню. И Марія Петровна ему отвѣтила, что выгнать ее ему не удастся и что она не броситъ дѣтей на произволъ безсердечнаго человѣка; что-то въ этомъ родѣ.

— Она называетъ его безсердечнымъ и самодуромъ, а все-же считаетъ за лучшаго человѣка въ свѣтѣ.

— Мой отецъ тоже ее глубоко уважаетъ и дорожитъ ея мнѣніемъ.

— Да. А въ нашемъ дѣлѣ она оказалась безсильной. Она увѣрена, что Мехти-Измаилъ никогда не согласится. Ты тоже такъ думаешь?

Али-Гирей молчалъ.

— Какъ-же быть?—схватился за голову Викторъ.

— Я, кажется, пушу себѣ пулю въ лобъ.

— Этимъ не поможешь,—насмѣшливо замѣтилъ Али-Гирей.

— Ахъ, все-равно! Лучше не жить, чѣмъ такъ мучиться. Ты не можешь понять меня, Гирей; можетъ-быть, даже, мои мученія тебѣ смѣшны: ты вѣдь какой-то странный. Ты не въ состояніи полюбить такъ, до помраченія разсудка, да и не допустилъ-бы себя увлечься дѣвушкой, на которой не можешь жениться; ты сумѣлъ-бы восторжествовать надъ чувствомъ. А я? Я не могу. Я отдалъ всего себя любви и живу только надеждой. Мехти-Измаилъ требуетъ, чтобы я отказался отъ Кумси; это все-равно, что снять съ себя голову и остаться жить. Но что-же дѣлать? Придумай что-нибудь, Гирей. Помогите!

Онъ ходилъ по комнатѣ и затѣмъ остановился передъ Али-Гиреемъ, скрестивъ руки на груди.

Али-Гирею невольно вспомнилось, какъ прежде, не разъ, Викторъ, напраказывъ, чаще всего по желанію той же Кумси, также приходилъ къ нему и, тѣмъ-же голосомъ, скрестивъ ру-

ки на груди, говорилъ: „помоги, Гирей“; но тогда не трудно было помочь, а теперь...

— Ты не отвѣчаешь мнѣ?—заговорилъ опять Викторъ,—не находишь способовъ помочь? О! Зачѣмъ твоя мать умерла? Живи она, то сумѣла-бы придумать что нибудь: она такъ любила Кумсію.

Али-Гирей удивленно посмотрѣлъ на Виктора.

— Неужели ты помнишь мою мать?

— Конечно, помню. Мы, дѣти, всѣ трое, постоянно играли въ комнатѣ ея.

Гирей провелъ рукой по лицу, точно отгоняя тяжелыя мысли.

— Это все къ дѣлу не идетъ. Надо придумать что нибудь и я придумаю, только ты не мѣшай мнѣ: притаись здѣсь и сиди, не дѣлай никакихъ попытокъ увидѣться съ Кумсіей, и Боже тебя сохрани писать ей; ты мнѣ всё дѣло испортишь.

Они просидѣли и проговорили далеко за полночь.

Когда Али-Гирей пріѣхалъ домой, то тамъ уже давно всѣ спали, кромѣ Мехти-Измаила, встрѣтившаго сына вопросомъ:

— Ну что?

— Я исполнилъ твое порученіе. Викторъ будетъ избѣгать встрѣчи съ Кумсіей и не будетъ писать ей,—коротко отвѣтилъ Али-Гирей. Старикъ не сталъ спрашивать.

Г л а в а VI.

Прошло нѣсколько дней. Али-Гирей почти не бывалъ дома: онъ проводилъ время одинъ, въ горахъ, бродя безъ усталости и цѣли по тропамъ, или садился на лошадь и бѣшеной скачкой старался успокоить свои нервы.

Мехти-Измаилъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, но Кумсія съ тревогой посматривала на похудѣвшее и осунувшееся лицо брата и хотѣла поговорить съ нимъ, однако ей никакъ это не удавалось. Наконецъ, она какъ-то остановила его и заставила войти въ свою комнату.

— Говори, что съ тобой. Ты на себя не похожъ,—приступила она къ нему.

— Могу-ли я быть похожъ на себя, зная, что ты страдаешь и мучишься?

— Что-же дѣлать, Гирей? Мрачнымъ видомъ и скитаніемъ по горамъ ты мнѣ не поможешь.

— Я гозорилъ съ отцомъ, говорилъ убѣдительно, увѣряю тебя, но ничего подѣлать не могъ,—угрюмо отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Не разговоры, а твое присутствіе—можетъ помочь; я надѣюсь теперь болѣе, чѣмъ раньше.

— Не понимаю.

— Папа неспособенъ на бессмысленную жестокость. Мысль о моей свадьбѣ съ христіаниномъ не могла не быть ему непріятной: это такъ понятно. Онъ отказалъ наотрѣзъ, но тогда онъ не считалъ мою любовь такой постоянной и глубокой: теперь онъ увѣрился въ этомъ, онъ видитъ, что я не измѣнюсь и не забуду; вѣдь онъ всѣ средства употребилъ и ничего не достигъ. Если-же ты съ нимъ, то ему легче примириться съ моей судьбой; при тебѣ я ему менѣе нужна. Онъ и меня очень любитъ, можетъ-быть, не меньше, чѣмъ тебя, но ты—мужчина: ты лучше и поймешь его, и поможешь ему. Я знаю, онъ многое затѣваетъ здѣсь и только ждалъ тебя, чтобы привести въ исполненіе свои проекты... А какъ ты держишь себя? Ты бѣгаешь изъ дома, удаляешься отъ отца, постоянно молчишь, точно хочешь наказать его за сопротивленіе.

— Я не могу быть такимъ покорнымъ, какъ ты, — хмуро пробормоталъ онъ,—и твоему безусловному подчиненію я удивляюсь.

— Что-же я выиграла-бы, возмущаясь противъ отца? Мое сопротивленіе только можетъ быть пассивнымъ. Я не играю роли и не представляюсь веселой; отецъ очень хорошо видитъ, что меня ничто не интересуется, что я удаляюсь отъ общества, что для меня наказаніе—поѣхать въ крѣпость или принимать гостей и онъ очень ясно понимаетъ причину. Мнѣ тяжело съ чужими людьми; только присутствіе Астанэть не стѣсняетъ меня. Ее я люблю.

— И Астанэть перестала бывать у тебя; я уже давно ее не видалъ. Ты и ее прогнала.

— Астанэть я всегда рада видѣть; она рѣдко бываетъ не по моему желанію. Тутъ другая причина.

— Другая причина?—съ удивленіемъ поднялъ онъ голову.

— Неужели ты ничего не замѣтилъ, Гирей?

— Я?! Что я могъ замѣтить?

— Если ловить каждый взглядъ человѣка, быть счастливой тѣ небрежно брошеннаго ласковаго слова, безутѣшно плакать тѣ подмѣченнаго равнодушія — не значитъ любить, то Аста-

нэгъ не влюблена въ тебя. Господи! Какой у тебя глушый видъ? —вдругъ разсмѣялась Кумсія, взглянувъ на брата.

— Я только удивляюсь, какъ ты ничего не замѣчаешь. Вѣдь, когда ты въ комнатѣ, она никого не видитъ и не слышитъ, кромѣ тебя. Даже папа замѣтилъ это и говорилъ мнѣ.

— А она сама говорила тебѣ что-нибудь?

— У насъ и разговоровъ другихъ нѣтъ. Только мы остаемся одни, о чемъ-бы я не заговорила, Астанэтъ непременно переведетъ на тебя.

— Безсердечный, бездушный человѣкъ! Бѣдная Астанэтъ! Я знаю, что Викторъ любитъ меня всею душою, и если я страдаю, то и онъ также; я знаю, что каждая его мысль принадлежитъ мнѣ. А она, Астанэтъ, отдала тебѣ все свое сердце, готова молиться за тебя и ея беззавѣтное чувство встрѣчаетъ только глумленіе и хохотъ.

— Можетъ быть, что нибудь и другое,—возразилъ Али-Гирей.

— Что другое? Снисходительную и презрительную жалость къ бѣдной дикаркѣ? Какъ я жалѣю, что сказала тебѣ объ этомъ! Я хотѣла сдѣлать для нея лучше. Развѣ я думала, что ты способенъ смѣяться надъ чувствомъ? Какую я сдѣлала глупость!

— Увѣряю тебя, что ты никогда ничего умнѣе не дѣлала; —онъ всталъ и взялъ свою шапку.

— Почему ты думаешь, что я смѣялся надъ чувствомъ Астанэтъ? Можно смѣяться и *отъ* чувства, напримѣръ чувства неожиданнаго счастья.

Онъ стремительно вышелъ, прежде чѣмъ Кумсія успѣла остановить его. Она удивленно смотрѣла ему вслѣдъ, не понимая смысла его загадочныхъ словъ.

Г л а в а VII.

Хотя Викторъ сдержалъ слово и сидѣлъ дома, но не прошло и недѣли, какъ Кумсія узнала о его приѣздѣ.

Къ Уладдаевымъ приѣхали вечеромъ гости изъ крѣпости: двѣ барышни со своимъ отцомъ и въ числѣ другихъ новостей сообщили о появленіи молодого офицера, что было пѣлымъ событіемъ въ однообразной жизни обитателей крѣпости.

Какъ только гости уѣхали, уже около полуночи, Мехт-Измаилъ и Кумсія сейчасъ-же разошлись по своимъ комнатамъ.

Али Гирей вышелъ на балконъ и болѣе часу проходилъ взадъ и впередъ.

Когда онъ затѣмъ отправился къ себѣ, то проходя мимо комнаты сестры, остановился и прислушался: ему почудилось сдержанное рыданіе. Онъ толкнулъ дверь, которая оказалась незапертой, и вошелъ. Кумсія лежала въ постели, спрятавъ лицо въ подушки; при слабомъ свѣтѣ ночника Али-Гирей увидѣлъ, что плечи дѣвушки вздрагивали отъ рыданій. Онъ подошелъ къ постели и опустился на стулъ; Кумсія охватила руками шею брата и прижалась головой къ его груди.

— О, Гирей, Гирей! Я не могу, не могу...—прерывающимся голосомъ прошептала она.

Али-Гирей, обнявъ ее, тихо гладилъ по волосамъ, цѣловалъ въ лобъ и успокаивалъ, какъ ребенка.

— Ты зналъ... о его... приѣздѣ?—спросила она.

— Я видѣлъ его,—отвѣчалъ братъ,—Онъ любитъ тебя по-прежнему. Не плачь; не надрывай мнѣ душу. Даю тебѣ слово, что ты будешь счастлива. Я сдѣлаю это. Отецъ согласится. Я устрою!—несвязно говорилъ онъ.

Долго сидѣлъ Али-Гирей у сестры, держа ее въ своихъ объятіяхъ и нашептывая утѣшительныя слова, пока, утомленная слезами и волненіемъ, Кумсія заснула на его плечѣ. Тогда онъ осторожно опустилъ ея голову на подушку и съ полчаса еще задумчиво просидѣлъ у постели сестры.

Придя къ себѣ, онъ заперъ дверь на ключъ и сѣлъ у своего письменнаго стола.

— Дальше медлить нельзя. Я клялся матери,—почти вслухъ проговорилъ онъ.—Ничего другого не придумаешь.

Онъ взялъ листъ почтовой бумаги и началъ писать. Перо быстро бѣгало по бумагѣ; выражений, промелькнувшихъ въ головѣ, пока онъ сидѣлъ у сестры, не приходилось придумывать и желаемый тонъ письма легко давался. Онъ писалъ брату любимой дѣвушки, своему бывшему товарищу: описывалъ свою жизнь на родинѣ, выражалъ свою радость по случаю того, что завѣтная мечта его близка къ осуществленію и онъ можетъ быть теперь „первымъ въ деревнѣ“, затѣмъ писалъ, что онъ уже сдѣлалъ къ этому первый шагъ, такъ какъ женится на дочери очень вліятельнаго и богатаго человѣка, умышленно преувеличивая какъ богатство, такъ и вліяніе наиба Джалиль-Магомы; ему хотѣлось дать понять, что только эти богатство и вліяніе заставляютъ его жениться; но онъ упомянулъ вскользь о красотѣ дѣвушки и о ея крайней молодости: „впрочемъ я ее видѣлъ толь-

ко одинъ разъ и не разсмотрѣлъ хорошо, но говорить, что она красавица и ей всего пятнадцать лѣтъ; тѣмъ легче мнѣ съ нею справиться“, писалъ Али-Гирей.

Кончивъ письмо, онъ перечелъ его; впечатлѣніе получалось такое, какого онъ желалъ: въ этомъ письмѣ онъ являлся глубокимъ эгоистомъ, готовымъ принести въ жертву своимъ планамъ все, что есть святого въ человѣкѣ; онъ зналъ, что это письмо, хотя написанное къ товарищу, непременно прочтется его сестрой, и писалъ собственно для нея.

— Боже мой! Какимъ негодяемъ я буду въ ея глазахъ,—подумалъ онъ,—какъ она будетъ презирать и, можетъ-быть, проклинать меня, если только ея чувство хоть на половину такъ сильно, какъ мое.

Ему захотѣлось порвать это лживое письмо и написать другое, уже прямо ей, высказать ей всю правду, всю муку своей наболѣвшей души, сказать, что для него легче-бы было умереть, чѣмъ отказаться отъ нея, что только суровый долгъ, котораго онъ преступить не можетъ, заставляетъ его оттолкнуть отъ себя счастье, о которомъ онъ мечталъ. Но онъ сейчасъ же отогналъ эти мысли и запечаталъ письмо.

— Такъ лучше,—думалъ онъ,—пусть будетъ увѣрена, что я только отъ нечего дѣлать представлялся любящимъ: оскорбленное самолюбіе поможетъ ей забыть меня; пусть страдаетъ какъ можно меньше. Заставить ее думать, что я безчестный чвѣкъ, недостойный ея любви, это единственная услуга, какую я могу ей оказать.

Онъ взглянулъ на часы: было шесть. Только черезъ два часа можно было поѣхать въ крѣпость, чтобы отослать письмо, но оставаться дома онъ не могъ; онъ задыхался въ комнатѣ: ему нужно было движеніе, свѣжій воздухъ; онъ положилъ письмо въ карманъ, надѣлъ папаху, взялъ нагайку и вышелъ.

Нукеры уже встали; Али-Гирей велѣлъ осѣдлать лошадь, вскочилъ въ сѣдло и крупной рысью выѣхалъ за ворота.

Спустившись съ крутизны, молодой горецъ далъ поводья лошади и помчался по дорогѣ, примѣняя уже извѣданное имъ средство для успокоенія нервовъ. Проскакавъ версты три, онъ повернулъ другой дорогой къ аулу и сталъ сдерживать хрупавшаго и разгоряченнаго коня, такъ какъ примѣтилъ гругвсадниковъ, выѣхавшихъ изъ аула и направившихся по тропѣ въ горы; приглядѣвшись, онъ узналъ наиба Джалиль-Магомада и впереди сопровождавшихъ его нукеровъ.

— Судьба,—подумалъ Али-Гирей и, встряхнувъ голову,

точно рѣшившись на что-то, пустилъ лошадь опять въ карьеръ въ догонку всадникамъ.

Старикъ наибъ, услыхавъ за собой топотъ скачущей лошади и узнавъ сына своего друга, остановился, поджидая Али-Гирея.

— Здравствуй, Джалиль-Магома, — сказалъ тотъ, подъѣзжая къ наибу, — куда ѣдешь?

— Въ Гоцатль, — отвѣтилъ старикъ, — не хочешь-ли проѣхаться со мной, Гирей?

— Нѣтъ; я хотѣлъ только знать, скоро-ли ты возвратишься? Отецъ мой хотѣлъ сегодня быть у тебя по дѣлу.

— Я къ вечеру приѣду; если Мехти-Измаилу надо меня видѣть, я заверну къ нему передъ закатомъ солнца. А какое дѣло ко мнѣ у твоего отца, не знаешь?

— Знать-то знаю, — улыбаясь отвѣтилъ Али-Гирей, — да, по обычаю, мнѣ не подобаетъ говорить объ этомъ тебѣ, хотя дѣло касается больше всего меня.

— А-а, — протянулъ наибъ, лукаво прищурясь, — должно быть, кого-либо, мнѣ близкаго, оно касается; но только, кажется, по обычаю объ этомъ дѣлѣ болѣе всего пристало говорить старымъ женщинамъ?

— Но ни у тебя, ни у моего отца нѣтъ старыхъ женщинъ въ домѣ! — засмѣялся Али-Гирей, — такъ вамъ приходится братья за женское дѣло.

— А ты, молодецъ, пожалуй, и доволенъ, — шутилъ Джалиль-Магома, положивъ свою руку на плечо Али-Гирея, — мы съ твоимъ отцомъ скорѣе дѣло поведемъ, чѣмъ старыя бабы; какъ думаешь?

— Надѣюсь, что скорѣе, а мнѣ это будетъ очень на руку.

— Ого! Такъ тебѣ-бы скорѣе хотѣлось?

— По мнѣ, самое лучшее — завтра-же итти къ кадію.

— Скоро ужъ очень захотѣлъ. Подождешь! — весело расхохотался наибъ, — не задерживай меня больше, не то опоздаю и не увижусь сегодня съ твоимъ отцомъ.

— Нѣтъ, непременно заѣзжай къ отцу, — Али-Гирей оглянулся на нукеровъ и, перегнувшись съ сѣдла, наклонился къ наибу, — Джалиль-Магома, — сказалъ онъ, понизивъ голосъ, — разрѣши сказать Астанэтъ, что ты не отвергаешь меня.

— А ты уже съ ней заговаривалъ объ этомъ? — покосился на него старикъ.

— Боже сохрани! Я только теперь вижу, что ты благо-

склоненъ ко мнѣ, а какъ я могъ говорить ей, не зная твоихъ мыслей.

— Смиреникъ-то какой! Вы, молодежь, и за нашими спинами шептаться умѣете! Знаю, самъ былъ молодъ!

— Такъ позволяешь, Джабилъ-Магома? Да?

— Ужъ это совсѣмъ не по обычаю; да Богъ съ тобою, позволяю. Ты и безъ моего позволенія, пожалуй, обожелся-бы, такъ ужъ лучше позволить!

— Я передамъ Астанэтъ!...

— Скажи, скажи! Не терпится тебѣ.

Они оба разсмѣялись и разѣхались.

Г л а в а VIII.

Когда Али-Гирей вернулся изъ крѣпости, отправивъ свое письмо, то на балконѣ слуга уже приготавлилъ столъ къ утреннему чаю, но ни отца, ни Кумсін здѣсь еще не было. Молодой человѣкъ прошелъ въ свою комнату. Распахнувъ окно, онъ присѣлъ на подоконникъ; голова его слегка кружилась отъ безсонной ночи и отъ безумной скачки, но спать не хотѣлось, только глаза горѣли; онъ машинально оглядывалъ комнату, въ которую очевидно никто не входилъ еще; постель такъ и осталась приготовленной на ночь, съ откинутымъ одѣяломъ; лампа, которую онъ, уходя, не погасилъ, горѣла непріятнымъ желтымъ свѣтомъ; взглядъ его упалъ на записную книжку, забытую на столѣ; онъ досталъ ее и вынулъ заветную карточку. Улыбающееся личико смотрѣло, показалось ему, съ недоумѣніемъ и упрекомъ въ прелестныхъ наивныхъ глазахъ.

Сердце его мучительно сжалось. Все хорошее, счастливое отходило назадъ, а впереди былъ мракъ и горе, въ которыхъ единственнымъ просвѣтомъ являлась дѣятельность на пользу родному краю и народу; отнынѣ это незамѣтное, упорное дѣло должно замѣнить ему личное счастье, которое ему не суждено.

— Почти женихъ,—подумалъ онъ.—Теперь любовь моя стала преступленіемъ; я не имѣю даже права сохранить воспоминаніе о ней.

Онъ всталъ, подошелъ къ столу и рѣшительнымъ движеніемъ поднялъ карточку надъ лампой: черезъ секунду краешекъ ея пожелтѣлъ, закрутился, почернѣлъ и вдругъ картонъ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ. Али-Гирей осторожно положилъ на

пепельницу горѣвшую карточку и подождавъ, пока отъ нея осталась только черная зола, вышелъ изъ комнаты.

Кумсіа уже наливала чай, а Мехти-Измаилъ сидѣлъ у стола, задумчиво смотря на дворъ, гдѣ нукеръ водилъ вспотѣвшаго коня Али-Гирея.

— Какъ ты измучилъ лошадь, Гирей,—сказалъ старикъ, когда сынъ, поцѣловавъ на ходу сестру, наклонился поцѣловать руку отца.—Гдѣ былъ ты такъ рано?

— Въ крѣпости. Мнѣ надо было отправить письмо,—отвѣчалъ Али-Гирей, присаживаясь къ столу.

— Развѣ не могъ отослать съ нукеромъ?

— Мнѣ хотѣлось проѣхаться. Я встрѣтилъ нашего наиба; онъ уѣхалъ въ Гоцатль.

— Надолго?—разсѣяно спросилъ Мехти-Измаилъ.

— До вечера. Возвращаясь, онъ заѣдетъ поговорить съ тобой. Я ему сказалъ, что ты хотѣлъ видѣться съ нимъ по дѣлу.

Мехти-Измаилъ удивленно вскинулъ глаза на сына, который пристально смотрѣлъ на него.

— Видѣться съ наибомъ? Я!

— Ну да,—перебилъ Али-Гирей.—Пора-же кончить дѣло, о которомъ ты говорилъ мнѣ. А ты, сестренка, хорошо спала послѣ того, какъ я тебя убаюкалъ? Знаешь, отецъ, мы вспомнили вчера тѣ времена, когда я, бывало, укладывалъ ее спать, когда она была маленькой дѣвочкой.

— Не такъ ты уже старше меня, чтобы могъ нянчиться со мной, когда я была младенцемъ,—улыбнулась Кумсіа.

— Все-таки я былъ двѣнадцатилѣтнимъ мужчиной, когда ты крошечной пятилѣтней дѣвчуркой не разъ засыпала у меня на рукахъ. Я встрѣтилъ,—опять обратился онъ къ отцу,—старика Кази-Магому; удивительно онъ еще бодръ; пожалуй, ему лѣтъ девяносто.

— И всѣ сто. Я въ дѣтствѣ помню его уже старикомъ,—отвѣчалъ Мехти-Измаилъ.

Али-Гирей продолжалъ болтать, не давая умолкнуть разговору, безъ труда находя новыя темы, какъ это бываетъ съ нервно-возбужденными людьми. Мехти-Измаилъ изрѣдка подавалъ ему реплики, не переставая думать о странныхъ словахъ сына по отношенію къ Джаилъ-Магомѣ. Кумсіа молчала, озабоченно слѣдя за братомъ, ненормальную веселость котораго она не могла не замѣтить.

Какъ только отецъ кончилъ пить чай, Али-Гирей поднялся со стула.

— Отецъ, пройдемъ къ тебѣ. Надо намъ столковаться по поводу наиба,—сказалъ онъ торопливо допивая чай.

Онъ вошелъ за отцомъ въ его кабинетъ и тщательно заперъ за собою дверь.

Мехти-Измаилъ остановился у своего обычного кресла.

— Я ничего не понимаю, Гирей. Объясни, что это значитъ,—сказалъ онъ.

— Я уже говорилъ тебѣ: я встрѣтился съ Джалиль-Магомой, сказалъ ему, что ты имѣешь къ нему дѣло и такъ прозрачно намекнулъ—какое дѣло, что онъ разрѣшилъ мнѣ сегодня-же сказать Астанэтъ, что отецъ ея не отвергаетъ мои исканія.—Али-Гирей коротко разсмѣялся нервнымъ смѣхомъ.—Впрочемъ, онъ далъ мнѣ это разрѣшеніе, будучи вполнѣ увѣренъ, что такой нетерпѣливый влюбленный, какъ я, обойдется и безъ его позволенія.

— Гирей! Неужели! Благодарю Тебя, Богъ мой! О мой Гирей!—у старика отъ радостнаго волненія даже задрожали ноги и онъ поспѣшилъ сѣсть въ кресло.

— Да, твой Гирей,—все болѣе волнуясь, возбужденно перебилъ сынъ,—Гирей—твой нераздѣльно и навсегда. Ты говорилъ, что хочешь сохранить кого-нибудь изъ насъ; что передо мною ты безсиленъ, а сестру подчинишь своей волѣ; что, если бы я не стремился уйти отъ тебя, то ты согласился-бы на ея бракъ. Я остаюсь съ тобой; я самъ добровольно покоряюсь тебѣ и признаю надъ собою твою власть! Я весь отдаюсь тебѣ и моему народу—вѣдь у меня больше ничего не осталось въ жизни. Никого, кромѣ тебя, сестры и родины! Я исполняю твои желанія, исполни-же и ты мое: согласишься на счастье Кумсін.

— Ты ставишь мнѣ условія?—сказалъ отецъ.

— Условія? Нѣтъ! Какія-же это условія? Тамъ, въ Москвѣ все кончено: я написалъ туда такое письмо, что если-бы и пожелалъ вернуть старое, то меня оттолкнули-бы съ отвращеніемъ. Здѣсь Джалиль-Магома уже призналъ мои права на его дочь, какъ жениха. Возврата назадъ мнѣ нѣтъ. Я отрѣзалъ себѣ всѣ пути! Я не говорю тебѣ: сдѣлай по-моему и я поступлю по-твоему. Я говорю: ты сломилъ мою волю, дай-же мнѣ что-нибудь взамѣнъ моей покорности. Я сдаюсь безъ условій и надѣюсь на великодушіе побѣдителя.—Онъ опять нервно разсмѣялся и, обойдя столъ, за которымъ сидѣлъ отецъ, неостановившись, гибкимъ, молодымъ движеніемъ опустился на колѣни передъ отцомъ.

— Гирей! что ты дѣлаешь?—вскричалъ отецъ, покраснѣвъ и, схвативъ его за плечи, старался поднять.

— Нѣтъ, нѣтъ; не встану, пока ты не согласишься.

— Выходить, что не я—побѣдитель, а ты. Ты заставляешь меня уступить тебѣ.

— Цѣною своего счастья и покоя! Понимаешь-ли ты, на что я себя обрекаю? Я долженъ всю жизнь носить маску! Вѣдь Астанэтъ ни въ чемъ не виновата: я обязанъ быть для нея любящимъ мужемъ. Долженъ слѣдить за собой постоянно, чтобы у нея и подозрѣнія не мелькнуло, что моя душа закрыта для нея. Мои ласки всегда должны быть нѣжны и горячи! Мое лицо всегда весело. Я долженъ быть вѣчно на-сторожѣ, чтобы не измѣнить себѣ, не проговориться даже и во-снѣ. Я буду считать себя послѣднимъ негодяемъ, если моя жена не будетъ счастлива; она должна видѣть меня всегда спокойнымъ, радостнымъ и довольнымъ, хотя-бы мое сердце разрывалось отъ тоски и горя. Никогда не быть самимъ собой! Не смѣть показывать всю боль души! Вѣдь это пытка, отецъ; это—мука выше силъ человѣческихъ!

Онъ уронилъ голову на колѣни отца и вдругъ глухо зарыдалъ тяжелыми, мучительными слезами, какими плачетъ сильный человѣкъ; не привыкшій находить въ нихъ облегченія.

— Гирей, Гирей,—растерянно говорилъ старикъ, — ради Бога, успокойся. Боже мой! Гирей! Ты меня вишишь теперь въ своемъ горѣ? Въ твоей душѣ поднимаются упреки противъ меня; можетъ-быть, даже озлобленіе...

Али-Гирей поднялъ свое измученное лицо, губы еще нервно дрожали и грудь вздымалась тяжело и порывисто.

— Нѣтъ, отецъ; даю слово. Ты былъ правъ! Я самъ, чувствовалъ, что другого исхода нѣтъ. Это въ Москвѣ я могъ мечтать, а здѣсь я понялъ, что сразу отбросить все то, чѣмъ жилъ всю жизнь—невозможно. Сдѣлай я это, все-равно счастья-бы не было. Между мною и ею всегда-бы стояло мое отступничество, моя измѣна всѣмъ традиціямъ семьи и націи. Забыть все, что я привыкъ чтить, я бы не смогъ и ни одной минуты у меня не было-бы неотравленной. Я бы сгубилъ и себя, и ее, не говоря ужъ о тебѣ. Пусть лучше я одинъ. Я же одинъ только и виновать, что довелъ себя до этого безумія.

— Когда-нибудь ты поблагодаришь меня за то, что я остановилъ тебя отъ этого шага,—медленно проговорилъ Мехти-Измаилъ, наклонясь надъ сыномъ и кладя руку на его голову. —Я знаю тебя. Если-бы даже тебѣ не надо было измѣнять сво-

ей религии, то съ русской дѣвушкой ты не былъ-бы счастливъ. Въ твоей натурѣ слишкомъ много деспотизма, это у насъ въ крови. Тебѣ надо жену изъ нашего племени, которая вполне подчинилась-бы тебѣ, для которой твое слово было-бы закономъ. Ты долженъ быть господиномъ въ своей семьѣ: противорѣчія твоимъ желаніямъ, а тѣмъ болѣе неисполненія твоихъ требованій—ты не снесешь.

— Можетъ-быть, ты правъ,—тихо отвѣтилъ Али-Гирей, поднимаясь съ колѣнъ.

Мехти-Измаилъ повернулся къ столу и, взявъ листъ бумаги, началъ писать; черезъ полчаса онъ взглянулъ на сына:

— Ты успокоился, Гирей?

— Кажется,—отозвался Али-Гирей.

— Поди сюда, прочти,—протянулъ ему отецъ свое письмо. Али-Гирей подошелъ, взялъ листокъ и прочелъ:

„Многоуважаемая Марія Петровна!

Самодуръ и деспотъ извѣщаетъ васъ, что онъ согласенъ на свадьбу вашего сына съ его дочерью, и покорнѣйше проситъ васъ немедленно пріѣхать къ нему, такъ какъ безъ вашей помощи въ этомъ дѣлѣ онъ обойтись не можетъ. Не только надѣюсь, но вполне увѣренъ, зная васъ, что вы не захотите огорчить вашу Кумсію своимъ отказомъ. Телеграфируйте день выѣзда, чтобы я могъ васъ встрѣтить въ Шурѣ.

М.-И. Уладдаевъ“.

— Благодарю,—коротко сказалъ Али-Гирей.

— Какъ думаешь, убѣдительно? Пріѣдетъ она?

— Несомнѣнно; сейчасъ-же.

— Позови ко мнѣ сестру.

Кумсія была не одна: рядомъ съ ней, на маленькомъ диванчикѣ сидѣла Астанэтъ.

— Иди къ отцу, Кумсія; онъ зоветъ тебя,—сказалъ Али-Гирей входя.

— Зачѣмъ?—спросила, вставая Кумсія, съ испугомъ смотря на блѣдное лицо брата.

— Поди, узнаешь; да не бойся, ничего дурного, напротивъ,—улыбнулся онъ ей.

Кумсія вышла.

Али-Гирей подошелъ къ Астанэтъ.

— Здравствуй, Астанэтъ, давно я не видалъ тебя.

— Здравствуй, Али Гирей,—прошептала дѣвушка, вставшій при его входѣ, не глядя на него и краснѣя до ушей.

— А я знаю новость для тебя. Хочешь—скажу.

Она вскинула на него глаза и сейчас-же опять опустила ихъ, но ничего не отвѣчала.

— Твой отецъ хочетъ посватать тебя.

— Посватать!—воскликнула Астанэть, поднимая голову.— Я не хочу, ни за что! Я не хочу выходить замужъ! Ни за кого! А ты откуда знаешь объ этомъ?

— Я говорилъ съ твоимъ отцомъ. Я самъ и предложилъ ему жениха.

— Ты!—она еще болѣе вспыхнула; слезы засверкали на ея глазахъ и повисли на рѣсницахъ.

— Да, и онъ согласенъ. Я надѣялся,—прибавилъ онъ тише,—что ты немного любишь меня.

— О, Гирей! Зачѣмъ такъ шутишь?—дрожащимъ голосомъ прошептала она.

— Я не шучу,—онъ взялъ ея руку,—сегодня мой отецъ будетъ говорить съ твоимъ, но наибъ согласенъ и позволилъ сказать тебѣ теперь-же. Вѣдь я не ошибся? Нѣтъ, Астанэть? Ты любишь меня? Ну, скажи-же.

Она подняла на него глаза, въ которыхъ онъ прочелъ такую преданность, такую любовь, граничащую съ обожаніемъ, что ему сдѣлалось мучительно стыдно за свой обманъ, за то притворство, которымъ онъ платилъ ей за ея искреннее чувство.

— Такъ любишь? Да? Пойдешь за меня охотно?—поспѣшилъ онъ опять заговорить.

— Да,—чуть слышно прошептала она.

— Такъ поцѣлуй меня,—наклонился онъ къ ней.

Она отшатнулась.

— Нѣтъ, нѣтъ Какъ можно! Тогда, когда ты будешь моимъ мужемъ...

— Тогда,—перебилъ онъ, овладѣвая и другой ея рукой,—ты не посмѣешь мнѣ отказать въ поцѣлуѣ; а я хочу теперь: поцѣлуй меня добровольно теперь, когда можешь еще оттолкнуть меня.

Онъ просилъ почти невозможнаго: для горской дѣвушки, воспитанной въ строгихъ правилахъ нравственности, поцѣловать не только посторонняго человѣка, но даже отца или взростаго брата—такое необычное дѣло.

— Я женихъ твой, буду твоимъ мужемъ, ты любишь меня и я хочу почувствовать твою любовь; иначе я буду думать, что ты не охотою идешь за меня,—убѣждалъ онъ её, самъ не понимая, почему онъ настаиваетъ на своемъ невозможномъ тре-

бываніи и въ душѣ удивляясь себѣ; но ему неудержимо хотѣлось почувствовать не любовь ея, а свою власть надъ нею.

„Деспотъ по натурѣ“,—вспомнились ему вдругъ слова отца.

— Я не повѣрю твоей любви, пока ты не поцѣлуешь меня, —продолжалъ онъ настаивать.

— Я люблю тебя,—прошептала она.

— Докажи! Я хочу твоего поцѣлуя,—онъ положилъ ея руки на свои плечи и обнялъ ее,—Астанэтъ! Моя Астанэтъ!.. Я хочу; поцѣлуй меня; сама поцѣлуй!

— Она подняла голову и робко коснулась его губъ своими.

Онъ сжалъ ее въ объятіяхъ и почувствовалъ, что ея руки обняли его шею и вся она задрожала подъ его поцѣлуемъ.

— Я—первый мужчина, котораго она обняла и поцѣловала, а другого не будетъ, пока я живъ,—подумалъ онъ съ страннымъ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія.

Вдругъ дверь со стукомъ распахнулась: Кумсія ураганомъ влетѣла въ комнату и остолбенѣла.

Астанэтъ съ легкимъ возгласомъ вырвалась изъ рукъ Али-Гирея, бросилась на диванъ и прижалась въ уголь, закрывъ лицо руками.

— Гирей, что это значитъ?—едва могла проговорить Кумсія.

— Это значитъ, что Астанэтъ моя невѣста,—отвѣчалъ онъ, —объ этомъ-то дѣлѣ Джалиль-Магома и пріѣдетъ говорить съ отцомъ. И тебя, кажется, можно поздравить, сестренка?

Кумсія всплеснула руками, бросилась на шею брата и стала цѣловать его.

— Противный Гирейка! Все устроилъ, а самъ молчитъ! Позвалъ къ папѣ! Точно и не зналъ ничего,—говорила она между поцѣлуями,—но Астанэтъ—твоя невѣста? Какое счастье! Папа уже послалъ за моимъ женихомъ; заставилъ меня написать ему. Я тебѣ обязана моимъ счастьемъ. Папа сказалъ, что только ради тебя онъ согласился, что ты убѣдилъ его. О, Гирей! Благодарю тебя.

— Не благодари, ничѣмъ ты мнѣ не обязана,—отвѣтилъ Али-Гирей, слегка отстраняя ее,—постаравшись убѣдить отца, я только исполнилъ клятву, данную матери, позаботиться о твоёмъ счастьи. Да это и не было мнѣ особенно трудно: отецъ не хотѣлъ твоимъ горемъ омрачать мое счастье.—Онъ съ улыбкой указалъ на Астанэтъ.—Успокой ее: я ее совѣмъ разодѣлъ своей несдержанностью. Я пойду къ отцу; если онъ еще не отослалъ твоей записки Виктору, я самъ отвезу ее.

Войдя въ кабинетъ отца, Али-Гирей вдругъ почувст-

валъ, что у него потемнѣло въ глазахъ и колѣни подкосились.

— Что съ тобой?—вскричалъ Мехти-Измаиль, подхватывая сына.

Но тотъ уже оправился.

— Этого еще не доставало,—сказалъ онъ со злостью,—обморокъ! Точно баба.

— Ты, навѣрное, не спалъ сегодняшнюю ночь, а можетъ, и нѣсколько ночей,—проворчалъ отецъ.—Ложись вотъ здѣсь, на тахтѣ.

Онъ уложилъ сына, снялъ съ него поясъ, растегнулъ черкеску и бешметъ.

Али-Гирей чувствовалъ такую слабость, что, какъ малый ребенокъ, отдался заботамъ отца; безсонныя ночи и тревоги столькихъ недѣль сказались на его не слабомъ организмѣ.

— Никого не пускай ко мнѣ,—пробормоталъ онъ, закрывая глаза.

— Будь спокоенъ! Спи. Да поможетъ тебѣ Богъ!

Черезъ минуту *счастливый* женихъ спалъ тяжелымъ сномъ.

Константинъ Роговской.

ДВѢ ТУЧКИ.

Изъ Ов. Туманіанца.

Съ зеленого трона спокойной вершины
Поднявшись тревожно въ темнѣющій сводъ,
Гонимая бурей, по краю стремнины
Двѣ тучки печальныя мчались впередъ.

*
* *

Но даже и буря, въ порывѣ жестокомъ,
Одну отъ другой оторвать не могла,—
Хоть злобой дышала и въ небѣ широкомъ
Ихъ, съ мѣста на мѣсто бросая, гнала.

*
* *

И вмѣстѣ, все дальше, по темной лазури,
Прижавшись другъ къ другу, въ безбрежную высь,
Гонимая злобнымъ дыханіемъ бури,
Двѣ тучки, двѣ грустныя тучки неслись.

Иванъ-да-Марья.

Изъ археологическихъ изслѣдованій барона де-Бай.

(Съ французскаго).

Мое послѣднее путешествіе по Россіи и Сибири закончилось поѣздкой по Закавказью, откуда я привезъ между многими другими очень интересными предметами *бронзовый мечъ*, найденный въ разрытой крестьянами могилѣ въ окрестностяхъ маленькаго городка Сигнаха, въ Кахетіи.

Кахетія, это садъ Грузіи, вытянувшійся полосой, шириной въ 40 километровъ, у южнаго склона цѣпи горъ Дагестана, отъ котораго отдѣляется долиной рѣки Алазань.

Мечъ этотъ не имѣетъ острія; рукоятка его сдѣлана изъ одного куска съ лезвіемъ. Онъ сохранился почти совершенно неповрежденнымъ,—только головка рукоятки нѣсколько повреждена. Форма этого меча очень характерна; главнымъ-же образомъ интересъ этого оружія заключается въ его украшеніяхъ.

Кромѣ желобовъ, которые тянутся вдоль лезвія и образуютъ на его срединѣ уголь, около рукоятки видны вырѣзанныя спирали и изображенія козероговъ.

Извѣстны также другіе мечи, правда, покороче этого, но подобные ему и найденные въ той-же области, однако они не украшены ни спиралями, ни изображеніями животныхъ. Точно такихъ мечей, найденныхъ въ Грузіи, существуетъ два экземпляра и принадлежатъ они Тифлисскому музею; они были найдены на кладбищѣ Самтавро ¹⁾, недалеко отъ Тифлиса, возлѣ города Мцхетъ, древней столицы Грузіи. Кладбище это представляетъ собою ряды могилъ, расположенныхъ одни надъ другими и принадлежащихъ нѣсколькимъ послѣдовательнымъ періодамъ. Интересующіе насъ мечи относятся къ могиламъ наиболѣе древнимъ. Они описаны г. Вырубовымъ въ 1877 г. и г.

---

¹⁾ „Антикварные предметы музея Общества любителей археологій на Кавказѣ“, М. Вырубова, Тифлисъ, 1877. Къ несчастью, это археологическое общество прекратило свое существованіе.

Шантръ въ его соч. „Антропологическія изысканія на Кавказѣ въ 1886 г.“¹⁾.

Бэйернъ полагалъ, что древніе обитатели Самтавро—киммерійцы²⁾. Впрочемъ, я не имѣю въ виду относить къ тому или другому народу древностей, о которыхъ идетъ рѣчь; я хочу только указать ихъ археологическій интересъ. Полагаю, что Закавказье пока еще очень мало изслѣдовано, очень мало изучено, чтобы дѣлать какіе-либо этнографическіе выводы изъ многочисленныхъ предметовъ, найденныхъ по настоящее время.

Ж. Патрони, помощникъ хранителя музея въ Неаполѣ, сообщилъ недавно о многихъ мечахъ, найденныхъ при раскопкахъ, произведенныхъ г. Орси въ восточной Сициліи³⁾. Ж. Патрони относитъ ихъ къ бронзовому вѣку и къ микенскому типу.

Это опредѣленіе мнѣ кажется правильнымъ. Дѣйствительно, раскопки г. Шимана въ Микенахъ дали мечи того-же типа⁴⁾.

Ограничиваюсь здѣсь этими приближеніями, этими сравненіями, которыя послужатъ данными, чтобы установить географическое протяженіе культуры, характеризующейся оружіемъ изъ бронзы, глиняными горшками и въ частности мечами, образчикъ коихъ представленъ мною.

Нѣкоторые архелогические предметы сами по себѣ не имѣютъ значительнаго научнаго интереса, но они приобрѣтаютъ большой интересъ, если изучать ихъ географическое распространеніе. Устанавливая одновременно пространства, гдѣ они встрѣчаются и эпохи, кои имъ приписываются, можно или опредѣлить ихъ происхожденіе или сдѣлать какое либо этнографическое указаніе или, по крайней мѣрѣ, предложить какое-либо объясненіе ихъ нахожденію на всемъ протяженіи болѣе или менѣе обширнаго района.

Въ 1895 г., возвращаясь съ моего перваго путешествія по Сибири, я предполагалъ вамъ представить металлическое зеркало, найденное при раскопкахъ, произведенныхъ въ моемъ при-

---

¹⁾ E. Chantre, *Recherches archéologiques dans le Caucase*, t. II, p. 105, et pl. XLVIII.

²⁾ *Zeitschrift für Ethnologie*, 1872.—*Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft*. Wien, 1874.

³⁾ *La civilisation primitive dans la Sicile orientale*, par G. Patroni (*Rev d'anthropologie*, 1897, n° 3, p. 297).

⁴⁾ *Mycènes*, par Henri Schliemann. Paris, 1879.

существованіи, въ развалинахъ древняго города Увекъ или Укекъ, расположеннаго у береговъ Волги, въ 10 верстахъ отъ Саратова.

Во время моихъ послѣдующихъ путешествій, въ 1896 и 1897 г.г., я констатировалъ присутствіе схожихъ зеркалъ, или, по крайней мѣрѣ, ихъ осколковъ, въ нижеперечисленныхъ, удаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ:

1). Развалины Болгари, при сліяніи Волги и Камы. Найденная здѣсь бляха хранится въ музеѣ Казанскаго Археологическаго Общества.

Остатки этого древняго города, разрушеннаго Тамерланомъ, состоятъ изъ земляныхъ насыпей и валовъ, образующихъ городище, т. е. огороженное укрѣпленное мѣсто, и изъ развалинъ, относящихся, вѣроятно, ко временамъ мангольскаго владычества. Эти остатки находятся возлѣ русскаго села Успѣнскаго, заложеннаго Іоанномъ Грознымъ.

2). Городище Кучумъ, укрѣпленное трехугольное мѣсто, носящее имя (Кучумъ) послѣдняго татарскаго хана Сибири. Это мѣсто было извѣстно также и подъ именемъ Сибири.

Оно расположено въ 30 верстахъ отъ Тобольска на берегу Иртыша; съ двухъ сторонъ оно имѣетъ естественное закрытіе; третья-же сторона защищена земляными постройками, валами.

Зеркало, здѣсь найденное, хранится къ коллекціи Знаменскаго, въ Тобольскѣ.

3). Мѣстность, которой имени я не знаю, находящаяся въ Минусинскомъ уѣздѣ, на берегу Енисея. Зеркало, здѣсь найденное, не имѣетъ ободка съ надписью. Замѣтно, что оное нарочно отрѣзано (коллекція г. Мартынова въ Минусинскѣ).

4). Въ Закавказьѣ, въ мѣстности, которой названія я не могъ узнать, былъ найденъ осколокъ зеркала, совершенно такой-же по своей формѣ и рисунку. Я его осмотрѣлъ во время моего послѣдняго путешествія въ Тифлисъ.

Это перечисленіе не имѣетъ претензіи быть полнымъ, и даже весьма вѣроятно, что найдутся еще такія зеркала. Приведенный-же перечень достаточенъ для того, чтобы указать на распространеніе этихъ предметовъ на очень обширномъ пространствѣ, нѣкогда подвластномъ монгольскимъ народамъ и котораго западная граница была омываема Волгой.

Въ одной работѣ, опубликованной въ 1828 г., г. Рейно (Reinaud) даетъ описаніе зеркала, имѣвшагося въ коллекціи герцога де-Blacas и которое совершенно схоже съ тѣмъ, которое

привезено мною изъ Саратова ¹⁾. При этомъ онъ переименовываетъ металлическія зеркала различныхъ происхожденій и мсжду прочимъ таковыя южныхъ областей Россійской Имперіи.

Говоря о тѣхъ, кои имѣютъ арабскія надписи, онъ ихъ относитъ къ эпохѣ послѣдующей завоеваніемъ первыхъ калифовъ, въ VII и VIII вѣкахъ. Между этой эпохой и временемъ разрушенія гор. Укекъ Тамерланомъ, въ 1395 г., надо искать время, къ которому слѣдуетъ отнести происхожденіе саратовскаго зеркала.

Всѣ эти зеркала сдѣланы изъ сплава, въ коемъ имѣется много серебра.

Я не стану приводить толкованій г. Рейно, относящихся къ двумъ крылатымъ сфинксамъ, изображеннымъ на той серіи зеркалъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Этотъ авторъ видитъ въ нихъ нѣкоторую эмблему, тогда какъ это, можетъ быть, есть просто украшеніе, аналогичное тѣмъ, которыя часто встрѣчаются на восточныхъ коврахъ и матеріяхъ.

Надписи на этихъ зеркалахъ всегда тожественныя и, безъ имени владѣльца, указываютъ, что онѣ представляли обыкновенный предметъ торговли.

Слава, домохозяіе, богатство, блескъ, величіе, похвала, счастье, могущество, власть, благоденствіе, мощь и доброжелательство ея владѣльцу. ²⁾

Марко Поло и арабскій историкъ Абуль-Феда, жившіе въ XIII столѣтіи, упоминаютъ о селѣ на Волгѣ по имени Укакъ, которое, конечно, то-же, что и Укекъ ³⁾.

По академику Фрэнэ (Frêne), который писалъ объ Укекѣ, ⁴⁾ слово Укекъ означаетъ: *плотина*.

Изслѣдованія, произведенныя въ наши дни въ Укекѣ, дѣйствительно раскрыли остатки плотины, предназначавшейся для задержанія воды маленькой рѣчки Увековка.

Укекъ разрушенъ Тамерланомъ въ 1395 г.—Однако англи-

---

¹⁾ Reinaud, *Monuments arabes, persans et turcs du cabinet de M. le duc de Blacas*, t. II, p 392 и слѣд., pl VIII, Paris, 1828.

²⁾ Г. Рейно ссылается на слѣдующія работы, гдѣ упоминаются бляхи того-же типа: *Description du Musée de Milan* (по-италиански), соч. графа Castiglioni. Milan, 1819; *Antiquitatis muhammedanae monumenta varia*, соч. Фрэнэ, часть II, С.-Петербургъ, 1822.

³⁾ Въ Сибири, въ Алтайскихъ горахъ, существовала мѣстность, именовавшаяся Укъ, а въ Тобольской губ. есть рѣка того-же названія.

⁴⁾ Записки Императорской Академіи Наукъ, VI серія, т. III, С.-Петербургъ, 1836. *Ueber die ehemalige mongolische Stadt Ukek im Süden von Saratow*.

чанинъ Вагговъ, посѣтившій эти мѣста въ 1579 г., констатировалъ тамъ еще существованіе крѣпостцы, построенной изъ камней и кирпича.

Раскопки Саратовской научной комиссіи, при которыхъ я присутствовалъ, раскрыли строенія изъ большихъ квадратныхъ кирпичей. Находящіеся тамъ всевозможные остатки, смѣшанные съ золой и углемъ, служатъ доказательствомъ того, что городъ и его обитатели были преданы огню.

На внутренней сторонѣ одной изъ стѣнъ ограды имѣлся толстый слой облицовки, въ которую были вдѣланы маленькіе эмалированные кирпичики различныхъ цвѣтовъ и формъ какъ бы для составленія рисунка.

Помимо этого въ Укекѣ встрѣчаются множество осколковъ эмалированныхъ черепковъ, цвѣта бирюзы или голубого сапфира, черепковъ также во множествѣ встрѣчаемыхъ въ развалинахъ древней Болгарии.

Извѣстные полые предметы, сферо-конической формы изъ обожженной глины, также весьма многочисленны въ обоихъ этихъ мѣстахъ; это еще одно лишнее подтвержденіе упомянутого. Я также встрѣчалъ множество этихъ типичныхъ предметовъ въ Крыму, въ Феодосіи и въ Балаклавѣ. ¹⁾ Назначеніе ихъ остается неизвѣстнымъ, несмотря на многочисленныя изданія, трактующія о нихъ ²⁾.

Такимъ образомъ, раскопки, произведенныя въ Болгарию и Укекѣ, указываютъ на одну и ту же культуру.

Извѣстны восточныя монеты, носящія на себя имя Укека; но такъ какъ существуетъ въ Крыму мѣстность этого же наименованія, то остается вопросомъ: отчеканены ли монеты на берегу Чернаго моря или на берегахъ Волги.

Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью лишь указать тотъ интересъ, который представляетъ опредѣленіе географическаго пространства, гдѣ находятся извѣстныя древности, которыя пока изучались только съ точки зрѣнія ихъ художественнаго значенія.

До настоящаго времени эти зеркала помѣщали въ коллекціи, нисколько не интересуясь ихъ происхожденіемъ, но я по-

---

¹⁾ Я подарилъ Луврскому музею и музею Клуни (Cluny) гончарныя издѣлія, привезенныя изъ этихъ мѣстъ.

²⁾ *Société nationale des Antiquaires de France*, 1874. — *Travaux du IV-e Congrès russe d'archéologie à Kasan*, t. I. p. 34, sec. III.

лагаю, что ихъ происхожденіе и назначеніе вполне заслуживаютъ вниманія ученыхъ ориенталистовъ.

Р. С. Луврскій музей приобрѣлъ въ 1896 г. чрезъ посредство г. Коро (Cogot) зеркало, подобное только-что упомянутому. Оно было найдено въ окрестностяхъ Моссула.

Амазонки на Кавказѣ.

(Сказанія и преданія).

Сонмъ воинственныхъ въ древности женщинъ, съ оружіемъ въ рукахъ защищавшихъ свою независимость и свободу и желавшихъ добиться какъ-бы равноправности съ мужчинами, выйти изъ-подъ ихъ власти, опеки, ига и гнета,—этотъ сонмъ женщинъ обращалъ на себя вниманіе историковъ, бытописателей и поэтовъ еще за нѣсколько вѣковъ до нашей эры; они общаются объ амазонкахъ, какъ объ организованномъ царствѣ, состоявшемъ только изъ женщинъ, управляемыхъ женщинами и не терпящихъ у себя мужчинъ; а что упомянутыя попытки и старанія слабаго пола нерѣдко увѣнчивались успѣхомъ, о томъ свидѣлствуютъ тѣ-же преданія и легенды.

Объ основаніи царства амазонокъ въ „Кавказскихъ преданіяхъ и легендахъ“ *) говорится:

„Почти все мужское населеніе Черноморскаго побережья ушло на войну въ Азію. Въ прибрежномъ селеніи остались лишь пожилые и старики, малыя дѣти и женщины. Пусто было въ деревнѣ, и жизнь ея обитателей какъ-то не ладилась. Теперь женщинамъ приходилось дѣлать все то, что не дальше года тому назадъ исполняли мужчины. Чтобы кормить дѣтей, стариковъ и себя, необходимо было добывать средства къ жизни, а это было не легко: нужно было ходить походомъ на сосѣднія племена и нерѣдко нѣ кровопролитной битвѣ отвоевывать стада, мѣха и прочія необходимыя для обихода вещи. Нужно было исполнять и всякую другую работу, которая требуетъ физиче-

*) В. Свѣтловъ „Кавказскія преданія и легенды“. Спб. 1895 г.

ской силы и мужской мощи. Долго бѣдствовали покинутыя женщины. Сначала нѣсколько мужчинъ, оставшихся въ селеніи, несли на себѣ весь тяжелый трудъ, всѣ лишенія, съ которыми сопряжены набѣги на сосѣдей; но война въ Азіи становилась все свирѣпѣе и свирѣпѣе, требуя все новыхъ силъ, немного времени прошло, какъ и остальные мужчины были вызваны въ Азію и покинули своихъ женъ, матерей и сестеръ. Тогда еще большія бѣдствія посыпались на покинутыхъ: ихъ постигъ голодъ, всевозможныя лишенія и болѣзни. Женщины стали умирать одна за другою. Пробовали нѣкоторыя изъ нихъ взяться за мужскую работу, для этого надлежало смастерить себѣ оружіе, чтобы было чѣмъ обороняться и въ случаѣ надобности нападать; но приготовить лукъ и стрѣлы было не такъ легко, какъ это имъ казалось, когда онѣ, бывало, смотрѣли на работу своихъ мужей. Въ полномъ отчаяніи онѣ предавались горю и въ громкихъ стонахъ возносили унылыя жалобы къ небу, въ ожиданіи возвращенія мужчинъ изъ похода... Но время шло и не приносило ничего утѣшительнаго съ береговъ далекой Азіи.

Въ это время, у молодой Асатры родился ребенокъ. Не зная, что съ нимъ дѣлать, она въ совершенномъ отчаяніи, руководимая безвыходнымъ горемъ и мыслью, что и онъ,—этотъ новорожденный мальчикъ,—выросши, покинетъ на произволь судьбы свою мать и будущую жену, какъ бросилъ ее отецъ его, снесла ребенка на скалу и кинула въ бушующее море. Это увидѣли другія женщины и послѣдовали ея примѣру. Голодъ дошелъ до послѣдней степени; терпѣть—не стало больше силъ, и всѣ женщины рѣшили раздѣлаться съ лишнимъ балластомъ селенія.

Однажды, ночью, вывели онѣ стариковъ и дѣтей, и всѣхъ ихъ постигла участь ребенка Асатры...

Была бурная ночь. Свинцовыя облака затянули небо. Волны бушевали и съ бѣшенствомъ бились о скалы. Вѣтеръ ревѣлъ... Въ эту бурную ночь Томиранда, покинутая жена предводителя азіатскихъ войскъ, вышла изъ своего дома на берегъ. У нея была мужественная душа въ здоровомъ и крѣпкомъ тѣлѣ. Она никогда не выносила мирной и тихой жизни, не терпѣла ясной погоды, а любила громъ оружія и бурю въ природѣ. Только тогда она оживала душой, только тогда чувствовала, что живетъ, и жизнь имѣла тогда для нея своеобразную прелесть. Давно, давно уже мечтала она испробовать свои силы на дѣлѣ,—въ какомъ-нибудь набѣгѣ, героическомъ подвигѣ или въ походѣ. Но мужъ ея, предводитель, не допускалъ до этого.

Разъ, когда онъ не могъ натянуть свой боевой лукъ, она, шутя, взяла его изъ рукъ мужа и почти безъ усилій пустила стрѣлу. Съ тѣхъ поръ онъ ее возненавидѣлъ, осыпалъ упреками и насмѣшками, жестоко обращался съ нею и, наконецъ, покинулъ, уйдя въ походъ. Глубоко въ сердцѣ затаила она недоброе къ нему чувство. Дѣтей у нея не было,—она не знала чувствъ матери,—мужа не стало—она забыла и чувства жены. Родныхъ тоже не было. Ее, еще дѣвочкой, похитилъ мужъ отъ сосѣдняго племени. Поэтому родственныя чувства тоже ей были чужды. Теперь одно осталось у нея въ жизни—это непримиримая ненависть къ мужу и жгучее желаніе отмстить ему. Съ тѣхъ поръ какъ мужчины покинули селеніе, Томиранда передумала о многомъ. Грандіозныя планы смущали ея умъ. И вотъ, въ бурную ночь, вышла она на прибрежныя скалы, чтобы въ послѣдній разъ собраться съ мыслями, все хорошенько обдумать, все взвѣсить. Она не привыкла отступать передъ тѣмъ, что разъ ею задумано. Но она могла обдумывать и всесторонне обсуждать что-либо только на чистомъ, свѣжемъ воздухѣ, обвѣваемая бурнымъ вѣтромъ, подъ шумъ бушующихъ волнъ. Вѣтеръ рвалъ ея волосы, непогода разрывала на клочки ея платье, и она еле могла удержаться на скалахъ, вѣпившись въ камень своими сильными руками. Въ эту ночь созрѣла давно взлелѣянная ею мечта. Мечта эта была проста, какъ вся ея жизнь, и смѣла, какъ эта буря...

Томиранда задумала большое дѣло. Она рѣшила, въ теченіе долгаго времени своего одиночества, что женщины легко могутъ обойтись безъ мужчинъ. Какъ ни проста была съ перваго взгляда эта мысль, она все-таки пугала ее въ первое время. Но теперь-же она къ ней привыкла и обдумывала способы провести эту мысль въ сознаніе другихъ женщинъ. На что имъ мужчины?... Ходить въ походы могутъ и женщины: для этого нужно только умѣть управлять лошадью и обращаться съ лукомъ. То и другое не трудно, и она возьмется обучить своихъ подругъ этому нехитрому дѣлу, если онѣ захотятъ того. Она задумала образовать женское царство. И съ этимъ нужно торопиться. Когда вернутся изъ похода ихъ мужья—будетъ поздно; онѣ опять подпадутъ подъ ихъ власть и возобновится прежнее, уже безпредѣльное, рабство. О, она сама готова была-бы скорѣе броситься въ эти грозныя, черныя, бушующія волны, чѣмъ съ ва подчиниться мужчинамъ!... Сопровождаемая гуломъ бури она шла домой. Рѣшеніе ея созрѣло, и она немедленно привела его въ исполненіе. Дома она схватила одинъ изъ луковъ, ос

ленныхъ ея мужемъ, и принялась его натягивать. Это ей удалось съ такой легкостью, что она засмѣялась. Она побѣжала съ нимъ опять на берегъ моря и стала пускать стрѣлу за стрѣлой въ черную бездну. Однако, что-то мѣшало ей; она чувствовала какую-то неловкость и вскорѣ догадалась, что стрѣлы летятъ неправильно потому, что строеніе женскаго тѣла мѣшаетъ ей хорошенько приложить лукъ къ груди. Это не остановило ее. Она опять пошла домой, вынула два кремня, высѣкла изъ нихъ огонь и зажгла костеръ. Когда дрова достаточно обгорѣли, она выхватила изъ пылающаго костра самую пылающую головешку и, недолго думая, приложила ее къ своей правой груди. Что-то зашипѣло и смрадъ распространился въ воздухъ. Жгучая, мучительная боль прошла по ея тѣлу, но ни единого крика, ни единого стога не вырвалось изъ ея груди, ни единая слеза не оквернила ея прекрасныхъ глазъ, взоръ которыхъ дышалъ рѣшимостью и мужествомъ. Потомъ она вскочила на дикаго коня, предварительно перевязавъ зіяющую рану, и помчалась въ далекія скалы "... и т. д.

О тѣхъ-же амазонкахъ въ энциклопедическомъ словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами, говорится: „Амазонки, воинственныя женщины, о которыхъ греческія преданія говорятъ въ связи съ событіями героическаго періода греческой исторіи. Амазонки долго считались исторически достовѣрнымъ фактомъ; въ послѣднее время, когда всѣ событія героическаго періода греческой жизни разложились подъ анализомъ миѣической критики, дѣйствительное существованіе общины амазонокъ отвергнуто большинствомъ изслѣдователей. Но когда дѣло доходитъ до положительнаго построенія мифа, до объясненія его происхожденія, съ тѣми опредѣлительными и неизмѣнными подробностями, которыя представляетъ греческая литература и греческое искусство въ преданіяхъ объ амазонкахъ, нельзя признать, чтобы труды современныхъ миѣологовъ привели къ совершенно удовлетворительному результату: нѣкоторыя объясненія натянуты, нѣкоторые факты не вполне подходятъ подъ общую теорію и потому очеркъ мифа амазонокъ имѣетъ еще въ себѣ много гадательнаго въ сближеніяхъ, но представляетъ результатъ трудовъ современныхъ миѣологовъ“.

Какъ-бы въ дополненіе и подтвержденіе вышеупомянутаго взгляда, не лишнимъ считаемъ привести мнѣніе знаменитаго Гумбольдта, который высказалъ что „Мифы народныя, примѣшанные къ исторіи и географіи, не всегда принадлежать области міра вымышленнаго. Если отличительная черта ихъ есть неопре-

дѣлительность, если часто символы закрываютъ сущность покрываломъ болѣе или менѣе непроницаемымъ, то тѣмъ не менѣе мѣны, непосредственно между собою связанныя, нерѣдко обличаютъ древнее начало первыхъ понятій космографическихъ и физическихъ¹⁾. „Астрономическія и метеорологическія явленія всего сильнѣе дѣйствовали на первобытное человѣчество, возбуждая въ немъ то чувство ужаса и благоговѣнія, которое повело къ созданію религій. Въ то же время первые сочинители мифовъ переносили въ природу человѣческія чувства и придавали ей явленіямъ человѣческія формы.

Между различными драмами, которыя человѣкъ влагалъ въ природу, встрѣчаются довольно часто два представленія, нужныя намъ здѣсь: это представленіе тучъ, какъ воинственныхъ личностей и представленіе солнца и луны, какъ личностей разнаго пола, которыя или находятся въ кровномъ родствѣ, или ведутъ борьбу между собою. При этомъ на долю луны обыкновенно приходилась роль женщины. Въ великолѣпной картинѣ ночной бури, луна, окруженная быстро бѣгущими тучами, представлялась дѣвственной богиней, около которой несутся на войну или совершаютъ воинственную пляску ея служебныя личности.

Этотъ мифъ послужилъ основаніемъ почитанія воинственныхъ богинь-дѣвственницъ и, между прочимъ, богини *Ма* или *Мене*, поклоненіе которой господствовало въ сѣверной части Малой Азіи отъ Тавра къ Понту-Эвксинскому по берегамъ Оермодона и Ириса. Здѣсь возвышался храмъ богини, окруженный служителями и служительницами. Богослуженія вообще вышли изъ желанія повторить въ дѣйствіи, драматически или символически, исторію божествъ, во имя которыхъ совершалось богослуженіе; и служительницы *Ма* повторяли въ дѣйствіи воинственный бѣгъ богини; съ оружіемъ въ рукахъ онѣ совершали воинственныя пляски въ честь богини въ дни ея празднествъ. Но въ Азіи стремленіе къ чувственности постоянно представляется не какъ человѣческая потребность, но въ двухъ крайностяхъ: какъ дѣло удобное божеству, или какъ грѣхъ, и выражается религіознымъ развратомъ или религіознымъ аскетизмомъ. Въ послѣднемъ случаѣ жрицы богинь обрекаются дѣвственности, а жрецы обращаются въ скопцовъ. Такъ было и въ служеніи *Ма*. Ея святилище было окружено вооруженными дѣвственницами и оскотенными жрецами, совершавшимся въ опре

---

¹⁾ Exam. crit. de l'hist. d. l. Geogr. d. nouv. continent T. I, p. 112.

дѣленные дни года, торжественныя вооруженныя пляски. Жрицы носили названіе амазонокъ (ам-аза), отъ семитическаго амаза—сильная мать (по объясненію Моверса) или отъ греческаго а-мazon (гдѣ а—усиливающее по мнѣнію Грубера) — крѣпко-грудая; то и другое могло быть прозвищемъ богини. Черкесское мазе—луна (по Шпренгелю) могло повести къ названію амазонокъ—почитательницъ луны. Самое имя богини *Ма* могло дать для нихъ производное названіе, которое греки исказили въ послѣдствіи въ Амазонокъ.

Съ береговъ Эермодона служеніе *Ма* распространилось по Малой Азіи къ берегамъ Іонійскаго моря, съ другой стороны на восточный берегъ Чернаго моря и на Таврической полуостровъ. Вездѣ являлись храмы, окруженные религіозными общинами воинственныхъ дѣвственницъ; въ одномъ мѣстѣ въ честь богини мужчины оскотпляли себя, въ другомъ ихъ приносили въ жертву. Въ то же время, вѣроятно, около храмовъ, образовались преданія о томъ, какъ богиня со своими воинственными жрицами совершали побѣдоносные походы, завоевали дальнія страны. Эти преданія нисколько не противорѣчили понятіямъ Востока, въ которомъ завоеванія Семирамиды, походы скифской Томириды составляли эпизоды всѣми признанной исторіи. Кромѣ того, дальняя Индія и Абессинія, можетъ-быть, тогда уже представляли примѣры женщинъ-воиновъ, и жители Азіи могли ихъ видѣть на берегахъ Ефрата, въ арміяхъ фараоновъ-завоевателей.

Около подобныхъ храмовъ въ Малой Азіи, возвысились города Эфесъ, Смирна, Магнезія и др.⁴

А. В. Норовъ, долго путешествовавшій по Малой Азіи и чуть-ли не пѣшкомъ исходившій ее вдоль и поперекъ, какъ очевидецъ, рассказываетъ: ¹). Основаніе Ефеса принадлежитъ баснословному времени Амазонокъ, которыя, по языческимъ преданіямъ, принесли туда идольское поклоненіе Артемидѣ, или Діанѣ; она-же Илиѳія, изображавшая Мать существъ, первобытную Ночь. Изысканія доказываютъ, что это поклоненіе пришло въ Ефесъ изъ-за Кавказа и оттуда уже въ Делось. Населеніе полуострова азійскими скифами обнаруживается безпрестанно, когда перелистываете древнія преданія объ этой странѣ и вглядываетесь въ ея памятники ²). Первымъ историческимъ

¹) Путешествіе къ 7 церквамъ, упоминаемымъ въ апокалипсисѣ.

²) *Creuzer (Georges Fréd.)*. Les religions de l'antiquité considérées principalement dans leurs formes symboliques et mythologiques. Traduit par j. D. Guigniaut. Paris 1829—1852. 4 tomes en 10 vol in 8°.

лицомъ при построеніи Ефеса представляется Андроклъ, сынъ Кодра, предводитель іонійцевъ, который изгналъ каріанъ, основался на горѣ Коризусѣ, когда уже капище Діаны стояло въ долинѣ. Ефесъ былъ первымъ греческимъ городомъ, на который, во владычество Пиндара, нагрянуль Крезъ съ азійскими варварами, чтобы покорить впоследствии другіе города грековъ ¹⁾ и, достойно замѣчанія, что тотъ-же самый Ефесъ былъ послѣднимъ городомъ, которымъ, въ позднѣйшія времена овладѣли варвары-мусульмане; съ его паденіемъ пала вся Малая Азія подъ ихъ желѣзное иго! Крезъ пощадилъ Ефесъ, котораго жители отдали себя подъ покровительство Діаны, прикрѣпивъ канатъ отъ стѣнъ нагорнаго города къ отдѣльному отъ него храму своей богини. Съ этого времени городъ началъ распространяться около храма, по долинѣ; съ паденіемъ Крезовой монархіи, иго персовъ налегло и на Ефесъ, искавшій вотще защиты у грековъ Эллады. Побѣдитель саламинскій,Themistocles, изгнанникъ неблагодарныхъ Аѣинъ, нашелъ въ Ефесѣ гостепріимное пристанище у сына того Ксеркса, котораго могущество онъ разрушилъ въ одинъ день подъ Саламиномъ,—и на этомъ берегу онъ предалъ себя смерти, чтобы не поднять оружія противъ своихъ согражданъ, по призыву его благодѣтеля. Ефесъ былъ сборнымъ мѣстомъ арміи Агезилая, когда онъ пошелъ войною на персовъ; храмъ Діаны одушевлялъ все войско лакедемонцевъ на подвиги. Но вотъ родился побѣдитель Азіи въ самый день, когда неистовый Геростратъ предалъ пламени этотъ храмъ, считавшійся тогда однимъ изъ семи чудесъ свѣта. Герой Македонскій посѣтилъ Ефесъ послѣ пораженія персовъ на берегахъ Граника; а при другомъ посѣщеніи Ефеса учредилъ тамъ республиканское правленіе. Лизамахъ, полководецъ Александра, принудилъ ефесянъ, во время своего владычества, переселиться опять на горы, гдѣ представлялось болѣе удобства для защиты, затопилъ для того часть долины. Новые властители судебъ, римляне, утвердились въ Малой Азіи. Роскошный Лукуллъ, послѣ своихъ побѣдъ надъ Митридатомъ, явился съ пышностью Креза въ стѣнахъ Ефеса. Здѣсь также другой знаменитый изгнанникъ, Аннибалъ, замышлялъ съ Антиохомъ козни противъ римлянъ. Во время римскаго владычества Ефесъ былъ ихъ столицею въ Азіи. Тиверій возстановилъ городъ послѣ землетрясенія. Цицеронъ и Плиній пріѣзжали удивлять его великолѣпію. Философъ Гераклитъ принадлежитъ Ефесъ

---

¹⁾ Polyen. VI. Aelian. Var. hist. III.

тотъ самый, который не переставалъ скорбѣть о судьбахъ людей, или правильнѣе сказать, о томъ униженіи, до котораго довело себя безсмертное существо человѣка. Видя развратъ ефесянъ, онъ отвергнулъ предложенное ему владычество и жилъ болѣе въ ущельяхъ горъ, чѣмъ съ людьми; любилъ только общество дѣтей, говоря, что неученость образуетъ умъ; не находя сочувствія въ своихъ согражданахъ, онъ оставилъ свою книгу о природѣ въ храмѣ Діаны, хотя и порочилъ поклоненіе ефесянъ идолу ¹⁾).

Сократъ цѣнилъ его философію, Платонъ замствовалъ изъ его книги, а самъ Гераклитъ много занялъ у Орфея ²⁾).

Столь знаменитый Парразій, который, по выраженію Горация, вновь изобрѣтенными „жидкими красками“ поражалъ то людей, то боговъ ³⁾), процвѣталъ въ Ефесѣ.

Спустясь съ высоты, вы достигаете по грядамъ камней и сквозь колючіе кусты репейника нѣсколькихъ остатковъ мощныхъ стѣнъ, около которыхъ валяются обломки разбитыхъ гранитныхъ колоннъ; по условному мнѣнію нѣкоторыхъ путешественниковъ, здѣсь былъ храмъ Діаны Ефесской; теперь это мѣсто пришло въ такое положеніе, когда дикія амазонки, приплывъ изъ странъ Гиперборейскихъ на этотъ берегъ, принесли съ собою грубое деревянное изображеніе Діаны и, по словамъ Каллимаха, ⁴⁾ „вложивъ его въ дупло дерева, подъ вязью, плясали вокругъ воинственную пляску, ударяя копытами въ щитъ и топтали землю такъ, что колчаны звенѣли“.

Многіе сомнѣваются, и можетъ быть не безъ основанія, чтобы тѣ развалины, о которыхъ говоримъ, дѣйствительно принадлежали знаменитому храму, потому, что храмъ былъ внѣ города, близъ морского берега, на болотѣ; такъ говоритъ Плиній, ⁵⁾ тоже мы находимъ въ книгѣ Ксенофонта Ефесскаго. ⁶⁾ Храмъ Діаны былъ построенъ на болотѣ: во первыхъ, по преданію объ амазонкахъ, вышедшихъ тутъ на берегъ, а вторыхъ, для предохраненія его отъ землетрясеній, и при томъ въ семи стадіяхъ отъ города, ⁷⁾ что составляетъ безъ малаго версту съ четвертью, тогда какъ мѣстность теперешнихъ разва-

¹⁾ См. Clemens Alexandr. p. 33.

²⁾ Idem, p. 629.

³⁾ Od. IV, 8.

⁴⁾ Гимны. III. Къ Артемидѣ.

⁵⁾ Hist-Natur. XXXVI, 21.

⁶⁾ De Anthia et Habrocom. L. V c. 15 in fine et lib. I. c. 2.

⁷⁾ Herodot et Xenoph. Ephes.

линь находится близъ горы Коризуса, въ нижнемъ кварталѣ Лизимаховомъ. Основаніе, или buttess храма Ефесскаго, стоитъ почти дороже, чѣмъ самый храмъ, болотная трясина была наполнена на большую глубину углемъ и шерстью. Ученый Прокешъ, защитникъ теперешнихъ развалинъ, какъ принадлежащихъ храму Діаны, утверждаетъ въ томъ по той причинѣ, что подъ этими развалинами видны чрезвычайно крѣпкіе подземные своды и корридоры на далекое пространство и что тутъ разсыяно нѣсколько остатковъ гранитныхъ колоннъ подобныхъ тѣмъ, которыя перевезены изъ развалинъ храма Діаны въ церковь Св. Софіи въ Константинополь; но таковыя своды и гранитныя колонны могли принадлежать и другимъ зданіямъ. Храмъ Діаны еще прежде его сожженія Геростратомъ въ ночь рожденія Александра Македонскаго, побѣдителя Азіи, сдѣлался добычею пламени въ день смерти Сократовой. Вся Азія въ продолженіе 220 лѣтъ сооружала этотъ храмъ. Длина зданія имѣла 425 футовъ, ширина 220. Колонны, въ числѣ 127, воздвигнутыя столькими же царями, имѣли 60 фут. въ высоту; тридцать шесть колоннъ были разныя, изъ которыхъ одна произведена была изящнымъ рѣзцомъ Скопаса ¹⁾. Парразій, Апеллесъ и Пракситель обогатили лучшими своими произведеніями внутренность храма. Двери были изъ кипариса, полированного какъ мраморъ; потолокъ изъ кедровъ, ибо оба эти дерева считались у древнихъ вѣковѣчными, а лѣстницы, ведущія на крышу, были изъ кипрскихъ виноградныхъ лозъ. Сенека называетъ Ефесъ роскошнѣйшимъ мѣстомъ для жизни человѣческой, когда писалъ свои высококовдновительныя письма къ Люцинію: „что можетъ быть величественнѣе и благороднѣе души человѣческой, которая не знаетъ другихъ предѣловъ, кромѣ тѣхъ, которые свойственны Богу? Она не признаетъ здѣсь своимъ жилищемъ ни Ефесъ, ни Александрію, ни даже обширнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ мѣстъ земныхъ. Ея отечество цѣлый объемъ вселенной“...

„Солнце никогда не узритъ ничего прекраснѣе и великолѣпнѣе твоего храма“, воспѣваетъ Каллимахъ въ своемъ гимнѣ Артемидѣ; „стрѣлы твои всегда защитятъ твой Ефесъ!“—а теперь не признаютъ мѣста, гдѣ стоялъ не только храмъ, но и главная часть храма.

Смирна же, по словамъ В. А. Норова, въ упомянутомъ еше сочиненіи, такъ получила свое начало:

„Смирна обязана своимъ основаніемъ Ефесу: кварталъ з

¹⁾ Plin. Hist-Natur. XXXVI, 21.

го города, называемый Смирна, далъ свое имя новому городу, гдѣ поселилась колонія ефесянъ, въ заливѣ, близъ полуострова Клазоменскаго. Мы вилимъ у Страбона баснословное указаніе на происхожденіе Смирны отъ имени Амазонки; это указаніе даетъ поводъ къ нѣкоторымъ догадкамъ о происхожденіи народовъ Малой Азіи отъ скивовъ. Страбонъ прямо говоритъ: ¹⁾ „по именамъ амазонокъ названы были, какъ говорятъ, нѣкоторые города, какъ напримѣръ, Ефесь, Смирна, Кума, Мирина“. Это было принято жителями Смирны, ибо древнія медали этого города изображаютъ, съ одной стороны ихъ мнимую основательницу, Амазонку. Въ стѣнѣ цитадели, на вершинѣ горы Пагуса, сохраняютъ доселѣ древній колоссальный барельефъ, — голову, которую выдають издавна за изображеніе этой знаменитой Амазонки. Прибавимъ также, что Ардисъ, царь Лидійскій, изгнавъ изъ Малой Азіи киммерійцевъ, вслѣдъ затѣмъ овладѣлъ Смирною; можно заключить, что Смирна была тогда во власти киммерійцевъ; такъ свидѣтельствуеъ Геродотъ, ²⁾ называя ее колонією Калофона. Смирна была совершенно разрушена лидянами, такъ что послѣ того, въ продолженіе четырехсотъ лѣтъ, она была ничтожною деревенькою ³⁾. Антигонъ первый возстановилъ ее, а за нимъ Лизимахъ, такъ что во время Страбона Смирна была ужъ первымъ городомъ по красотѣ во всей Іоніи. Она была также причислена къ союзу Іонійскихъ городовъ. Она сильно пострадала отъ землетрясенія въ 180 г. по Р. Х., но Маркъ Аврелійъ воздвигнулъ ее изъ развалинъ. Объемъ древняго города можно еще доселѣ прослѣдить по остаткамъ древнихъ стѣнъ, отъ горы Пагуса въ обѣ стороны до моря. Въ числѣ знаменитыхъ зданій древней Смирны, Страбонъ ставитъ гимназію, бібліотеку и храмъ, воздвигнутый въ честь Гомера. Даже нѣкоторыя монеты древнихъ смирніотовъ назывались именемъ славнаго пѣвца. Остатки амфитеатра видны еще доселѣ на скатѣ горы Пагуса. Въ позднѣйшія времена, при византійскихъ императорахъ, Іоаннъ Дука въ концѣ XI столѣтія взялъ и разорилъ Смирну съ моря. Комненъ изгладилъ слѣды этой осады, но опустошеніе, нанесенное Смирнѣ свирѣпымъ Тимуромъ, или Тамерланомъ, долго оставалось замѣтнымъ. Теперь Смирна считается однимъ изъ самыхъ цвѣтушихъ и торговыхъ городовъ Оттоманской имперіи. Шесть землетрясеній ниспро-

¹⁾ Кн. XII, гл. 3, 21.

²⁾ Кн. I, гл. 16.

³⁾ Страб. Кн. XIV. Гл. I, — 37.

вергли городъ и шесть разъ онъ возникалъ изъ развалинъ. У здѣшнихъ грековъ есть повѣріе, что седьмое землетрясеніе будетъ конечнымъ для Смирны“.

„Когда Іоняне пристали къ берегамъ Малой Азіи, они нашли тамъ амазонокъ, около храма воинственной дѣвственницы-богини, и по своему обычаю признали въ ней свою Артемиду. Отъ жрецовъ слышали они о томъ, что амазонки пришли съ береговъ Ѳермодона, слышали, можетъ-быть, и о мифическихъ войнахъ амазонокъ и принесли въ свое отечество рассказы о воинственныхъ завоевательницахъ - женщинахъ, которыя совершали дальніе походы, основывали города на берегахъ Іонійскаго моря и строго хранили обѣтъ дѣвственности. Это необычайное преданіе сильно поразило воображеніе грековъ, тѣмъ болѣе что для художественныхъ цикловъ изъ героическихъ преданій весьма полезенъ былъ элементъ вооруженныхъ красавицъ.

Поэтому уже гомеровскіе рапсоды, и даже до него, такъ напр. Орфей въ своей поэмѣ „Аргонавтика“ такъ повѣствуетъ о нихъ: „Плывя немного поодаль (отъ рѣкъ Ѳермодона и Галисса) по направленію полунощному, находимъ гробницы гигантскихъ останковъ Ѳемискиры, дочери Доаса; неподалеку-же отсюда расположены города Амазонокъ, искусныхъ укротительницъ коней“. Воспѣли и другіе о народѣ Амазонкахъ, которыя со своей дѣвственной царицей являются въ рядахъ защитниковъ Азіи противъ Европы, или переносятся въ самую Европу, какъ варварскія завоевательницы. Всѣ герои преданія, во имя художественнаго противоположенія мужской и женской красоты, должны были сражаться съ Амазонками. Беллерофонъ посланъ противъ нихъ и объ этомъ такъ повѣствуется у Гомера: ¹⁾ „Въ подвигѣ третьемъ разбилъ Амазонокъ онъ мужеобразныхъ“. Далѣе у Гомера же находимъ о томъ, какъ Пріамъ воспоминаетъ о войнѣ съ ними у Трои, говоря: „Въ день, какъ мужамъ подобныя, ратью нашли Амазонки: но не столько ихъ было какъ здѣсь быстроокихъ Данаевъ“ ²⁾. Затѣмъ старѣйшій продолжитель Иліады—Арктинъ Милетскій въ своей поэмѣ „Эфіопида“ излагаетъ сказанія троянскаго циклоса, начиная отъ прибытія амазонки Пенѳесиліи на помощь троянцамъ по смерти Гектора и кончая смертью Ахилла и разрушеніемъ Трои, а также повѣствованіемъ о томъ, какъ Аѳина наказалъ нѣкоторыхъ изъ греческихъ героевъ, на обратномъ ихъ пути

¹⁾ Иліада, пѣснь VI. стр. 186.

²⁾ Иліада, пѣснь III, стр. 189.

въ отечество, за высокоумную жестокость, которой сопровождалось разрушеніе города. Позднѣйшіе-же циклическіе поэты разсказываютъ о томъ, какъ онѣ стѣснили грековъ, пока Ахиллъ не убилъ ихъ царицу Пенѳею.

Э. Анаринъ.

(Продолженіе будетъ).

На юбилейной Кавказской выставкѣ сельскаго хозяйства и промышленности 1901 года.

Начало выставокъ идетъ, какъ извѣстно, отъ французскихъ музеевъ, основаніе коимъ положено еще Мазарини и Кольберъ. Первая выставка современнаго намъ характера была устроена во Франціи въ 1763 году; затѣмъ выставки стали устраиваться въ Англіи, Германіи и др. государствахъ. Правительства стремились упрочить развитіе и совершенствованіе въ области техники и въ то-же время думали, путемъ выставокъ, содѣйствовать „облагораживанію вкуса въ народѣ“. Конечно, при современномъ развитіи знаній, газетъ, путей сообщенія, выставки не могутъ имѣть ихъ прежняго значенія, но онѣ представляютъ какъ-бы наглядную иллюстрацію культурнаго развитія страны или части ея.

Нынѣшняя Кавказская выставка заключала въ себѣ восемнадцать отдѣловъ, а именно: 1) земледѣліе, 2) винодѣліе, 3) садоводство и огородничество, 4) плодоводство, 5) декоративное садоводство 6) лѣсоводство, 7) домашнія животныя, 8) продукты молочнаго хозяйства и скотоводства, 9) шелководства и пчеловодства, 10) рыбные промыслы и охоты, 11) земледѣльческія орудія и машины, 12) кустарная и ремесленная промышленность, 13) фабрично-заводская промышленность, 14) горный, 15) педагогическо-профессіональный, 16) научно-статистическій, 17) научно-учебный и 18) художественный.

Администрація выставки состояла изъ главнаго организціоннаго комитета и распорядительнаго комитета. На обязанности перваго лежало собственно устройство выставки, выборъ

мѣста, утверждение проектовъ построекъ и смѣтъ, вообще общій распорядокъ на выставкѣ; распорядительный же комитетъ непосредственно вѣдалъ всѣмъ, къ выставкѣ относящимся: приемъ и возвратъ экспонатовъ и т. п.

Экспонировать разрѣшено было лишь произведенія Кавказскаго края.

Какъ идея устройства выставки, такъ и высшее наблюдение принадлежали Императорскому Кавказскому сельскому хозяйству, которое въ нынѣшнемъ же году праздновало пятидесятилѣтіе своего существованія. Выставку принялъ подъ свое покровительство Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ; почетнымъ президентомъ состоялъ Князь Главноначальствующій. Предсѣдателемъ главнаго организационнаго комитета состоялъ вице-президентъ Императорскаго Кавказскаго о-ва сельскаго хозяйства князь П. Грузинскій, товарищъ предсѣдателя избранъ изъ состава комитета. Дѣйствительными членами главнаго комитета состояли представители отъ разныхъ учреждений Кавказскаго края, въ томъ числѣ по одному отъ дворянства Тифлисской и Кутаисской губерній, два—отъ гор. Тифлиса и 3 отъ Кавказскаго общества сельскаго хозяйства. Коммиссаромъ выставки состоялъ кн. Андрониковъ.

Въ виду краткости времени (2 мѣсяца), работы администраціи выставки было много, экспонаты сперва поступали медленно, къ тому же грандіозный пожаръ на товарной ст. Тифлисъ Зак. жел. дор. успѣлъ уничтожить часть ихъ.

Дружнымъ усиліемъ всѣхъ лицъ администраціи, выставка была открыта 4-го сентября и за время открытія по 1 ноября въ ней перебивало около 160 тыс. чел., причемъ очень много было пріѣзжихъ. Многіе пріѣхали въ Тифлисъ ко дню предполагавшагося открытія—къ 20 августа—и этимъ лицамъ было разрѣшено посѣщать выставку до ея открытія.

Главное выставочное зданіе заключало въ себѣ почти всѣ отдѣлы; затѣмъ имѣлись отдѣльные павильоны городовъ Баку и Тифлиса, коньячный—Сараджева, кондитерскіе, офицерскаго экономическаго общества и др.

Тѣснота выставки оказала вліяніе на отсутствіе помѣщеній, пригодныхъ для демонстраціи многихъ экспонатовъ. Отсутствіе путеводителя по выставкѣ—еще болѣе усугубляетъ работу организателя.

Первый отдѣлъ,—земледѣлія, былъ болѣе рельефно и систематично представленъ на первой тифлисской выставкѣ 1889 году. Продукты сельскаго хозяйства такъ-же были нынѣ

гаты по содержанию, какъ и тогда, а немалое количество сельско-хозяйственныхъ орудій указывало, что Кавказское Общество сельскаго хозяйства приложило много стараній для распространенія этихъ усовершенствованныхъ орудій въ краѣ. Многія изъ нихъ для горныхъ мѣстностей Кавказа сравнительно тяжелы и не особенно удобны.

Въ отдѣлѣ земледѣлія для классификаціи экспонатовъ принято было территоріальное раздѣленіе—по губерніямъ и областямъ. Этотъ отдѣлъ былъ самымъ большимъ на выставкѣ и составленъ былъ онъ главнымъ образомъ трудами выставочныхъ комитетовъ, работавшихъ въ различныхъ концахъ края.

Здѣсь наиболѣе богата была экспонатами Эриванская губ., жители которой издавна славятся земледѣліемъ. Обращалъ на себя вниманіе хлопокъ изъ американскихъ сѣмянъ. Среди отдѣла расположены были экспонаты пяти губерній: Кубанской, Терской, Дагестанской, Тифлисской и Кутаисской; тутъ-же и экспонаты „Цинамзгваріантъ-карской сельско-хозяйственной школы“ (вино), общества Маріинскаго ирригаціоннаго канала въ Караязской степи (опытное поле), Кутаисской сельско-хозяйственной школы (тоже опытное поле) и Сакарскаго питомника виноградныхъ лозъ.

Дагестанская область представила діаграммы развитія своего сельскаго хозяйства; интересна діаграмма распредѣленія области подъ отдѣльныя отрасли сельскаго хозяйства за 1899 годъ, изъ нея видно, что половина площади Дагестанской области негодна для воздѣлыванія земли.

Обращала на себя вниманіе прекрасная коллекція хлѣбныхъ растений, составленная покойнымъ В. Н. Геевскимъ. Другая коллекція—Кавказскаго Общества сельскаго хозяйства—представляла хлопковое производство Бакинской губерніи.

Характерная особенность земледѣлія послѣднихъ лѣтъ, это устройство опытныхъ полей, но таковыя недостаточно экспонировали свои произведенія на выставкѣ, а отсутствіе хотя-бы одной модели опытнаго поля на выставкѣ затрудняло сужденіе о нихъ.

Для иллюстраціи кустарнаго производства, кромѣ отдѣленія въ главномъ зданіи, имѣлась палатка, въ которой демонстрировалось плетеніе ковровъ, этой старинной отрасли работы кустарей.

Прекрасныя образцы „кавказскихъ матерій“ указывали на удивительную способность мѣстнаго населенія къ кропотливому, требующему особеннаго вниманія и терпѣнія, ручному труду.

Прекрасное сукно дали кустари изъ Кабарды, изъ Дагестана, изъ Зангезурскаго уѣзда Елисаветпольской губ. Серебряныя кустарныя издѣлія тончайшей работы; но многія изъ нихъ не имѣютъ практическаго значенія и по цѣнѣ своей скорѣе относятся къ предметамъ роскоши.

Нѣкоторые отдѣлы выставки, на примѣръ, научно-статистическій (XVI) и научно-учебный (XVII) крайне стѣснены. Работы учениковъ и ученицъ разныхъ училищъ и заведеній тѣсно расположены и тѣмъ затрудняется осмотръ ихъ.

Подробно ознакомиться съ учительскими семинаріями возможно по имѣющейся на выставкѣ брошюрѣ директора горійской семинаріи А. Н. Слонимскаго. Народныя училища представлены были всѣми инспекціями края, экспонаты ихъ разнообразны, но не систематизированы. Имѣлись таблицы, карты — по народному образованію, — изъ нихъ заслуживали вниманія таблицы, составленныя Г. А. Ознобишинымъ. Отчетъ о дѣятельности Тифлисской 1 частной женской воскресной школы за 11 лѣтъ существованія (1885-1896 г.) далъ полное представленіе о заслугахъ воскресныхъ школъ въ распространеніи знаній въ народѣ.

Въ отдѣлѣ этомъ имѣлись также экспонаты частныхъ учебныхъ заведеній.

Нѣкоторыя работы, по рукодѣлію, ученицъ женскихъ гимназій (напр. владикавказской) отличаются изяществомъ и могли бы служить, по рисунку и исполненію, образцомъ для подражанія кустарямъ.

Экспонаты научно-статистическаго отдѣла были помѣщены какъ въ спеціальному павильонѣ, такъ и въ другихъ, между прочимъ въ павильонѣ города Тифлиса. Въ отдѣльномъ павильонѣ помѣщались: 1) санитарно-гигіеническій подъотдѣлъ, 2) экспонаты Тифлисской физической обсерваторіи, 3) Кавказскаго межевого округа и 4) Тифлискаго музея.

Военно-медицинское управленіе экспонировало таблицы и картограммы. Послѣднія за періодъ съ 1879 по 1900 г. показываютъ, что заболѣваемость постепенно падаетъ: отъ тифа она упала съ 14 на 5 на 1000, отъ лихорадки съ 0,5 на 0,15 на 1000. Таблицы уволенныхъ отъ службы въ Кавказскомъ округѣ въ 1879-1900 гг. указываютъ на увеличеніе ежегоднаго числа неспособныхъ къ службѣ (съ 9 до 16 на 1000).

„Новобранцы послѣднихъ лѣтъ воспитывались въ такихъ условіяхъ, которыя способствовали пониженію жизнеспособности организма, подорваннаго еще болѣе послѣдними недородками.

совпавшими съ періодомъ наибольшаго роста организма, а слѣдовательно и наибольшей потребности организма въ питаніи. Другой причиной, также несомнѣнно важной, является прогрессивный переходъ сельскаго населенія на фабрики и заводы съ ихъ ненормальной жизнью, истощающей молодой организмъ."

Въ павильонѣ города Тифлиса заслуживала вниманія пирамида изъ кубиковъ, представляющая наглядно ростъ городского бюджета.

Въ числѣ экспонатовъ города Баку, хороши и поучительно ясны модели опрѣснителя воды, повозки для вывоза павшихъ животныхъ и т. п.

Впервые на выставкѣ въ Россіи экспонировала пресса. Редакціи мѣстныхъ газетъ соединили свои экспонаты въ небольшомъ отдѣленіи главнаго зданія.

Рядомъ съ нимъ помѣщался художественный отдѣлъ.

Тутъ впервые въ Тифлисѣ появились декадентскія картины, вызывавшія у публики смѣхъ и недоумѣніе.

Изъ отдѣльныхъ павильоновъ наиболѣе богата по содержанію и величественна была нефтяная вышка; въ ней наглядно представлено было все нефтяное дѣло.

Тутъ производилось буреніе; громадная штанга съ долотомъ долбила землю. Вправо и влѣво отъ вышки расположены были отдѣленія павильона. Огромныя деревянныя пирамиды давали наглядное представленіе о развитіи нефтяной промышленности. Интересны были также діаграммы и таблицы сравнительно статистическихъ величинъ.

Въ сосѣднемъ отдѣленіи имѣлась роскошная модель керосино-маслянаго завода А. И. Манташева, а также модели нефтяного промысла съ вышками и модели наливныхъ пароходовъ.

Здѣсь была устроена лабораторія для анализа нефти и качества ея. Вблизи вышки находилась прекрасной работы панорама Чернаго городка.

Въ одномъ изъ отдѣленій главнаго зданія выставки находится горный отдѣлъ (XIV). По этому отдѣлу изданъ довольно полный путеводитель, составленный распорядителемъ отдѣла горнымъ инженеромъ А. Ченгеры.

Шушинскій уѣздъ доставилъ сюда азбестъ, Эриванская губернія—коллекцію мраморовъ и обсидіана; Карсская область—соль и т. п.

Трудно перечислить горное богатство Кавказа. Кромѣ мѣдныхъ, цинковыхъ и серебро-свинцовыхъ рудъ, имѣются экспо-

наты марганцевой промышленности, экспонируемой съѣзда марганцепромышленниковъ—Шорапанскаго уѣзда, Кутаисской губерніи.

Отдѣлъ фабрично-заводской (XIII) помѣщался въ главномъ зданіи выставки. Оригиналенъ былъ обелискъ изъ мыла завода Таирова, Алиханова и Толле.

Пивоваренные заводы Дитриха, Ветцеля и пр., какъ и новая фирма „Южная Чехія“ въ Ахалцихѣ, тоже имѣли каждый свою витрину.

Что касается увеселеній на выставкѣ, то онѣ по содержанію были настолько жалки и неумѣстны, что вызвали упреки почти всѣхъ кавказскихъ газетъ. Почти непрерывный дождь въ теченіе періода выставки значительно повредилъ ея успѣху.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ нашего журнала стараемся дать болѣе обстоятельные отзывы о нѣкоторыхъ отдѣлахъ минувшей, второй, кавказской выставки, а пока ограничимся этимъ бѣглымъ обзоромъ.

Воронежскій.

МЕМОУАРЫ КОРОЛЕВЫ СЕРБСКОЙ НАТАЛИИ.*)

(Окончаніе).

XXIV.

Королевъ Наталиі.

Врунска-Бассія. 20 іюля 1889 года.

Ваше величество! Я имѣлъ честь увѣдомить васъ по телеграфу, что тяжелая болѣзнь (ревматизмъ) мѣшала мнѣ сообщить вашему величеству о полученіи вашего письма отъ 14 числа прошлаго мѣсяца. Я не могъ донести вамъ объ этомъ иначе, какъ черезъ друзей, такъ какъ я не могъ тогда отвѣтить ничего опредѣленнаго: мои коллеги, регенты королевства находились въ Кроншевацѣ и въ Кралевѣ, куда они сопровождали его величество короля Александра, и я долженъ былъ ждать ихъ возвращенія, чтобы посовѣтоваться съ ними по поводу отвѣта, который я долженъ былъ дать вашему величеству. Кромѣ того, необходимо было знать мнѣніе короля Милана, который, согласно конституціи и законамъ страны, имѣетъ неоспоримое право голоса во всѣхъ вопросахъ, касающихся особы короля Александра.

Нѣсколько дней спустя по возвращеніи короля и моихъ коллегъ, пріѣхалъ изъ Константинополя въ Бѣлградъ король Миланъ и, такъ-какъ, по болѣзни, я находился здѣсь—на водахъ Вранія, то 19 числа настоящаго мѣсяца король Миланъ, регентъ королевства Бѣлимарковичъ, президентъ совѣта г. Груичъ

*) См. „Кавк. Вѣстн. № 11.

и министр внутреннихъ дѣлъ г. Франшановичъ сдѣлали честь мнѣ своимъ посѣщеніемъ.

Предметомъ нашего разговора было вышеназванное письмо вашего величества, отъ 14-го іюня. Мы желали, чтобы въ немъ приняли участіе и министры, дабы легче было постановить рѣшеніе.

Ваше величество говоритъ въ письмѣ о своемъ возвращеніи въ Сербію и о препятствіяхъ, могущихъ быть къ таковому. Я почитаю моимъ долгомъ прежде всего объявить, что противъ вашего возвращенія въ Сербію *не существуетъ никакого препятствія, ни конституціоннаго, ни законнаго*; ваше величество, какъ сербская гражданка, имѣетъ неоспоримое право жить въ Сербіи, гдѣ и когда желаетъ.

Но на ваше возвращеніе въ Сербію нельзя смотрѣть только съ этой точки зрѣнія, необходимо взглянуть еще и иначе. Вообще, разсматривая настоящее положеніе, съ какой угодно точки, необходимо заключить, что всѣ обстоятельства говорятъ за то, чтобы ваше величество продлили свое отсутствіе, — и продолжали-бы дѣйствовать съ обычнымъ вашимъ тактомъ, который необходимъ въ вопросахъ такого щекотливаго характера.

Правители Сербіи находятся въ крайне затруднительномъ положеніи, въ какомъ еще не была никогда никакая власть, съ тѣхъ поръ, какъ родилось наше молодое государство. Тронъ вашего сына, короля Александра I-го, окруженъ всевозможными препятствіями. Мы всѣ должны, какъ патріоты и какъ граждане, ослабить эти препятствія, а вы, какъ мать-королева, еще болѣе обязаны сдѣлать это. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что возвращеніе вашего величества въ Сербію могло-бы увеличить затрудненіе правительства и престола. Я не хочу говорить о затрудненіяхъ политическихъ, которыя явились-бы неминуемо, если-бы ваше величество при настоящихъ обстоятельствахъ пріѣхали въ Сербію; обсужденіе ихъ не можетъ быть довѣрено почтѣ. Я ограничусь только напоминаніемъ, что отношенія, въ которыхъ находятся августѣйшіе родители нашего юнаго короля, не таковы, чтобы облегчить положеніе правительства и трона. Если-бы я могъ опереться на долгія наблюденія надъ Сербією при разныхъ ея положеніяхъ, то, при настоящихъ обстоятельствахъ, я могъ бы заключить, что нынѣ трону ко-
ля Александра не угрожаетъ никакая опасность: ни внутренняя, ни внѣшняя, но я не смѣю взять на себя отвѣтственно

сказавъ, что для трона короля Александра не можетъ быть роковымъ тяжба, существующая между его августѣйшими родителями, *тѣмъ болѣе если таковая осложнится на сербской територіи.*

Мы понимаемъ чувства и требованія материнскаго сердца, мы имѣемъ желаніе и сознаемъ обязанность — стремиться къ ихъ удовлетворенію. Но на насъ лежитъ также долгъ — считаться съ насущными потребностями государства и прилагать всѣ усилія къ ихъ удовлетворенію. Поэтому-то отъ васъ и требуется еще немного терпѣнія, чтобы имѣть возможность окончательно уладить дѣла. Такимъ образомъ, чтобы выразить точно смыслъ принятаго рѣшенія, я долженъ прибавить, что возвращеніе вашего величества въ Сербію, *безъ предварительнаго согласія* съ регентами королевства, по своему характеру рѣзко будетъ отличаться отъ возвращенія по предварительному съ ними соглашенію.

Въ бесѣдѣ, которую вчера здѣсь мы вели, рѣшено итти на встрѣчу желанія вашего величества и молодой король пріѣдетъ къ вамъ для свиданія, но это свиданіе не будетъ имѣть мѣста въ Ялтѣ, а въ имѣніи тетки вашего величества, княгини Мурузи, въ Донуцeni, около Унгены. Такъ-какъ мы согласны, чтобы свиданіе было въ Донуцeni, то ясно, что въ принципѣ мы ничего не имѣемъ противъ свиданія въ Ялтѣ, но его величество король Миланъ, какъ отецъ, указалъ намъ на большія неудобства: продолжительность путешествія до Ялты. Если-же принять еще во вниманіе ужасную на берегахъ Чернаго моря жару, въ особенности въ это время года, то нельзя не согласиться, что король, какъ отецъ, правъ въ своихъ заботахъ.

Я убѣжденъ, что какъ мать, ваше величество поймете сами всѣ эти доводы, касающіеся вашего сына, а нашего короля, и что вы согласитесь на свиданіе въ мѣстности, которая связана со столькими дорогими для вашего величества воспоминаніями. Мы думаемъ, что выборъ будетъ пріятенъ вашему величеству, но мы готовы согласиться и на всякое другое мѣсто, которое ваше величество выберете въ Румыніи, исключая ея столицы, гдѣ, въ случаѣ свиданія, должны были-бы сдѣлать большой пріемъ. Мы ничего не имѣли бы возразить противъ свиданія въ Иванкѣ, гдѣ ея высочество княжна Юлія уже предложила гостепріимство вашему величеству. Король Александръ могъ-бы выѣхать послѣ дня своего рожденія, если ваше величество согласны принять одну изъ указанныхъ мѣстностей. Въ этомъ

случаѣ, мы могли-бы поторопиться путешествіемъ короля, если ваше величество соблаговолите мнѣ дать знать депешей ваше окончательное рѣшеніе.

Покорный слуга вашего величества

И. Ристичъ.

XXV

Королевѣ Наталіи.

С.-Петербургъ, 20-го іюля 1889 года.

Ваше величество, всемилостивѣйшая королева! Въ письмѣ, которое я имѣлъ честь передъ моимъ отъѣздомъ изъ Бѣлграда послать вашему величеству, я обѣщалъ вамъ написать по моему пріѣздѣ въ Петербургъ и сообщить мнѣніе г. Груича о возвращеніи вашего величества въ Сербію.

Но раньше позвольте мнѣ передать вамъ содержаніе разговора, который я имѣлъ съ г. Ристичемъ, наканунѣ моего отъѣзда, когда я пришелъ къ нему прощаться.

Г. Ристича я засталъ въ постели, больного ревматизмомъ; онъ сказалъ мнѣ, что получилъ письмо отъ вашего величества, которымъ вы объявляете ему, что ваше желаніе видѣть сына такъ сильно, что, оставляя въ сторонѣ всякія разсужденія, вы пріѣдете въ Бѣлградъ, если гг. регенты не пришлютъ вамъ короля въ Ялту въ концѣ этого мѣсяца.

Г. Ристичъ просилъ меня написать вашему величеству изъ Вѣны или отсюда, выразивъ сожалѣніе, что онъ не имѣетъ возможности отвѣтить вамъ непосредственно, такъ какъ у него болитъ правая рука и, слѣдовательно, мѣшаетъ ему писать; но какъ только онъ будетъ въ состояніи это сдѣлать, онъ поспѣшитъ отвѣтомъ на письмо вашего величества. Между прочимъ, онъ просилъ меня сообщить вамъ его мнѣніе, на случай вашего возвращенія.

Онъ указалъ мнѣ на то обстоятельство, о которомъ я имѣлъ честь уже довести до вашего свѣдѣнія въ моемъ послѣднемъ письмѣ, что ваше возвращеніе его стѣснитъ: „Наше судлишкомъ нагружено, говоритъ мнѣ г. Ристичъ, и довольно лѣйшаго еще груза, чтобы оно опрокинулось. Мы встрѣтили довѣріе со стороны Австріи, это недоовѣріе стало еще болѣе о

виднымъ съ тѣхъ поръ, какъ митрополитъ Михаилъ вернулся въ Сербію. Графъ Кальноки черезъ г. Гангельмюллера объявилъ намъ, что если митрополитъ вновь займетъ свое мѣсто, то не можетъ быть больше никакой рѣчи о довѣріи къ намъ со стороны австрійскаго правительства. Если-же теперь и королева вернется, то въ Вѣнѣ еще болѣе взволнуются и, кто знаетъ, къ какому рѣшенію придутъ тамъ? По случаю этого, было-бы желательно, чтобы королева еще на нѣкоторое время отложила свое возвращеніе. Если, тѣмъ не менѣе, она вернется, мы не воспрепятствуемъ ея пріѣзду; но для нея самой было бы лучше, если бы она пріѣхала съ нашего согласія, чѣмъ безъ такового“.

Вотъ, въ общемъ, слова г. Ристича и я надѣюсь, что когда онъ будетъ въ состояніи писать, то вамъ выскажетъ тоже самое въ лучшемъ и болѣе обстоятельномъ изложеніи. Изъ этого слѣдуетъ, что регенты не желаютъ вашего возвращенія въ настоящую минуту, потому что опасаются. Можетъ-быть ими руководитъ страхъ близкаго возвращенія короля Милана и желаніе избѣжать возможныхъ непріятностей между нимъ и вашимъ величествомъ, которыя причинятъ вредъ вашему личному достоинству и достоинству страны. Быть можетъ, регенты также руководствуются желаніемъ рѣшить вопросъ о вашемъ возвращеніи совмѣстно съ королемъ Миланомъ, чтобы уничтожить навсегда всякую возможность спора между августѣйшими родителями юнаго короля. Послѣднія извѣстія газетъ заставляютъ меня думать, что я правъ, такъ какъ приписываютъ путешествію короля Милана во Вранію, въ обществѣ гг. Бѣлимарковича и Груича, намѣреніе рѣшить вопросъ о вашемъ возвращеніи.

Что-же касается г. Груича, то онъ искренно желаетъ вашего возвращенія, въ интересахъ нравственнаго воспитанія вашего сына; но онъ боится, что вы не согласитесь ставить свое возвращеніе въ зависимость отъ какого-бы то ни было условія. По мнѣнію г. Груича, ваше величество должны терпѣть до тѣхъ поръ, пока выборы въ національное собраніе будутъ окончены. Тогда вы письменно обратитесь къ правительству, увѣдомивъ его, что вы возвращаетесь въ Сербію, какъ мать юнаго короля и какъ супруга бывшаго короля, и, какъ таковая, вы попросите правительство приготовить вамъ подобающее помѣщеніе. Правительство тогда позаботится помѣстить васъ соотвѣтственно вашему званію, если только окажется невозможнымъ устроиться вамъ въ королевскомъ дворцѣ, около вашего сына. Таково послѣднее мнѣніе Груича.

Ваше величество, по моему мнѣнію, не должны даже воз-

буждать вопроса о томъ, съ какими почестями вы будете приняты и какой почетъ вамъ окажутъ. Но вы должны, когда наступитъ время, воспользоваться правомъ сербской гражданки, матери короля Сербіи, и прѣхать въ вашу страну. Когда-же именно для этого настанетъ наиболѣе подходящій моментъ, ваше величество можетъ лучше опредѣлить, зная мнѣніе правящихъ круговъ Сербіей. Мнѣ кажется, что ваше величество сдѣлаете ошибку, если отвергнете этотъ совѣтъ. Возможно, что эти круги, вслѣдствіе преувеличеннаго страха, или по другимъ, быть можетъ, тщеславнымъ мотивамъ, желаютъ помѣшать навсегда или надолго вашему величеству занять мѣсто, которое принадлежитъ вамъ, какъ королевѣ-матери. Поэтому я присоединяюсь къ мнѣнію г. Груича и совѣтую вашему величеству узнать у него или прямо, или черезъ мое посредство о благопріятномъ для вашего возвращенія въ Сербію моментѣ.

Я не могу удержаться, чтобы не сообщить вашему величеству другую версію, по поводу рѣшенія этого вопроса, которую я узналъ отъ г. Персіани. Онъ покинулъ Бѣлградъ, какъ онъ сказалъ мнѣ, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ слышалъ, что г. Груичъ имѣетъ намѣреніе уговорить короля Милана уступить вашему величеству для постояннаго жительства дворецъ въ Нишѣ, до тѣхъ поръ, пока ваше величество не выстроитъ дворца въ Бѣлградѣ. Г. Груичъ думаетъ, что онъ склонить регентовъ къ этой мысли, и если онъ успѣетъ въ этомъ, то предложитъ это вашему величеству. Въ такомъ случаѣ, правда, ваше величество проживете нѣкоторое время въ Нишѣ; но у васъ будетъ тамъ свой установленный дворъ и вы будете имѣть возможность видѣть вашего сына каждый разъ, какъ только этого пожелаетъ ваше сердце.

Не могу сказать, насколько правдива эта версія, но если она подтвердится и если правительство сдѣлаетъ вамъ подобное предложеніе, то я совѣтую вашему величеству его принять. Разъ вы будете въ Сербіи, то, послѣ объясненія съ регентами и министрами, вамъ будетъ гораздо легче убѣдить ихъ въ необходимости вашего постояннаго присутствія около сына, и ничто не помѣшаетъ вашему величеству быстро выстроить дворецъ въ Бѣлградѣ и переѣхать изъ Ниша.

Цѣлуя ручки вашего величества, остаюсь съ наиглубочимъ уваженіемъ, вашъ покорнѣйшій слуга,

Георгій Симичъ.

XXVI.

Королевъ Наталіи.

Бѣлградъ, 22-го іюля, 1889 года.

Ваше величество! Послѣднимъ вашимъ письмомъ, которое вамъ угодно было мнѣ написать, вы сообщаете, что обращались къ г. Ристичу, объявляя ему ваше желаніе видѣть его величество короля Александра въ Ялтѣ или въ Бѣлградѣ, на что г. Ристичъ вамъ отвѣтилъ, что онъ долженъ дожидаться короля Милана и тогда только дастъ вамъ положительный отвѣтъ. Такъ какъ я ждалъ этого отвѣта отъ регентовъ, то и запоздалъ письмомъ. Теперь я имѣю честь увѣдомить ваше величество, что г. Ристичъ послалъ вамъ свой отвѣтъ со вчерашнею почтою; сейчасъ онъ, конечно, уже предъ вами.

Я надѣюсь, что ваше величество не сомнѣваетесь въ нашемъ искреннемъ и добромъ намѣреніи, — итти навстрѣчу вашему желанію и если результатъ нашего собранія во Враніи-Басіи не удовлетворилъ васъ вполне, тѣмъ не менѣе я дружески прошу ваше величество принять наше общее предложеніе, чтобы устроить возможно скорѣе свиданіе съ вашимъ сыномъ, котораго и вы, и онъ ждете съ такимъ нетерпѣніемъ, и облегчить тѣмъ установленіе вашихъ будущихъ отношеній съ королемъ Миланомъ и королевскимъ домомъ.

Король Миланъ останется, самое большое, до 3-го августа.

Соблаговолите принять и пр.

Савва Груичъ.

XXVII.

Ея величеству королевѣ.

Ваше величество! Десять дней уже, какъ король Миланъ пріѣхалъ сюда, и пробудетъ до 3-го августа. Можетъ-быть также, что онъ уѣдетъ раньше этого срока, какъ онъ мнѣ сказалъ, чтобы не дать повода къ интригамъ, которыя уже появляются.

Послѣ нѣкоторыхъ, неизбѣжныхъ въ такихъ дѣлахъ, формальностей, принялись, такъ сказать, за работу: разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, между которыми на первомъ планѣ воп-

росъ о вашемъ возвращеніи и вашей резиденціи. По этому предмету король велѣ долгіе переговоры съ правленіемъ и даже съ этою цѣлью ѣздилъ во Вранію, къ больному регенту Ристичу. Я тоже ходилъ къ королю Милану и лично въ первый разъ доложилъ ему о моей поѣздкѣ и разговорѣ съ вами.

Вначалѣ, въ формѣ шутокъ, онъ меня упрекнулъ въ такомъ горячемъ приверженствѣ къ вашему величеству. Потомъ онъ обратился ко мнѣ съ массою вопросовъ о вашемъ величествѣ и даже о наружности вашей. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы просить, во имя любви его къ сыну, положить конецъ семейнымъ отношеніямъ, поистинѣ, мало естественнымъ и несоотвѣтствующимъ столь знаменитой династіи; я также просилъ его не заставлятъ долѣе юнаго короля, въ такомъ нѣжномъ возрастѣ, жить одиноко, почти безъ отца и матери. Онъ мнѣ сказалъ, что изъ любви къ сыну онъ готовъ былъ сдѣлать все и даже то, чтобы его мать была около него, но на условіяхъ, которыя угодны правительству.

Такъ какъ король мнѣ не сказалъ, каковы эти условія, то я не смѣю ихъ угадывать, впрочемъ, это и бесполезно, такъ какъ ваше величество, безъ сомнѣнія, извѣщены обо всемъ этомъ регентомъ Ристичемъ, который, какъ я узналъ, въ настоящее время достаточно поправился, чтобы писать. Конечно, г. Груичъ съ своей стороны извѣститъ васъ обо всемъ.

Но, какъ я слышалъ, они не пришли ни къ чему во всѣхъ этихъ переговорахъ и все осталось попрежнему. Къ несчастію, наши раздоры и, въ особенности, ненависть, которая существуетъ теперь между радикалами и либералами, являются причиной того, что король Миланъ не очень заботится о мнѣніи тѣхъ и другихъ.

Но кто обладаетъ терпѣніемъ и умѣніемъ ждать, тотъ всегда побѣждаетъ. Я не сумѣю дать вамъ достаточно разумнаго совѣта въ вопросѣ, который, съ одной стороны, касается достоинства королевы, съ другой—материнской нѣжности. Пусть Богъ внушитъ вамъ, а материнская любовь подскажетъ, какъ нужно поступить въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ.

А. Васильевичъ.

XXVIII.

Г-ну Ристичу.

Ялта, 28 іюля, 1889 г.

Мой сынъ король не могъ приѣхать въ Ялту, буду въ Бѣлградѣ 17-го августа.

Наталія.

Приложеніе № 21.

Королевѣ Наталіи,

Бѣлградъ, 10 августа, 1888 г.

Ваше величество! Благодарю васъ за то, что, послѣ изъясненнаго вашимъ величествомъ намѣренія приѣхать въ Сербію раньше окончательнаго рѣшенія этого вопроса,—вы не приѣхали. Такимъ поступкомъ вы дали намъ возможность формулировать предложенія до окончательнаго рѣшенія его.

Вотъ эти предложенія:

1). Ваше величество будете приѣзжать одинъ или два раза въ годъ въ Бѣлградъ, на двѣ—три недѣли, какъ гостя вашего сына, его величества короля.

2). Ваше величество будете останавливаться въ королевскомъ дворцѣ, гдѣ вамъ отдадутъ всѣ почести, достойныя вашего высокаго положенія королевы-матери.

3). Вашъ приѣздъ сюда будетъ зависѣть всегда отъ согласенія съ регентами.

Таковы будутъ главныя основанія условій, на которыхъ регенты, совмѣстно съ правительствомъ, остановились и на котораго король Миланъ далъ свое согласіе.

Ради правительства и регентства, я прошу ваше величество принять основныя положенія этого условія, въ интересахъ трона вашего сына, въ интересахъ вашего достоинства и, наконецъ, въ интересахъ спокойствія королевскаго дома. Король Миланъ въ будущемъ приметъ тѣ-же самыя условія и, слѣдовательно, король Александръ I, за неимѣніемъ другого исхода, какимъ образомъ будетъ находится въ одинаковыхъ отношеніяхъ со своими родителями, безъ всякаго ущерба конституціоннымъ правамъ короля Милана.

Савва Груичъ.

Приложене № 22.

I.

Королевъ Наталіи.

Петербургъ, 3-го августа, 1889 г.

Ваше величество, всемилостивѣйшая королева! Я имѣлъ честь получить сегодня депешу, которою вашему величеству угодно было извѣстить меня, что письмо г. Ристича, написанное изъ Враніи и о которомъ была рѣчь въ моемъ письмѣ отъ 29 числа прошлаго мѣсяца, утвердило только васъ въ вашемъ намѣреніи пріѣхать въ Сербію, и что единственное средство помѣшать вамъ—прислать вашего августѣйшаго сына.

Я счелъ своею обязанностью сообщить содержаніе вашей депеши г. Груичу, чтобы вамъ предварительно сговориться съ нимъ, такъ какъ я совѣтовалъ вашему величеству отложить вашъ отъѣздъ на болѣе позднее время, послѣ того уже, какъ я прочелъ депешу г. Груича. Сегодня вечеромъ я получилъ шифрованную депешу отъ г. Груича, изъ которой вижу, что ваше величество сообщили королевскому правительству ваше неизмѣнное рѣшеніе пріѣхать въ Сербію.

Въ этой депешѣ говорится:

„Такъ какъ ея величество королева отказалась отъ сдѣланнаго ей регентами совмѣстно съ правительствомъ предложенія, то ея возвращеніе въ Бѣлградъ будетъ неофициально, дворецъ будетъ запертъ для нея и короля она не увидитъ здѣсь; въ виду сего будьте добры сообщить объ этомъ ея величеству и попросить ее еще разъ принять предложеніе правительства, въ ожиданіи измѣненія ея будущихъ отношеній къ королевскому дому“.

Георгій Симичъ.

II.

Депеша переданная господиномъ Каллевишемъ министру Сербіи въ Бухарестъ.

Депеша отъ 11-го сентября, 1889 года.

Я прошу ея величество депешей на мое имя отказать отъ официального приѣма, въ случаѣ пріѣзда сюда.

Груичъ.

Депеша отъ 12-го сентября 1889 года.

Такъ какъ королева не приняла нашего вторичнаго предложенія, содержащагося въ моемъ письмѣ отъ 10 августа сего года, то благоволите сообщить ея величеству, что наше рѣшеніе отъ 3 августа, сообщенное ей нашимъ министромъ (посломъ) въ Петербургъ, остается въ силѣ.

Всѣ усилія были употреблены, чтобы король Миланъ согласился на свиданіе матери съ сыномъ въ Бѣлградѣ, но были безуспѣшны.

Король, пользуясь правами, данными ему конституціей, и закономъ, въ настоящее время, когда королева отказалась отъ предложеннаго ей условія, категорически запрещаетъ, чтобы король Александръ встрѣтился здѣсь съ королевой.

Регентство и правительство, призванное защищать конституцію и наблюдать за исполненіемъ всѣхъ ея статей, обязаны дѣйствовать въ духѣ инструкции, данной королемъ Миланомъ; полагаемъ, что и ея величество, въ интересахъ сохраненія мира въ королевскомъ дворцѣ и въ интересахъ охраненія достоинства королевской родни, не совершитъ ничего такого, что могло-бы затруднить исполненіе приказаній короля-отца.

Груичъ.

Депеша отъ 14-го сентября.

Передайте ея величеству мой дружескій совѣтъ принять предложенное условіе и извѣстить меня депешей. Въ этомъ случаѣ она будетъ принята здѣсь достойно ея высокому положенію; она вступитъ во дворецъ, какъ гостя ея царственнаго сына и можетъ остаться тамъ до открытія собранія, а весною она можетъ пріѣхать снова и остаться на болѣе продолжительное время.

Если она приметъ мой совѣтъ, то избавитъ тѣмъ своего сына отъ тяжелаго положенія, въ которое поставили его протѣвоположныя требованія его августѣйшихъ родителей.

Груичъ.

Приложение № 23.

Въ Святѣйшій Синодѣ.

Святѣйшему Синоду извѣстенъ брачный споръ между королемъ Миланомъ и мною, въ виду чего онъ обратился тогда-же къ компетентному въ то время суду съ письмомъ о разводѣ, что противорѣчитъ основнымъ церковнымъ законамъ Сербіи.

Бывшій митрополитъ, находясь подъ давленіемъ, разрѣшилъ разводъ, который ни въ какихъ законахъ страны не находитъ себѣ основанія.

Я обращаюсь къ Св. Синоду, прося его дать мнѣ свое синодальное заключеніе о томъ, какъ онъ смотритъ на это письмо о разводѣ, за № 1247, бывшего митрополита, которое было напечатано въ *Официальной газетѣ* за № 223.

Нашей святой православной церкви покорная и вѣрная дочь

Наталія.

Бѣлградъ, 11-го іюня 1890 г.

Приложение № 24.

Королевѣ Наталіи.

Ея величество королева Наталія, мать нашего короля Александра I, своимъ письмомъ отъ 11 іюня обратилась въ Св. Синодъ, дабы онъ далъ ей синодальное заключеніе о томъ, какъ онъ смотритъ на письмо бывшего митрополита Ѳеодосія за № 1247 по дѣлу о разводѣ ея съ королемъ Миланомъ, которое было напечатано 12-го октября 1888 года, за № 223.

Св. Синодъ, разсмотрѣвъ документы, относящіеся къ этому дѣлу, нашелъ, что въ данномъ случаѣ митрополитъ дѣйствовалъ не по закону.

1) Потому что по духовнымъ законамъ православной религіи, дѣйствовавшимъ съ 1862 года до 27 апрѣля сего года въ Сербіи, разрѣшеніе брачныхъ тяжбъ было подсудно епархіальнымъ консисторіямъ.

2) Потому что брачный споръ королевскаго дома не бѣ изъятъ изъ общихъ законовъ, на основаніи которыхъ брачныя тяжбы подсудны консисторіи Бѣлградской епархіи, каковѣе состоятельство было извѣстно и королю Милану, когда онъ с

тился къ консисторіи со своею жалобой о разборѣ его брачной тяжбы съ королевой Наталіей.

3). Потому что Св. Синодъ тогда-же, когда король требовалъ отъ него разрѣшить брачный споръ, нашелъ, что онъ не компетентенъ, согласно сказанному закону 1862 года, разсматривать и судить какой-бы то ни было брачный споръ, не исключая и королевскаго.

4). Потому что король письменно обратился къ митрополиту Θεодосію, который безъ всякаго права принялъ одинъ прошеніе короля и, безъ соглашенія съ Св. Синодомъ, далъ лично разводное письмо, не выслушавъ королеву по вопросу брачнаго спора; этимъ онъ нарушилъ законъ 1862 года, а также 6 ст. конституціи, на основаніи которой никто не можетъ быть осужденъ, не будучи выслушанъ.

Въ виду всего изложеннаго и дѣйствующихъ нынѣ духовныхъ законовъ православной религіи въ сербскомъ королевствѣ (ст. 77), на прошеніе ея величества св. синодъ объявляетъ:

Что письмо Θεодосія Мраовича, бывшаго митрополита, по дѣлу о разводѣ ихъ величествъ короля Милана и королевы Наталіи не законно и не правильно и противорѣчитъ существующимъ законамъ и дано безъ всякаго законнаго основанія.

Архіепископъ бѣлградскій и митрополитъ сербскій
МИХАИЛЪ.

Епископъ нишскій: ІЕРОНИМЪ.

Епископъ фичскій: САВВА.

Бѣлградъ, 16-го іюля 1890 года.

ЯЗЫКОВѢДЪ ВОСТОКА.

(Характеристика Макса Мюллера).

Не говорите, что ихъ нѣтъ,
Но съ благодарностію: были!

Безконечно обидно и больно бываетъ смотрѣть на преждевременное угасаніе молодой многообѣщающей жизни, а въ особенности—на ея трагическую гибель до срока, подъ нестерпимымъ гнетомъ темныхъ силъ или роковыхъ условій далеко не идеальнаго порядка вещей! Но мы встрѣчаемъ съ совершенно инымъ чувствомъ нормальную смерть даже самаго выдающагося дѣятеля, въ старческомъ возрастѣ, когда онъ уже успѣлъ „совершить въ предѣлѣхъ земномъ все земное“; тутъ невольно приходятъ на память выставленные мною, въ качествѣ эпиграфа, стихи поэта, основательно указывая на неестественность сожалѣній, въ данномъ случаѣ, и рекомендуя лучше заняться оцѣнкою личности усопшаго и трудовъ, которые онъ оставилъ въ наслѣдіе человѣчеству.

Все это безусловно примѣнимо и къ скончавшемуся прошлой зимой въ Оксфордѣ знаменитому оріенталисту-языковѣду Максу Мюллеру. Нравственный обликъ и весь складъ дѣятельности его представляютъ особенно крупный интересъ для насъ, русскихъ, которые привыкли къ совершенно инымъ типамъ преподавателей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а именно—за рѣдкими исключеніями—или сухимъ формалистамъ-бюрократамъ, или ловкимъ „гешефтмахерамъ“ на кафедрахъ, неспособнымъ ни увлечь молодежи, ни вліять на нее благотворно.... И я считаю далеко не лишнимъ представить читателямъ, съ данной точки зрѣнія, замѣчательнѣйшаго западно-европейскаго ученаго въ нижеслѣдующей бѣглой характеристикѣ, въ журналѣ, издаваемомъ на Кавказѣ у предверія Востока и интересующемся культурою послѣдняго.

*
* *

Большая часть какъ добровольныхъ эмигрантовъ, такъ равн
и насильственно вынужденныхъ оставить горячолюбимую родину ,

обыкновенно жестоко тоскуя по ней и соотечественникамъ, плохо приспособляются къ новымъ людямъ и обстановкѣ на чужбинѣ... Не такимъ оказался жезненный путь прославленнаго нѣмецкаго филолога, принадлежавшаго къ первой изъ только что упомянутыхъ категорій, т. е. покинувшаго германскую почву по собственному желанію и, еще въ юные годы, отправившагося искать счастья на туманномъ Альбіонѣ, среди холодныхъ, мало-отзывчивыхъ и отнюдѣ не гостепріимныхъ британцевъ. Но горделивая Англія и ея заносчивые сыны отнеслись, на этотъ разъ, съ изумительнымъ, неслыханнымъ радушіемъ къ начинавшему лишь научную карьеру иностранцу, который, не въ примѣръ многимъ, влачащимъ тамъ мучительное прозябаніе неудачникамъ, быстро сумѣлъ акклиматизироваться и пріобрѣсти прочную извѣстность, какъ профессоръ стариннаго, строго-замкнутаго университета въ аристократическомъ Оксфордѣ. Максъ Мюллеръ читалъ тамъ лекціи по исторіи литературы и сравнительной грамматикѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій съ 1850 года. Онъ является типичнымъ „Sonntagskind,"омъ (по нашему „человѣкомъ, который родился въ рубашкѣ“): по крайней мѣрѣ, судьба улыбнулась ему сразу во всѣхъ отношеніяхъ, а затѣмъ крупный—и вполне заслуженный—успѣхъ сопровождалъ, положительно, каждый его шагъ безъ малѣйшихъ превратностей, зачастую выпадающихъ на долю и простымъ смертнымъ и гениямъ-свѣточамъ земного рода! Подобно тому, какъ въ древности нѣсколько греческихъ городовъ взаимно спорили изъ-за чести сопричисленія къ ихъ уроженцамъ великаго Гомера, во второй половинѣ XIX вѣка нѣмцы непременно хотѣли оттягать право на признаніе чуть-ли не исключительно германскимъ ученымъ Макса Мюллера у его второй отчизны, которая, однако, ни за что не соглашалась на подобную уступку. Самъ-же онъ всегда дорожилъ духовной связью съ родной Германіей. Фридрихъ-Максъ Мюллеръ (таково было его полное имя) родился 6 декабря 1283 года въ Дессау, гдѣ его отецъ занималъ должность герцогскаго бібліотекаря. Онъ рано лишился обоихъ родителей (отецъ умеръ въ 1827 году) и получилъ воспитаніе въ семьѣ у родственника-профессора Каруса въ Лейпцигѣ, позже перешедшаго въ дерптскій университетъ. Онъ отдалъ своего питомца сначала въ „Nikolaischule“, а затѣмъ Максъ изучалъ классическую филологію и философію, а также—арабскій и, главнымъ образомъ, санскритскій языки подъ руководствомъ извѣстнаго индолога Германа Брокгауза. Онъ страстно увлекся этими послѣдними занятіями, и онѣ именно опредѣлили все дальнѣйшее направленіе его жизненной дѣятель-

ности. Уже въ 1844 году Мюллеръ выпустилъ въ свѣтъ свой нѣмецкій переводъ остроумнаго сборника басенъ „Хитопадца“, за которымъ, въ 1847 году, послѣдовало изданіе чрезвычайно-удачно переведеннаго имъ и Облачнаго вѣстника „(Мекхадуты)“ Калидазы. Изъ Лейпцига, для дальнѣйшаго образованія, онъ перебрался въ Берлинъ, послѣ того въ Парижъ и, наконецъ, въ 1846 году, въ Лондонъ, гдѣ имѣлъ счастье вступить въ непосредственно-близкія отношенія со знаменитымъ Христіаномъ Карломъ фонъ-Бунзеномъ, въ ту пору прусскимъ посланникомъ при великобританскомъ дворѣ. Бунзенъ, женатый на англичанкѣ, пользовался рѣдкими симпатіями и почетомъ въ высшихъ кругахъ англійскаго общества, благодаря чему онъ и смогъ легко открыть Максу Мюллеру пути къ осуществленію его завѣтныхъ плановъ и замысловъ. Черезъ благосклонное посредничество сановника-земляка, Остъ-индская компанія довѣрила юному дебютанту въ наукѣ, вдобавокъ еще чужестранцу, изданіе „Риг-веды“, старѣйшаго памятника древне-индусской письменности, съ „большими комментаріями Саяны“, т. е. предпріятіе, выполнить которое онъ мечталъ еще въ Лейпцигѣ, ища тогда другихъ дорогъ къ его осуществленію. И оно представляло собою крупнѣйшій ученый трудъ въ жизни Макса Мюллера, обнародованный шестью толстыми фоліантами въ Лондонѣ съ 1849 до 1874, а когда неожиданно скоро для столь-обширнаго и дорого-стоящаго сочиненія потребовалось второе изданіе, онъ выпустилъ таковое въ 4-хъ томахъ (Лондонъ, 1889—1892), на этотъ разъ при матеріальной поддержкѣ одного изъ индійскихъ махараджъ. Тѣмъ временемъ онъ успѣлъ издать и весьма цѣнную „Исторію древней санскритской литературы“ (по-англійски) и рядомъ другихъ работъ оказалъ самыя серьезныя услуги индологіи.

Съ 1850 года Максъ Мюллеръ проживалъ и работалъ преимущественно въ Оксфордѣ. Сначала, въ 1854 году, ему была предоставлена тамошнимъ университетомъ профессорская кафедра по новымъ языкамъ и словесностямъ, что лишній разъ указываетъ на его яркую разносторонность. Далѣе, въ 1856 г., онъ принялъ энергичное участіе въ завѣдываніи знаменитой оксфордской библіотекой имени Бодлея, а въ 1868 г. удостоенъ былъ профессуры по основанной тогда въ Оксфордѣ новой кафедрѣ сравнительнаго языкознанія. Когда, послѣ франко-германской войны, въ Страсбургѣ опять учредили нѣмецкій университетъ имперскія власти, озобоченныя приглашеніемъ туда возможнаго числа заслуженныхъ, именитыхъ преподавателей, обитались изъ Берлина, между прочимъ, и къ Максу Мюллеру.

успѣвшему уже приобрести громкую извѣстность. Но показанія біографовъ относительно даннаго эпизода въ его жизненной карьерѣ—особенно, конечно, біографовъ въ Германіи и Австріи (также вотъ и почтеннаго нѣмецкаго филолога проф. Л. фонъ-Шрёдера, которому я обязанъ большей частью фактическихъ свѣдѣній для настоящей краткой характеристики)—въ значительной мѣрѣ уклоняются отъ истины, каковую я постараюсь здѣсь выяснить.

Максъ Мюллеръ, дѣйствительно, принялъ предложеніе германскаго учебнаго вѣдомства, только условно, не связывая себя никакими обязательствами, и даже читалъ лекціи въ Страсбургѣ весь лѣтній семестръ 1872 года, но уже осенью поспѣшилъ обратно въ Оксфордъ, куда его, будто-бы, неодолимо повлекло, какъ вслѣдствіе глубокой благодарной привязанности ко второму отечеству, такъ и ради дружественныхъ связей съ родственниками жены-англичанки и учеными товарищами. Это—чисто *придуманная* версія, и причины его обратнаго отъѣзда въ Англію были совершенно иного свойства, какъ мыѣ, весною 1880 года, въ Брюсселѣ, лично передавалъ одинъ изъ близкихъ друзей покойнаго—добросовѣстный идейный нѣмецъ. „Британизированный“ до извѣстной степени Максъ Мюллеръ обладалъ душою древнихъ свободолюбивыхъ германцевъ, и его безконечно огорчало отвратительное зрѣлище прусскаго „культуртрегерства“ въ отвоёванномъ завѣдомо-германскомъ краѣ Эльзасѣ и Лотарингіи: полное „упраздненіе“ французской свободы, къ которой привыкли тамошніе нѣмцы, это превращеніе братскаго племени въ пасынка его прежней отчизны, сразу, безъ всякаго повода разыгравшей роль злой мачехи,—словомъ, цѣлый рядъ грубыхъ насилій со стороны ликующаго зазнавашагося милитаризма! Вотъ и обѣ вышеназванныя провинціи, которая, съ помощью ласки, довѣрія и совершенно независимаго отъ центрального правительства самоуправленія, несомнѣнно очень быстро слились-бы органически съ Германіей, взаменъ того, изъ духа естественнаго протеста передъ недостойной „народа поэтовъ и мыслителей“ „Ausrottungs“—системой прусскаго „штатгальтерства“ (намѣстничества) не замедлили превратиться въ пламенныхъ французскихъ патриотовъ: съ рѣзкимъ нѣмецкимъ акцентомъ запѣла „Gallia irritanda“ свой, естественно-народившійся, характерный національный гимнъ.

Vous n'aurez pas l'Alsace et la Lorraine,
Car, malgré vous, nous resterons Français:
Vous avez pu *germaniser la plaine*,
Mais *notre coeur*—vous ne l'aurez jamais!

Максу Мюллеру, насквозь проникнутому трезвой и дальновидной мудростью Востока, разумеется, не могъ не претить нагло-хозяйничавшій въ отторгнутой у сосѣдей странѣ юнкеръ-пруссакъ, и онъ предпочёлъ вернуться въ Англію—*тогдашнюю* Англію „святого старца“ Гладстона и ему подобныхъ заступниковъ правды, добра, свободы и справедливости, еще не опозоренную политическими разбоями Джемсоновъ, Родсовъ, Чембэрленовъ, которыхъ, въ наши дни, торжественно поощряютъ лишенные стыда и совѣсти аристократическіе и буржуазные „гешефтмахеры“—империалисты съ алчными аппетитами да разнузданная „джингоистская“ печать!

Теперь-же страсбургскіе германизаторы и британскіе палачи Трансвааля, съ ихъ одинаковыми тенденціями, цѣлями и средствами, вполне стоятъ другъ-други...

Но, и отказавшись отъ своей оксфордской профессуры въ 1875 году, Максъ Мюллеръ продолжалъ, однако, жить тамъ, специально отдаваясь научно-литературной дѣятельности, на первомъ планѣ—выпуску въ свѣтъ огромнаго сборника „Sacred Books of the East“ (Священныхъ книгъ Востока), въ составъ котораго вошли лучшіе переводы разныхъ ученыхъ специалистовъ. Самъ онъ опубликовалъ въ этомъ, начатомъ съ 1879 г., изданіи блестяще-переведенныя имъ: будистскую „Дхаммападу“ (въ 1881 г.), два тома важнѣйшихъ „Упанишадъ“ (въ 1884 г.) и „Гимновъ изъ Вѣдъ“ (въ 1891 г.). Только всѣ перечисленные сейчасъ труды не имѣли особенно-крупнаго значенія ни въ наукѣ, ни для широкихъ круговъ читающей публики. Работы, которыми Максъ Мюллеръ стяжалъ свою громкую славу, добившись почти исключительнаго положенія среди интеллигенціи всего цивилизованнаго міра, носили совершенно иной характеръ, представляя неоспоримый общій интересъ по содержанію и формѣ. Изъ нихъ, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить, сначала вышедшія въ Лондонѣ, съ 1861 по 1864 г., двумя серіями, „Lectures on the science of language“, въ скорости затѣмъ отпечатанныя и по-нѣмецки подъ одинаковымъ заглавіемъ „Vorlesungen ueber die Wislenschaft der Sprache“ (Чтенія о наукѣ языка), и выдержавшія, съ 1862 г., немало послѣдовательныхъ изданій. Далѣе идутъ его: „Essay on comparative mythology“ и „Chips from a German workshop“, которыя, на нѣмецкомъ языкѣ, съ вполне-подходящимъ названіемъ „Essays“, увидѣли свѣтъ въ Лейпцигѣ въ 1879—81 г.г.) и „Selected Essays“ (Лондонъ 1881 г.). А вотъ — религиозно-научныя произведенія: „Lectures on the origin and growth of religion as illustrated by the religions of India“ (такъ а

зываемыя „Гиббертовскія чтенія“), которыя по-нѣмецки появились въ Страсбургѣ (изданіе 1880 г.) озаглавленными „Vorlesungen ueber den Ursprung und die Entwicklung der Religion“ (Чтенія о происхожденіи и развитіи религіи), циклы его лекцій о „Естественной религіи“, „Физической религіи“, „Антропологической религіи“, „Теософіи, какъ психологической религіи“, которыя были изданы и въ Лейпцигѣ подъ тѣми же заглавіями по-нѣмецки съ 1890 по 1895 г. Къ этому списку надо прибавить замѣчательно-интересную книгу: „India what can it teach us“ (Лондонъ 1883 г.), она же—„Indien in Leiner weltgeschichtlichen Bedeutung“ (Лейпцигъ 1884 г.); еще: „Science of Thought“, по-нѣмецки (Лейпцигъ 1888 г.)—„Das Denken im Lichte der Sprache“, и „Contributions to the science of mythology“ (по-англійски—Лондонъ 1897 г., на нѣмецкомъ языкѣ—Лейпцигъ, годъ спустя). Въ заключеніе нельзя не упомянуть о единственномъ—и довольно удачномъ—беллетристическомъ опытѣ Макса Мюллера, рассказѣ „Нѣмецкая любовь“, только усилившемъ сердечныя симпатіи и уваженіе къ нему германскихъ соотечественниковъ и выдержавшемъ, благодаря согрѣвающему эту маленькую вещь искреннему и нѣжному чувству, рѣдкое количество изданій.

На складѣ натуры Макса Мюллера и выборѣ имъ профессіи сказалось несомнѣнно вліяніе фамиліной наслѣдственности: вѣдь, его отцомъ былъ извѣстный авторъ обаятельно-остроумныхъ пѣсенъ Вильгельмъ Мюллеръ, который, не въ примѣръ прочимъ, постоянно умѣлъ въ своемъ творчествѣ уловить истинно-народный тонъ,—одинъ изъ чистопробнѣйшихъ лириковъ, вообще выдвинутыхъ Германіей. „Греческія мелодіи“ Вильгельма Мюллера, увлекавшія своей чудесной, благородной порывистостью современниковъ, еще не забыты и нынѣ; его „Muelerlieder“ и „Vinterreise“, на крыльяхъ волшебныхъ мотивовъ Шуберта, создававшего къ нимъ музыку, разлетѣлись во всѣ концы свѣта, чаруя и покоря сердца! Послѣ него остались также брызжущія талантомъ бесѣды о „Римѣ, римлянахъ и римлянкахъ“. Если-бы отецъ Макса Мюллера не былъ, въ разцвѣтѣ силъ, унесенъ внезапною смертію, онъ-бы неоспоримо создалъ еще вещи, которыя поставили-бы его имя на ряду съ именами славнѣйшихъ писателей въ Германіи! Онъ былъ женатъ на урожденной Басседовой, изъ семьи извѣстнаго основателя дессаускаго „Philantropin’a“. Такимъ образомъ, въ мальчикѣ отъ рожденія гармонично сочетались склонности къ поэзіи и къ наукѣ; а отъ отца, распѣвавшаго, сидя рядомъ съ серьезно-настроенной, умной и доброй матерью малютки-Макса, надъ колыбелью свои всепод-

купавшіе жизнерадостные гимны, онъ унаслѣдовалъ и удивительную наружную красоту: будущаго знаменитаго дѣятеля ввели въ жизнь музы и граціи!

Максъ Мюллеръ неоспоримо былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ XIX столѣтія,—его извѣстность имѣла международное значеніе, а имя великаго филолога хорошо знакомо всякому мало-мальски образованному человѣку. Сравнительно съ другими свѣтилами знанія, вродѣ, хотя-бы, Гельмгольца, Вирхова, Роберта Бунзена или Моммсена, онъ пользовался тѣмъ преимуществомъ, что произведенія его не только почтительно привѣтствовались большой публикой, но и дѣйствительно прочитывались въ широкихъ разнороднѣйшихъ кругахъ современнаго общества: ими восхищались, а на долю автора часто выпадало бурное поклоненіе „vulgus“а, потому что этотъ авторъ былъ не архивный типъ замурованнаго нѣмецкаго „гелертера“, но истинный, даровитый, пытливый, добросовѣстно-безкорыстный служитель чистаго знанія и живой, чуткій, отзывчивый, гуманный, терпимый человѣкъ! Зато, изъ товарищеской среды узкихъ вицмундирно-прямолинейныхъ филистеровъ, неоднократно слышались самые суровые отзывы, въ завѣстливѣйшемъ духѣ, на тему незаслуженной, яко-бы, Максомъ Мюллеромъ міровой популярности, которая-де, со строго научной (читай: формальной) точки зрѣнія, отнюдь не соотвѣтствовала положительнымъ достоинствамъ (читай: официальнымъ требованіямъ и установленнымъ шаблонамъ) его изслѣдованій... Не рѣшались отрицать значительности его жизненной работы въ области индологіи,—только, въ видѣ оговорки, тутъ же, съ напускнымъ безпристрастіемъ, вспоминали лукаво про Бетлинга, Рота, Бюлера или Вебера и еще многихъ другихъ неменѣе выдающихся специалистовъ на излюбленномъ поприщѣ Макса Мюллера. Не въ мѣру строгіе судьи и критики больше всего возмущались *общедоступностью* его трудовъ, находя, что, изъ-за нея именно, онъ не достоинъ быть названнымъ на ряду съ заправскими титанами языковѣдѣнія, которые-моль, въ свое время, не оставили камня на камнѣ отъ „фантастическихъ, слабообоснованныхъ мюллеровскихъ теорій“ по мнѳологіи и вопросамъ религіи.

Странное дѣло, однако: его мнимо-раздутая и незаслуженная слава неудержимо распространилась по всѣмъ концамъ земного шара, вопреки столь пренебрежительнымъ подчасъ отзывамъ со стороны обозленныхъ успѣхами собрата коллегъ!

Повторяю опять, что Максъ Мюллеръ представлялъ соб типичнаго баловня дружелюбной судьбы, точно и взапра

Музы да Граціи, цѣлуя его нѣкогда въ младенческія уста, одарили на всю жизнь неизсякаемымъ, пламеннымъ, околдовывающимъ краснорѣчіемъ, изливавшимся также въ необычайно-изящномъ литературномъ слогѣ на двухъ языкахъ: здѣсь отчасти лежалъ секретъ его изумительной популярности среди слушателей и читателей! Ни одинъ филологъ, ни одинъ изслѣдователь сѣдой старины, въ особенности ни одинъ изъ традиціонно-тяжеловѣсныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, не могъ конкурировать съ нимъ именно въ данномъ направленіи. Вотъ въ чемъ заключалось его коренное различіе отъ преобладающаго большинства не только университетскихъ профессоровъ, но въ равной степени и отъ многихъ уважаемыхъ научныхъ писателей. Ораторскому дару и безупречному стилю онъ былъ обязанъ, помимо дѣйствительно огромной эрудиціи и честнаго, устойчиваго трудолюбія, своимъ особымъ, непримѣрно-виднымъ положеніемъ. Подобно ему, основательно изучить восточные языки сумѣли многіе. Изданіе „Ригвѣды“, вродѣ того, которое выпустилъ въ свѣтъ Максъ Мюллеръ, оказалось-бы по силамъ любому опытному и солидному санскритологу. Нѣкоторые специалисты нисколько не уступали Максу Миллеру по начитанности и глубинѣ мысли въ сферахъ сравнительной филологіи или ученія о мівахъ и религіи. Но какъ *онъ говорилъ* объ этихъ вещахъ—объ индійской древности съ ея дивными сокровищами, о создавшихъ новую эпоху открытіяхъ компаративнаго языковѣдѣнія, о параллельно-научныхъ способахъ ознакомленія съ литературами разныхъ временъ и народовъ, о міеологическихъ преданіяхъ и религіозно-философскихъ проблемахъ,—*это* не имѣло подражателей, въ *этомъ* Максъ Мюллеръ не встрѣчалъ соперниковъ! Оригинальные, захватывающіе *пріемы оратора* оставались *ею* неотъемлемой *собственностью*. Постоянная утонченность формы, благородство вкуса, блестящее остроуміе, инстинктивное изящество оборотовъ рѣчи на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, которыми онъ владѣлъ съ одинаково-мастерскимъ совершенствомъ, одушевленные природной поэтичностью темперамента, прямо-таки шутя, плѣняли каждый разъ жадно-слушавшую его толпу! Онъ успѣлъ пробудить въ массахъ небывалый до него интересъ къ тѣмъ отраслямъ знанія, представителемъ которыхъ являлся; онъ, такъ сказать, одинъ изъ первыхъ, *демократизировалъ* науку, которая ранѣе считалась достояніемъ только *избранныхъ*! Максъ Мюллеръ *невольнo* выступилъ дѣятельнымъ *провозвѣстникомъ* завѣтнаго просвѣтительнаго *идеала* нашихъ дней: широко открыть замкнутый храмъ мысли рабочему люду! Трудно представить себѣ что-нибудь

проше, общепонятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ содержательнѣе его „Чтеній о языковѣдѣніи“, давно уже ставшихъ на культурномъ Западѣ настольной книгою любого сколько нибудь развитого умственно пролетарія, котораго геніальный народолубецъ также приобщилъ къ источнику живой воды, помня, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“.

Нашлось повсемѣстно не мало охотниковъ, даже у себя на дому—въ тѣсныхъ, затхлыхъ и темныхъ подвальныхъ или чердачныхъ углахъ, при слабомъ мерцаніи коптящей лампы или сального огарка, въ рѣдкостные часы короткаго досуга, позаняться наукою, про которую несравненный популяризаторъ-прогрессистъ рассказывалъ такія любопытныя и назидательныя вещи; но читатели Макса Мюллера прошли-бы съ полнѣйшимъ равнодушіемъ мимо драгоцѣннаго для специалистовъ трактата о сравнительной грамматикѣ, принадлежащаго перу великаго Боппа, или столь-же полезнаго санскритскаго словаря, изданнаго, коллективными стараніями знатоковъ дѣла, у насъ въ Петербургѣ. Бодрящій синтетическій складъ его творчества оказалъ извѣстное чрезвычайно-желательное вліяніе и на тѣсныя кружки специалистовъ-рутинѣровъ: любимецъ и другъ „vulgus“ а нерѣдко прищипоривалъ дремлющую энергію бесплодно священнодѣйствовавшихъ, съ напыщенными фізіономіями, товарищей! Истинно-передовые добросовѣстные ученые, разумѣется, нечего и говорить, передаютъ съ восторгомъ о живительно-освѣжающихъ впечатлѣніяхъ, которыя они выносили отъ чтенія научно-публицистическихъ работъ Макса Мюллера, никогда не заслуживавшихъ ни малѣйшаго упрека въ верхоглядствѣ или легковѣстности! Хотя давно спустившіяся съ прежнихъ заобличныхъ высотъ, наука и философія и стараются теперь, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ надъ ними не тяготѣетъ никакихъ узъ и запретовъ, посылить служить *интересамъ и запросамъ реальной жизни*, но, съ другой стороны, онѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распадаются на десятки тѣсно-ограниченныхъ специальностей, экскурсіи изъ которыхъ въ сосѣднія области дѣлаются мало-помалу и труднѣе, и неудобнѣе! Соотвѣтственно этому, нынче рѣдко можно встрѣтить, наприм., такого филолога-*энциклопедиста*, какимъ былъ Максъ Мюллеръ,—образцовый посредникъ между сложнѣйшими задачами избранной имъ отрасли знанія чуждыми ей образованными и даже поверхностно-интеллигентными представителями истекшаго вѣка,—посредникъ подвижно изящный, занимательный, приподносившій толпѣ „готовенькое всегда, въпрочемъ, оставляя мѣсто и для самостоятельной у

ственной работы въ мозгу своихъ читателей и слушателей.

Поэтому, къ заслуженной и неподдѣльной славѣ знаменитаго англо-германскаго языковѣда, отнюдь не похожей на обычную извѣстность патентованныхъ ученыхъ, слѣдуетъ прилагать особую мѣрку совершенно иного рода, чтобы оцѣнить его надлежащимъ образомъ: его репутація—репутація богатаго успѣхами *писателя*, не брезгавшаго смѣло и прямо высказываться и на разныя злобы дня, волновавшія современниковъ, захватывающаго оратора, внѣ-конкуренціи стоявшаго удобопонятнѣйшаго и остроумнѣйшаго *научнаго популяризатора*, который свободно могъ опираться на свое *реноме уважаемаго ученаго*! Эрудиція служила тутъ какъ-бы *фундаментомъ* для поэтическаго *искусства*, для наслѣдственной *артистичности*, озарявшей собою всю жизнь и дѣятельность незабвеннаго Макса Мюллера!

Самый крупный успѣхъ, безъ сомнѣнія, доставили ему „Vorlesungen ueber die Wissenschaft der Sprache“, гдѣ онъ, въ привлекательнѣйшей формѣ, ведетъ бесѣду о труднѣйшихъ за-задачахъ сравнительнаго языковѣдѣнія и миѳологіи. Онъ *раньше всѣхъ* пробудилъ среди большой публики пониманіе глубокаго значенія тѣхъ великихъ филологическихъ открытій, къ которымъ европейскіе изслѣдователи были приведены, въ теченіе первой половины XIX столѣтія, благодаря санскритскому языку. Обо всемъ этомъ, равно какъ о первыхъ попыткахъ сравнительной миѳологіи, онъ сообщалъ публикѣ съ такой яркой и пластической красотою изложенія, что весь цивилизованный міръ невольно начиналъ увлекаться этими вопросами и добивался дальнѣйшихъ данныхъ по нимъ. Громкой популярности вышеназваннаго сочиненія Максъ Мюллеръ, главнымъ образомъ, обязанъ своей репутаціей великаго *филолога*, каковымъ онъ, впрочемъ, по совѣсти *самъ себя не признавалъ*, не сдѣлавши сколько-нибудь выдающихся открытій въ данной области. Онъ скорѣе былъ *солиднымъ индологомъ*, который параллельно, съ присущимъ ему живымъ интересомъ, занимался языковѣдѣніемъ, занимательно, остроумно и утонченно *компилируя* общедоступные труды на подобныя темы по *чужимъ классическимъ источникамъ*. А строптивые жрецы официальной науки сыпали на его голову упреки въ недостаткѣ оригинальности, нежеланіи слѣдить за прогрессивнымъ ростомъ новѣйшей филологіи и навязываніи непосвященнымъ, въ поверхностно-игривой формѣ, своихъ чуть-ли не диллетантскихъ, а во всякомъ случаѣ, устарѣлыхъ взглядовъ, которыми онъ, вмѣсто того что-бы тактично промолчать, вводилъ-де только публику въ заблужденіе! Эти господа, конечно, встречали съ презритель-

нымъ неудовольствіемъ, яко-бы, искусственно-раздутый Максомъ Мюллеромъ интересъ профановъ къ недоступной имъ сложной, трудной и отвѣтственной наукѣ!

Въ области-же сравнительной миѳологіи Максъ Мюллеръ выступалъ не только въ качествѣ вдохновеннаго герольда, но являлся, на-ряду съ Адальбертомъ Куномъ, однимъ изъ пионеровъ, прокладывавшихъ пути новой наукѣ. Его миѳологическія идеи и теоріи зиждутся преимущественно на филологическихъ наблюденіяхъ,—точнѣе, на этимологическихъ основахъ, что также было вмѣнено ему въ тяжкое преступленіе специалистами-теоретиками, утверждавшими, будто большая часть вины за послѣдовавшее вскорѣ со стороны всѣхъ мало-мальски серьезныхъ изслѣдователей упорное игнорированіе сравнительной миѳологіи вообще, а добросовѣстнѣйшихъ, капитальныхъ работъ Адальберта Куна въ частности—всецѣло падаетъ на непростительное, почти „любительское“ легкомысліе Макса Мюллера. Первоисточниками большей части миѳовъ онъ считалъ солнце и утреннюю зарю, облакая свои соображенія въ очаровательно-поэтическую форму. Затѣмъ, онъ придумалъ теорію происхожденія миѳа изъ особаго рода болѣзни языка; а глубокомысленные профессора окрестили ее „забавною игрою въ остроуміе“, совершенно чуждой прочныхъ основъ, необходимыхъ для стройной и цѣльной научной системы: по мнѣнію ихъ, вся эта отрасль знанія черезъ него подверглась скандальному нравственному банкротству и теперь ей отчаянно трудно вернуть потерянный престижъ, возстановляя изъ жалкихъ обломковъ разрушенное зданіе! Въ мою программу отнюдь не входитъ *обсуждать* съ какой-бы то ни было стороны эти нападки специалистовъ-филологовъ противъ Макса Мюллера: я только счелъ своей обязанностью, съ безпристрастіемъ придерживающагося *фактовъ* лѣтописца, ихъ *отмѣтить*! Тѣмъ болѣе, вѣдь самъ знаменитый ученый, при жизни, не считалъ нужнымъ вступить въ *полемику* со своими зонлами, отличаясь дѣтскимъ добродушіемъ и олимпійскимъ спокойствіемъ, на подобіе Гете, когда дѣло касалось *лично* его! Вообще, по складу натуръ и жизненной карьерѣ своей, Максъ Мюллеръ имѣлъ много общаго съ геніальнымъ „веймарскимъ отшельникомъ“: прежде всего, обоимъ судьба на рѣдкость благоприятствовала чуть-ли не съ самаго момента появленія на свѣтъ вплоть до могилы!

Наиболѣе снисходительно ученая критика относилась къ сочиненіямъ оксфордскаго свѣтила—„по наукѣ о религіи“, входя въ нихъ и духовный подъемъ, и глубину мысли, и богатств

матеріала, собраннаго отовсюду, гдѣ только предоставлялась возможность, но упрекала его, мимоходомъ, лишь за нѣкоторыя повторенія и сомнительность исходной точки: Максъ Мюллеръ считаетъ корнемъ всякой религіи понятіе безконечнаго, возникшее у людей черезъ воспріятіе, повидимому безконечныхъ, не имѣющихъ предѣла объектовъ, къ которому присоединилось наблюденіе законмѣрности въ природѣ.

Останавливаться на этомъ дѣйствительно-упраздненномъ безъ возврата новѣйшей экспериментальной психологіей и аналитической философіей заблужденіи великаго ума, впольнѣ извинительномъ для *его* времени, я не вижу надобности: оно, какъ и всѣ прочіе недочеты и промахи въ творчествѣ Макса Мюллера, ни на йоту не умаляетъ его личности и заслугъ въ глазахъ людей *нашей текущей эпохи*, дорожащихъ въ немъ отмѣченными мною ранѣе чертами и качествами совершенно иного свойства! Онъ неограниченно дорогъ намъ, какъ одинъ изъ первыхъ *демократовъ* въ наукѣ, умѣвшій сдѣлать ее достояніемъ не только обеспеченныхъ и сытыхъ, но улаждавший ея свободныя минуты обездоленныхъ и голодныхъ!

Мы должны свято чтить въ Максѣ Мюллерѣ рѣдкое у нѣмецкаго ученаго отсутствіе эгоизма и буржуазнаго самодовольства: это не былъ ни лѣнивый рабъ, зарывающій свои таланты въ землю, ни дѣятель, пользовавшійся дарами судьбы и поразительно-благопріятствовавшими его постоянному успѣху житейскими обстоятельствами исключительно для себя или близкихъ! Напротивъ: онъ, щедрой рукою, сторицей, въ претворенномъ видѣ, *возвращалъ жизни и людямъ* то, что получалъ отъ нихъ!

Реакціонный мистицизмъ и вообще всяческое мракобѣсіе встрѣчали въ немъ самаго рѣшительнаго противника: онъ, напр., съ неопровержимой логикой, вооруженный строго-фактическими данными изъ близко-знакомыхъ ему народнаго эпоса да религіозныхъ книгъ Востока, доказалъ, въ свое время, абсолютную несостоятельность сбившихъ съ толку европейскую публику теозофическихъ бредней, этихъ соблазнительныхъ для неуравновѣшенныхъ умовъ и слабыхъ душъ сказокъ о возможности *чудесъ* на землѣ, совершающихся, яко-бы, въ далекихъ дебряхъ Индіи и гималайскихъ тайникахъ, согласно повѣствованіямъ нашей, уже сошедшей съ тѣхъ поръ въ могилу, соотечественницы Е. П. Блаватской, завѣдомой истерички! Онъ вывелъ на свѣжую воду „всемирнаго путешественника“ Николая Нотича, обморочившаго легковѣрную публику объемистой французской книгой съ выдумкой о случайно-найденномъ имъ подлин-

номъ, яко-бы, жизнеописаніи Іисуса Христа, въ одномъ изъ тибетскихъ монастырей, куда авторъ отродясь даже не заглядывалъ...

Въ своихъ политическихъ статьяхъ Максъ Мюллеръ всегда горячо вступался за трудящуюся массу противъ ея притѣснителей и защищалъ идею мирнаго, разумнаго прогресса.

Создать ему репутацію недюжиннаго журналиста безусловно могъ бы уже одинъ рядъ блестящихъ статей, которыя онъ, болѣе четверти вѣка кряду, помѣшалъ на страницахъ лучшаго нѣмецкаго ежемѣсячника „Deutsche-Kundschaу“, который ведется въ либерально-академическомъ духѣ, тогда какъ однородная парижская „Revue des deux mondes“ обратилась въ притонъ явныхъ обскурантовъ-клерикаловъ, лже-патріотовъ, антисемитовъ и т. п. политическихъ уродовъ и декадентовъ! Еще въ концѣ 1900 г. былъ напечатанъ въ распространеннѣйшей берлинской иллюстраціи „Die Woche“ (500,000 безъ малаго подписчиковъ!) превосходный, проникнутый молодой ясностью мысли и свѣжестью чувствъ, посмертный этюдъ Макса Мюллера о „Второй религіи китайцевъ—Лао-Цзы“, отличающійся всѣми обычными достоинствами его работъ. А, вѣдь, эту вещь писалъ уже умирающій, положимъ, окруженный трогательными попеченіями любимой семьи и преданныхъ друзей, но, во-всякомъ случаѣ, тяжело-больной человѣкъ. По крайней мѣрѣ, годъ тому назадъ, товарищи тщетно ждали обѣщаннаго Максомъ Мюллеромъ прѣзента на международный конгрессъ ориенталистовъ въ Римѣ. Расшатанное неустанными трудами долгой и плодотворной жизни здоровье и тогда уже не позволило ему предпринять подобнаго путешествія.

При тѣсной связи, установившейся между нимъ и „vulgus“омъ, послѣдній не могъ остаться равнодушнымъ къ распространившимся молніеносно во всѣхъ концахъ свѣта извѣстіямъ о серьезномъ, угрожающемъ самой жизни оксфордскаго ученаго, недугѣ. Отовсюду посыпались къ нему письма и телеграммы съ искреннѣйшими выраженіями сочувствія и пожеланіями скорѣйшаго выздоровленія. Но смерть настигла утомленнаго старца, который и утасъ тихо, „свершивъ въ предѣлѣ земномъ все земное!“.

Въ настоящей краткой характеристикѣ Макса Мюллера, я, какъ читатели могли замѣтить, главнымъ образомъ, интересовался *личностью*, а ученымъ—скорѣе въ качествѣ *человѣка*!

Оцѣнку же его научныхъ трудовъ предоставляю компетентнымъ специалистамъ-филологамъ.

Сергей Бердяевъ.

Первоначальное знакомство армянъ съ сѣверо-восточною Русью до воцаренія Дома Романовыхъ въ 1613 году.

(Памяти графа А. С. Уварова).

(Читано А. Д. Ерицовымъ въ первомъ засѣданіи Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 27 окт. 1901 г.)

I. По православному календарю, 30-го сентября празднуется память „священномученика Григорія, епископа Великія Арменіи, и святыхъ мученицъ Рипсиміи и Гаіаніи“.

Чествованіе это, какъ установленіе первыхъ Вселенскихъ соборовъ, воспринято, безъ сомнѣнія, отъ Византіи влѣдъ за озареніемъ Руси свѣтомъ христіанскаго ученія. Затѣмъ, въ древнѣйшихъ русскихъ центрахъ воздвигаются церкви во имя „святого Григорія Арменскаго“. Ихъ было немало въ древней Новгородской области и въ другихъ частяхъ сѣверо-восточной Россіи. Эти древніе памятники русскаго зодчества носили, однако, особый характерный типъ, поддерживавшійся и въ Московскую эпоху сплошь до патріаршества Никона. Такъ, въ Хутынской монастырѣ, близъ Новгорода, церковь „св. Григорія Арменскаго“ по описи 1535 года была: „не вельми высока и круглая яко столпъ.. и не велика... и со алтаремъ, на ней же колоколы въ версѣ бывали и прежнихъ лѣтъ“... (см. статью П. Казанскаго, стр. 309, въ трудахъ I-го Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, 1869 г.).

Достойно вниманіе, что и въ самой Арменіи почти всѣ, воздвигнутыя между IX и XV столѣтіями, церкви или часовни Григорія Просвѣтителя, суть типа Хутынской церкви (Санантъ, Ани, и др.), т. е. также круглы на подобіе столпа, не высокія, не великія, съ алтаремъ, съ барабаномъ и съ шатровымъ прикрытіемъ.

II. Всѣмъ извѣстенъ замѣчательный памятникъ древне-рускаго церковнаго зодчества—Московскій Покровскій соборъ. Его оригинальная архитектура до сихъ поръ еще даетъ обильную пищу спора для сторонниковъ армяно-грузинскаго вліянія на русское искусство и для отстаивающихъ самостоятельность этого искусства, помимо всякаго иноземнаго вліянія. Не вдаваясь въ этотъ споръ специалистовъ, во всякомъ случаѣ остающійся пока не разрѣшеннымъ, напомнимъ лишь, что Московскій Покровскій соборъ, нынѣ именуемый также Василиемъ Блаженнымъ, былъ воздвигнутъ въ 1554 г. царемъ Іоанномъ Грознымъ на Рву, на Красной площади, въ благодарность за взятіе Казани. Соборъ этотъ имѣлъ два яруса; въ верхнемъ ярусѣ, одинъ изъ девяти придѣловъ—носилъ названіе „Григорія Арменскаго“. Придавъ этому придѣлу типъ армянской молебни, царь предназначилъ его въ утѣшеніе для тѣхъ армянскихъ торговыхъ людей, которые, послѣ жестокаго погрома Казани, были переведены оттуда въ Москву и поселены здѣсь, по царскому повелѣнію, въ „Бѣломъ городѣ“, среди „обѣленныхъ“, т. е. свободныхъ, пользовавшихся льготами лицъ. По словамъ Карамзина (Ист. Россійск. Госуд. т. 10), посадъ этотъ назывался „Дворомъ Армянскимъ“; онъ весь сгорѣлъ, вмѣстѣ съ большею частью Москвы, въ 1570 г. въ нашествіе Крымскаго Хана, Девлетъ-Гирея, но армянская колонія въ русской столицѣ стала прочною и постоянною. До сооруженія въ XVIII в. своихъ собственныхъ церквей, московскіе армяне ходили молиться въ сказанный придѣлъ св. Григорія и, считая его какъ-бы своимъ, дѣлали усердныя приношенія и богатые дары. И въ наши дни многіе изъ заѣзжающихъ въ Москву армянскихъ купцовъ почитаютъ непремѣннымъ долгомъ „быть у Василія Блаженнаго“.

III. Въ Большихъ и Малыхъ Четъи-Минеяхъ приведены подробности жизни и мученій Григорія Просвѣтителя Арменіи. Но для насъ болѣе интересны сохранившіеся на русскомъ языкѣ „Иконописные подлинники“ новгородской редакціи конца XVI вѣка и Палехской или Владимірской—начала XVIII вѣка. Они изданы въ 1873 и 1874 годахъ въ Сборникѣ и въ Вѣстникѣ „Общества Древне-рускаго искусства при Московскомъ Публичномъ Музеѣ“. Въ этихъ подлинникахъ дается наставленіе какъ писать иконы святыхъ, въ порядкѣ Мѣсяцослова. „Въ 1 сѣнѣ Сентемврѣ 30 дня, говоритъ подлинникъ, празднуется 1 мѣя святого священномученика Григорія епископа Вели Арменіи, бѣ въ лѣто 5790 (282 г. по Р. Х.), а пишется та

подобіемъ русъ аки Василій Кесарійскій; брада посвѣтлѣе Вла-
сіевы, съ проеѣдью; риза святительская богоръ дичь, въ омо-
форѣ, исподъ празеленъ дымчатъ, патрахиль вохра блѣдъ; вла-
сы оброслый; сухъ же и черенъ“.

Намъ неизвѣстенъ первоисточникъ этого портрета; но, слѣ-
дуя данной инструкціи, художнику пришлось бы изобразить об-
ликъ армянскаго первосвященника Григорія въ восточномъ типѣ,
нисколько не грѣша ни противъ національныхъ преданій ар-
мянъ, ни же противъ требованій исторической точности. Это
тѣмъ болѣе важно, что, несмотря на древность иконопечатанія
у армянъ, ни у нихъ, ни у сосѣднихъ грузинъ, иконописныхъ
подлинниковъ не было, или же если и были, то таковыя пока не
открыты. Существуютъ у армянскихъ лѣтописцевъ точныя ука-
занія на существовавшій въ странѣ ихъ обычай—расписывать
стѣны церквей не только сюжетами изъ священнаго писанія, но
и портретами царей и святителей церкви, срисовываемыми пря-
мо съ натуры. Между тѣмъ представляющіяся намъ нынѣ со-
вершенно оголенными, черныя, мрачныя стѣны старинныхъ хра-
мовъ Арменіи не сохранили никакихъ слѣдовъ древней живо-
писи историческаго характера. Такимъ образомъ, вышеназван-
ный иконописный подлинникъ XVI вѣка представляется весьма
цѣннымъ и любопытнымъ; онъ указываетъ также на раннее, хо-
тя и отдаленное, знакомство русской церкви съ армянскою и
на существовавшую между ними духовную связь, что, впрочемъ,
проявляется и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

IV. Еще въ 1881 году одинъ изъ ученыхъ изслѣдователей
русской старины, протоіерей Кіево-Софійскаго собора Лебедин-
цевъ обратился къ Тифлісскому Пятому Археологическому Съѣз-
ду съ слѣдующей запиской, напечатанной въ трудахъ того же
съѣзда.

„У нашихъ историковъ, пишетъ о. Лебединцевъ, принято,
что христіанство пришло въ Кіевъ изъ Царьграда, утвердилось
въ Кіевѣ при св. Владимірѣ и потомъ изъ Кіева распространи-
лось во всѣ концы тогдашняго русскаго государства. Между
тѣмъ изъ лѣтописей видно, что на сѣверо-востокѣ Россіи—въ
Ростовской и Муромской области—христіанство развилось при
св. Владимірѣ такъ скоро, что трудно думать, чтобы оно не
проникло туда еще раньше времени св. Владиміра и чтобы эта
страна не имѣла и другихъ негласныхъ просвѣтителей, кромѣ
иноковъ и пастырей, посылавшихся изъ Кіева. Съ другой сто-
роны, въ самомъ сознаніи христіанства у поселенцевъ сѣверо-
востока Россіи оказалось въ послѣдствіи времени столько осо-

бенностей, отличавших ихъ отъ юго-западной церкви русской, что эту разнь въ русской церкви никакъ нельзя объяснить себѣ, оставаясь въ убѣжденіи, что христіанство и на юго-западѣ и на сѣверо-востокѣ Россіи выходило изъ одного и того же Константинополя чрезъ Кіевъ. Таковы особенности, напримѣръ, въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, въ осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ, въ строгости постовъ, въ стремленіи къ пустынножительству, въ отношеніяхъ къ церкви, бѣлому духовенству и монашеству, въ нѣкоторыхъ обрядахъ, устройствѣ храмовъ и ихъ украшеній, въ привязанности большей къ внѣшности церковной, въ нравахъ и религіозныхъ вѣрованіяхъ, наконецъ—появленіе ересей и расколовъ на сѣверо-востокѣ Россіи, которые неизвѣстны въ юго-западной Руси“.

„Всѣ эти особенности приводятъ къ мысли, что христіанство проходило въ сѣверо-восточную Русь, можетъ быть, не изъ одного Кіева и что прибытію сюда епископовъ, посланныхъ Кіевскимъ митрополитомъ, предшествовали учителя вѣры, не видѣвшіе ни Кіева, ни Царьграда. Откуда же они вышли? Волга представляла для сѣверо-востока Россіи такой же большой водный путь, какимъ служилъ Днѣпръ для юго-западной Россіи. Если послѣдній вводилъ насъ въ общеніе съ Царьградомъ, то первый (Волга) поставлялъ въ связь съ церквами грузинскою и армянскою, а чрезъ нихъ съ Антиохіей и Александріей, а также съ разными поселками еретическими, ссылаемыми Византіей на Кавказъ. Естественно поэтому спросить, нѣтъ-ли на Кавказѣ историческихъ слѣдовъ того, что христіане Кавказа вліяли на просвѣщеніе сѣверо-восточной Руси свѣтомъ христіанства и что церковь грузинская, находившаяся болѣе столѣтія въ зависимости отъ Антиохійскаго патріархата, и церковь армянская, которой католикосы съ 302 по 439 годъ принимали рукоположеніе отъ Кесарійскаго (въ Кападокіи) архіепископа, вносили въ сѣверо-восточную Русь нѣкоторыя свои особенности, не встрѣчающіяся въ южной митрополіи русской?“.

V. Какъ бы въ дополненіе къ приведенному запросу о Лебединцева, участвовавшими на томъ же Съѣздѣ русскими учеными были поставлены и слѣдующіе вопросы:

„Насколько вліяло грузино-армянское искусство на русское и ограничилось ли это вліяніе только орнаментикой, или же имѣло значеніе и для чисто архитектурныхъ формъ?“

„Въ чемъ заключается разница армяно-грузинскаго конического и пирамидальнаго покрытія и каменнаго шатра русскихъ церквей Московскаго періода?“

„Можно-ли на основаніи ихъ сходства заключить, какъ это сдѣлали нѣкоторые авторы (Віоле ле-Дюкъ въ сочиненіи „Русское искусство“ и другіе) о происхожденіи русской формы отъ армяно-грузинской“?

„Въ чемъ заключается сходство и различіе между ходовыми папертами русскихъ церквей и наружными галлереями армяно-грузинскихъ храмовъ и можно ли, на основаніи этихъ признаковъ, выводить первыя изъ вторыхъ“?

При нынѣшнемъ недостаточномъ пока знакомствѣ ученаго міра со стариной Кавказа вообще, и съ армяно-грузинскими архитектурными памятниками въ частности,—разрѣшеніе подобныхъ задачъ представляется почти невозможнымъ. Но одна постановка этихъ вопросовъ уже доказываетъ, что лучшіе знатоки русской старины постепенно подмѣчаютъ слѣды и признаки ранняго вліянія кавказскаго христіанства на духовную жизнь и культуру древней Руси.

VI. Знакомство армянъ съ сѣверо-восточными землями Руси, и съ Поволжьемъ въ особенности, должно вознести къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда передвигавшіяся по широкимъ степямъ этихъ странъ орды дикихъ племенъ различныхъ наименованій простирали свои набѣги и въ глубь Арменіи, откуда возвращались съ добычею и съ тысячами плѣнныхъ. Но болѣе опредѣленные торговыя связи армянъ съ сѣверными странами, повидимому, устанавливаются въ эпоху владычества арабовъ. Уже съ VIII вѣка арабы являются господами не только въ Персіи, Мидіи, Арменіи и Грузіи, но и по всему прибрежію Каспія. Арабы, какъ просвѣщеннѣйшій народъ своего времени, для котораго торговая промышленность повсюду была главною статьею его процвѣтанія и могущества, а потому и главнымъ предметомъ его покровительства,—превратили Каспійское море во внутреннее для себя озеро и вступили въ сношенія со всѣми жителями Поволжья. Устье Волги сдѣлалось тогда притягательною силою для всякой предприимчивости всей русской равнины и заѣзжихъ изъ чужихъ краевъ. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ того процвѣтанія и могущества, котораго достигли въ IX вѣкѣ Хазарское царство и нѣсколько позже—Приволжскіе Булгары. Въ рукахъ этихъ двухъ царствъ сосредоточивались въ тѣ времена торговыя связи всего сѣвера съ югомъ до самаго Багдада и далѣе до Индіи. Значительное участіе въ этихъ связяхъ принимали и армяне. При склонности своей къ торговлѣ, они вымѣнивали въ Хазаріи бумажныя и шелковыя издѣлія, пряныя коренья и другія произведенія восто.

ка на драгоценные меха и другие товары сѣвера. Число армянъ въ Хазарскомъ царствѣ должно было быть значительно, такъ какъ при многократныхъ съ III по XI вѣкъ набѣгахъ на Арменію, хазары выводили отсюда немало полоненныхъ, которые потомъ, какъ видно, становились у нихъ торговыми посредниками. При существовавшей въ Хазарскомъ царствѣ вѣротерпимости, армяне здѣшніе, надо полагать, не оставались безъ духовныхъ пастырей, часто также уводимыхъ въ плѣнъ. Когда-же монголы, завоевавъ въ 1262 году Арменію, переселили многихъ жителей въ нынѣшнія Астраханскую и Казанскую губерніи, то въ Золотой Ордѣ установилась даже армянская епископія. Здѣсь, въ подвижныхъ палаткахъ открыто совершалось ими богослуженіе, съ колокольнымъ звономъ. Объ этихъ армянахъ и о предоставленныхъ имъ монголами льготѣ пишутъ Карамзинъ (т. III, гл. IX) и другие русскіе изслѣдователи. Много любопытныхъ подробностей о монголахъ оставили намъ армянскіе лѣтописцы — современники и очевидцы: Мачакія, Варданъ, Стефанъ Орбеліанъ, Смбатъ и Киракосъ Гондзакечи. Всѣ они переведены на русскій языкъ и изданы К. П. Паткановымъ, а потому мы ихъ здѣсь не повторяемъ. Достаточно сказать, что при поѣздкѣ армянскаго царя Гетума къ Бату—на Волгѣ и къ Мангу-хану въ Монголію, его сопровождали армянскіе епископы, монахи и іереи, принятые въ Ордѣ съ большимъ почетомъ.

Въ послѣдствіи времени, уже при приближеніи монгольскаго владычества къ упадку, приволжскіе армяне массами переселялись въ Крымъ, гдѣ вскорѣ ихъ стало такъ много, что весь полуостровъ Крымскій сталъ насыщаться *Armenia maritima*. Въ самомъ городѣ Кафѣ (Θεοδοςіи) армяне имѣли 29 церквей, а въ его предмѣстьяхъ—10. Здѣсь они успѣшно конкурировали въ торговлѣ съ греками и венетами (венеціанцами), о чемъ свидѣлствуютъ и русскіе изслѣдователи, какъ напр. проф. Брундъ (см. статью его „О поселеніяхъ Итальянскихъ въ Газаріи“ въ трудахъ I Арх. съѣзда).

VII. Еще раньше Монгольскаго періода, часть предприимчивыхъ армянъ съ устьевъ Волги поднялась вверху и водворилась въ столицѣ Волжско-Булгарскаго царства—въ Булгарахъ. Городъ Булгаръ находился на Волгѣ, въ нынѣшней Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, гдѣ нынѣ село Успенское и там же находятся развалины этого нѣкогда цвѣтущаго города. Р началъ X вѣка водворилось здѣсь магометанство. Въ XIII вѣ Булгаръ былъ разрушенъ монголами, но онъ скоро оправился и сдѣлался лѣтнею резиденцію золотоордынскихъ хановъ. Р

теченіе нѣсколькихъ столѣтій процвѣтала здѣсь армянская торговая колонія, имѣвшая свою церковь и духовенство и, какъ видно, пользовавшаяся полною свободою вѣроисповѣданія. Въ нынѣшнихъ развалинахъ сказаннаго храма были найдены: мѣдный крестъ, вызолоченный образъ, epitaphii христіанскихъ армянъ и проч. У церкви—значительное кладбище съ надмогильными плитами и съ армянскими надписями XI—XV вѣковъ. Надо полагать, что и здѣсь имѣлъ пребываніе армянскій епископъ, какъ то было въ Золотой Ордѣ. Впрочемъ, здѣсь были представители не однихъ армянъ, но и многихъ другихъ народностей и вѣроисповѣданій: грековъ, русскихъ, и другихъ. Казанскому православному архіерею, какъ извѣстно, былъ приданъ титулъ „и Болгарскаго“. Съ XVI вѣка городъ Болгаръ въ развалинахъ. Развалины эти посѣщали и описали многія знатныя и ученныя лица; имѣется цѣлая литература по этому предмету.

Петръ Великій первый обратилъ царственное вниманіе на эти развалины. Въ 1722 году, во время Персидскаго похода, плывя Волгою изъ Казани въ Астрахань, онъ осмотрѣлъ бывшую столицу Волжскихъ Булгаръ и отдалъ приказъ о поддержаніи и предохраненіи отъ разрушенія клонящихся къ тому зданій. По его повелѣнію, тогда же были сняты тамъ и переведены на русскій языкъ 49 арабскихъ и армянскихъ надмогильныхъ надписей, а также собраны найденныя въ развалинахъ армянскія монеты. Надписи эти, по словамъ Карамзина и издателя „Отечественныхъ достопамятностей“ (ч. 1-я) Ширяева, были переведены для императора казанскимъ армяниномъ нѣкимъ Иваномъ Василевымъ; онѣ относились къ X—XIV вѣкамъ и къ выходамъ преимущественно изъ Шаки и Ширвана (Шемахи).

VIII. Сверхъ города Булгаръ, уже въ XIV вѣкѣ армяне вели торговлю въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ въ 1367 году, по словамъ Карамзина, вождь Новгородской разбойничей вольницы Александръ Абакумовичъ умертвилъ „великое число татаръ, армянъ, хивинцевъ и бухарцевъ; толпа этихъ грабителей не щадила ни вѣры, ни пола, ни возраста“.

Далѣе, излюбленнымъ мѣстомъ для армянскихъ торговыхъ людей становится гор. Казань. По свидѣтельству того же Карамзина: „Астраханскіе, персидскіе и армянскіе купцы всего болѣе искали въ Казани русскихъ мѣховъ“. Армяне и здѣсь имѣли деревянную церковь, духовныхъ пастырей и свое кладбище. Когда же, въ 1552 году, городъ этотъ былъ взятъ и жестоко наказанъ Іоанномъ Грознымъ, то, въ числѣ другихъ осажденныхъ, случайно было избито и до 60 армянъ-торговцевъ. Но

Грозный царь скоро изгладилъ это впечатлѣніе, оказавъ устроившимся въ столицѣ-Москвѣ армянскимъ торговымъ людямъ много вниманія и доставивъ имъ привилегированное положеніе, какъ уже было сказано выше.

IX. Шагъ за шагомъ расширяя свою торговую предприимчивость и стремясь къ Европѣ, армяне, помимо южныхъ дорогъ, старались упрочить свои коммерческія связи съ Амстердамомъ и другими нѣмецкими рынками чрезъ тогдашнюю только что выдвигавшуюся, но еще мало извѣстную Московію. Изъ Москвы въ XVI вѣкѣ одинъ путь, весьма, впрочемъ, неудобный и частью пролегалъ черезъ чужеземныя страны, шель на Тверь, Новгородъ, Ладогу и до Риги или Ревеля сухопутно, а далѣе моремъ—на Любекъ, Гамбургъ и Амстердамъ. Другой, болѣе излюбленный армянами путь, былъ болѣею частью водяной. Онъ изъ Астраханіи шель вверхъ по Волгѣ и далѣе, чрезъ лѣсистую Костромекую губернію, достигалъ Бѣлаго моря, а затѣмъ моремъ или сухопутно черезъ шведскія страны на западъ. Эта была большая торговая дорога, встарину, но неизвѣстно съ какого времени, называвшаяся „Арменской“ т. е. по которой ѣздили торговые армяне. Путь этотъ былъ извѣстенъ армянамъ гораздо ранѣе, чѣмъ Іоаннъ Грозный открылъ доступъ англичанамъ въ Бѣлое море и въ Московское царство. Съ основаніемъ, въ послѣдствіи, города Архангельска (1584 г.) дорога эта еще болѣе оживилась; по ней стали ѣздить также иностранцы: англичане и голландцы, болѣею частью въ компаніи и въ сопровожденіи армянъ, какъ хорошо знакомыхъ съ мѣстными обстоятельствами.

X. Однакожъ путь по Волгѣ къ Бѣлому морю, даже при Петрѣ Великомъ, далеко былъ не безопасенъ. Въ особенности въ XV и XVI столѣтіяхъ, при недостаточно еще окрѣпшемъ государственномъ организмѣ только что расширявшагося Московскаго царства, все Поволжье и многія земли на Руси кишмя кишѣли различными разбойничими шайками, именовавшимися вольницами. То обширныя малонаселенныя степи, то непроходимыя густыя лѣса, представляя просторъ хищникамъ, лишали правительство возможности искоренить это зло. Между тѣмъ постоянныя нападенія грабителей и воровства, какъ то свидѣлствуютъ иностранные путешественники даже XVII и XVIII вѣковъ, держали торговые караваны въ постоянной тревогѣ. Были извѣстны пункты, гдѣ жители открыто промышляли грабежомъ и воровствомъ, отъ чего сильно страдало и мѣстное мирное населеніе. Впрочемъ, это позорное занятіе самъ народъ

русскій заклеилъ цѣлымъ рядомъ мѣткихъ присловій и поговорокъ. Для образца приведемъ нѣсколько таковыхъ изъ сборника В. Даля (М. 1862).

„Солнце за лѣсъ—казацкая радость“ т. е. возможно выйти на разбой.

„Люди честные—Поволжане“ т. е. разбойники.

„Нечѣмъ платить долгу—ступай на Волгу“ разбойничать.

„Нѣтъ у Бѣлаго царя вора супротивъ Курянина“. Курскій воръ.

„Орелъ да Кромы—первые воры, да и Карачевъ на поддачу“.

„Новоторы—воры, и Осташи хороши, а свято то мѣсто, гдѣ Тихвинца нѣтъ“.

По „Арменской“ торговой дорогѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Костромской губерніи, славились два городка: Буй и Нерехта, отъ которыхъ, повидимому, болѣе всего доставалось армянскимъ купцамъ.

Въ Нерехтѣ заѣзжихъ армянъ, вѣроятно, по незнанію и непониманію ими русской рѣчи, считали *лупами* и до того ихъ здорово проучали, что это вошло въ народное присловіе: „*Арменки лупые, а Нерехта на умъ наставитъ*“.

Нерехотцы завлекали путниковъ къ себѣ для грабежа: „*Не бойся по Арменской дорогѣ воровъ, говоритъ пословица, а бойся въ Нерехѣ каменныхъ домовъ*“. Близъ этого городка было село съ характернымъ названіемъ „Лупино“, гдѣ безпощадно *лупили* заѣзжихъ гостей.

Тоже сказывали про г. Буй: „Буй городокъ—отбей кошелекъ“, и т. д.

Съ воцареніемъ дома Романовыхъ и водвореніемъ въ Московскомъ государствѣ болѣе прочныхъ порядковъ, условія безопаснаго движенія постепенно стали улучшаться....

О различных типахъ европейскихъ санаторій для чахоточныхъ и о скорѣйшемъ осуществленіи такихъ санаторій на Кавказѣ.

(Выдержки изъ доклада, читаннаго д-ромъ Бабалянъ-Бабаевымъ, на 2-мъ съѣздѣ кавказскихъ врачей 5-го октября н. г.).

I.

Планъ моего реферата слѣдующій: Передать вамъ *лишь въ общихъ чертахъ* (въ виду краткости времени, предоставленнаго для каждаго доклада) мои изъ матеріала, собраннаго во время заграничнаго моего путешествія въ 1899 году, *о томъ разнообразіи типовъ* санаторій для туберкулезныхъ больныхъ, которое мало извѣстно нашему обществу, а затѣмъ перейти къ болѣе животрепещущему вопросу о возможностяхъ болѣе или менѣе скорого осуществленія санаторій для чахоточныхъ больныхъ у насъ.

Всѣмъ вамъ извѣстенъ типъ санаторіи Brehmer-Dettweiler'a, который былъ, между прочимъ, описанъ д-ромъ С. А. Маркомъ въ докладѣ, читанномъ на годичномъ засѣданіи И. К. М. О-ва 9-го апрѣля 1895 года, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ автору д-ромъ Dettweiler'омъ.

Я опишу здѣсь вкратцѣ первую видѣнную мною народную санаторію этого типа въ Фалькенштейнѣ, такъ какъ по ея образцу затѣмъ постепенно открывались въ Германіи и другія санаторіи, число которыхъ теперь доходитъ до 30, не говоря уже о роскошныхъ частныхъ санаторіяхъ для грудныхъ больныхъ, каждымъ годомъ увеличивающихся въ числѣ какъ въ этой, такъ и въ другихъ культурныхъ странахъ.

Невысокая лѣсистая мѣстность съ чистымъ воздухомъ, защищенная отъ рѣзкихъ вѣтровъ. Предъ зданіемъ санатор

поле, лугъ и огородъ. Само зданіе въ три этажа съ 18-ю спальнями (30 кроватей); съ большою столовою, выходящей на веранду; съ помѣщеніемъ для врача, сестеръ милосердія и прислуги. Въ нижнемъ этажѣ кухня, ванны, души. Къ этому примыкаетъ особый чистенькій садъ, гдѣ построена обширная длинная галлерея, такъ называемая Liegehalle, открытая на югъ. Въ ней разставлены въ одинъ рядъ кушетки, на коихъ проводятъ больные все время съ ранняго утра до 9½ часовъ вечера, за исключеніемъ, конечно, времени на ѣду и другія потребности, на опредѣленныя врачомъ прогулки и на различныя работы. Строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы въ непогоду больные лежали на кушеткахъ, вполнѣ укутанными въ одѣяла, какъ-бы запеленанными. На ночь пациенты отправляются въ спальныя комнаты, провѣтриваемыя весь день. Стоимость каждаго больного въ Фалькенштейновской санаторіи обходится отъ 2 до 2½ марокъ въ день (свыше 1 рубля). Двѣ марки за каждаго пациента вносятся страховыми кассаами (Krankenkasse), а недочеты пополняются, обыкновенно, общественною благотворительностью. Въ санаторіи принимаются *незапущенные случаи*.

Въ Швейцаріи, въ горномъ климатическомъ курортѣ Давоса, я встрѣтилъ этого же типа санаторіи (напр. интересное заведеніе Базельскаго Благотворительнаго Общества, гдѣ содержаніе каждаго больного обходится дешевле, такъ и *частныя*, (какъ напр. прекрасное, но нѣсколько дорогое частное заведеніе д-ра Турбана). Но тутъ же рядомъ можно встрѣтить заведенія и *иныхъ* типовъ.

Возьмемъ прежде всего *пищевое довольствіе*. Въ заведеніяхъ бремеровскаго типа больные получаютъ пищу чуть-ли ни въ каждые 2 часа: утромъ въ 7½ или 8½ час. первый завтракъ—кофе, чай, шоколадъ, все это съ обиліемъ хлѣба, масла и меда; между 1-мъ и 2-мъ завтраками (въ 10½—11 час.) пару яицъ, молоко съ буттербродомъ, и т. п. Къ 1-му часу дня 2-й завтракъ; между этимъ завтракомъ и обѣдомъ полагается т. наз. „Jause“, т. е. чай или фрукты; въ 7—7½ час. обѣдъ и предъ отходомъ ко сну за часъ (9 час.) опять по желанію газированное молоко, кефиръ, молоко, кислое молоко и т. п.

Этотъ способъ кормленія нѣкоторыя санаторіи совершенно отвергаютъ и даютъ пищу больнымъ съ перерывами въ 6—7 час. За то кормятъ своихъ пациентовъ за обѣдомъ (въ 6—7 блюдъ) и за ужиномъ (4—5 бл.), что называется, до отвалу, и разрѣшается послѣ такой трапезы обильное питье воды, хорошаго пива,

воды съ виномъ и т. п. Другіе же при этихъ условіяхъ, понятно, боятся расширенія желудка пациентовъ.

Мнѣнія относительно *воздухоотмѣненія* также расходятся: нѣкоторыя санаторіи считаютъ опаснымъ оставлять больныхъ въ Liegehalle позже захода солнца за горы. Другіе, наоборотъ, держатъ больныхъ на воздухѣ не только до поздняго вечера, но и ночью въ спальняхъ окна оставляютъ полуоткрытыми, даже зимой въ такой высокой и суровой мѣстности, какъ Давось.

Здѣсь и частныя гостиницы имѣютъ характеръ санаторій. Я удивлялся, какъ всѣми строго въ этихъ отеляхъ соблюдается опредѣленный режимъ, принятый въ закрытыхъ заведеніяхъ. Различіе лишь въ томъ, что отели эти снабжены множествомъ отдѣльныхъ балкончиковъ, на которыхъ лежатъ по одному, по двое, больныхъ, также укутанныхъ, какъ въ Liegehalle. И это многіе считаютъ предпочтительнымъ, такъ какъ воздухъ на этихъ балконахъ все же нѣсколько чище, чѣмъ въ галлерейхъ, гдѣ лежатъ рядомъ отъ 26 до 50 и 70 больныхъ. Несмотря на это, закрытыя заведенія, состоящія подъ наблюдениемъ высокоопытныхъ врачей, имѣютъ все же настолько большую извѣстность, что остаются въ этихъ отеляхъ-здравницахъ лишь тѣ, которые не были приняты въ означенныя санаторіи по позднему періоду болѣзни и т. п., т. е. остались за бортомъ.

Въ Шварцвальдѣ въ нѣкоторыхъ санаторіяхъ совсѣмъ даже не хотятъ знать главнѣйшей характеристики современной санаторіи, т. е. *галлерей лежанія*. Какъ только пациентъ перестаетъ лихорадить, сейчасъ ему предлагаютъ прогулки, но послѣднія должны совершаться медленнымъ шагомъ, который названъ Davosschritt и то съ частымъ отдыхомъ въ формѣ сидѣнія на скамейкахъ; тутъ больные ложатся на койки лишь поздно, отходя ко сну. Такимъ образомъ, тутъ все вниманіе обращено на укрѣпленіе мышцъ и сердца, и активное состояніе больного поддерживается, несмотря ни на какую погоду.

То же различіе направленій я встрѣтилъ относительно *идротерапіи*: въ однихъ санаторіяхъ примѣняютъ чахоточнымъ больнымъ очень усердно прохладные и даже холодные души, какъ укрѣпляющее и закаливающее средство, въ другихъ—примѣняются аккуратно только Винтерницовскіе грудные компрессы-бинты и омовенія въ тепловатыхъ ваннахъ въ недѣлю нѣсколь разъ, а въ третьихъ—воду примѣняютъ лишь изрѣдка—только для омовенія кожи съ чисто гигиеническою цѣлью.

Въ нѣкоторыхъ частныхъ санаторіяхъ въ большемъ ходу электротерапія чахоточныхъ больныхъ для методическаго укрѣ

ленія грудныхъ мышцъ; въ хроническихъ плевритахъ у туберкулезныхъ примѣняется часто фарадомассажъ. Во французскихъ санаторіяхъ въ послѣдніе 3—4 года особенно распространяется методъ примѣненія къ чахоточнымъ больнымъ статистическаго электричества съ вдыханіями озона, развиваемаго электрическимъ вѣтеркомъ около рта и носа больного. Методъ этотъ, къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи какъ-то былъ скомпрометированъ нѣскольکو неудачнымъ рекламированіемъ его, хотя признается теперь компетентными электротерапевтами весьма *раціональнымъ*, на основаніи достаточнаго опыта.

Примѣненіе извѣстныхъ фармацевтическихъ средствъ (якобы античахоточныхъ) въ санаторіяхъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе ограничивается.

Каждое изъ описанныхъ направленій хвалитъ свой методъ и доказываетъ пользу его отчетами и подробною статистикою. Но общее всѣмъ санаторіямъ основаніе остается одно и тоже: широкое пользованіе чистымъ воздухомъ и днемъ, и ночью; усиленное кормленіе, душевный покой и пріятныя развлеченія; тщательная дезинфекція мокроты больныхъ и всего, что можетъ быть загрязнено кругомъ больного. Поэтому понятно, что идеальный типъ санаторій будетъ тотъ, въ которомъ, основываясь на этихъ общихъ принципахъ, лѣченіе и режимъ индивидуализируются т. е. гдѣ дана возможность пользоваться въ одной и той же санаторіи всѣми описанными методами, смотря по состоянію каждаго паціента. Шаблонъ, по моему, надо признагъ вреднымъ какъ въ клиникѣ, такъ и въ санаторіи. Вотъ почему идеальная санаторія должна находится въ завѣдываніи опытныхъ врачей, подъ опредѣленнымъ управленіемъ т. е. быть закрытымъ заведеніемъ.

Въ общемъ, благопріятные результаты лѣченія чахоточныхъ больныхъ въ здравницахъ далеко превосходятъ не только больничное лѣченіе, которое не выдерживаетъ нынѣ ни малѣйшей критики, но и лѣченіе фармацевтическими средствами при частной обстановкѣ. Поэтому здравницы признаются вѣрнѣйшимъ и важнѣйшимъ средствомъ борьбы противъ развившагося туберкулеза легкихъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна появившаяся въ 1899 году работа завѣдующаго одной изъ лучшихъ давосскихъ санаторій, д-ра Турбана. *) Трудъ этотъ заслуживаетъ рекомендаціи всѣмъ товарищамъ, работающимъ въ нашихъ горныхъ курортахъ. Въ немъ приводятся результаты лѣченія не только при отпускѣ больного изъ заведенія, но и въ теченіе еще

*) D-r K. Turban. Beiträge zur Kenntniss der Lungenkranken. Wiesbaden 1899.

отъ 1-го до 7-ми лѣтъ послѣ выхода изъ него (Dauererfolge).

Вотъ общіе итоги достигнутыхъ въ его санаторіи результатовъ:

„При матеріалѣ, котораго половина принадлежала ко 2-ой стадіи и по одной четверти принадлежало къ 1-ой и 3-ей стадіямъ легочной чахотки, комбинація лѣченія въ закрытой санаторіи вмѣстѣ съ пребываніемъ въ горномъ климатѣ, дала въ среднемъ 64, 9% абсолютнаго и относительнаго выздоровленія (въ смыслѣ Brehmer'a), а именно 97, 9% для первой стадіи болѣзни, 73, 2% для 2-й стадіи и 23, 6%—для третьей стадіи.

Выводы эти сдѣланы изъ наблюденія надъ 408 больными, прибывшими въ санаторію Турбана въ разное время въ теченіе 7-ми лѣтъ.

Д-ръ Турбанъ въ этомъ своемъ трудѣ хотя и согласенъ съ неоднократно высказаннымъ мнѣніемъ д-ра Dettweiler'a и профессора Leyden'a, что санаторіи для грудныхъ больныхъ можно учреждать съ громадною пользою вездѣ, гдѣ имѣется свободный отъ пыли чистый воздухъ, много свѣта, подходящая обильная пища, гдѣ мѣстность защищена отъ рѣзкихъ вѣтровъ и возможны методическія движенія больныхъ подъ контролемъ врача. Тѣмъ не менѣе онъ приводитъ много серьезныхъ доводовъ въ пользу того, что наиблестящіе результаты даютъ тѣ санаторіи, которыя расположены въ горномъ климатѣ. Тутъ нельзя не вспомнить того ученаго, 80-тилѣтіе котораго мы чествовали въ Берлинѣ наканунѣ праздновалось представителями почти всего цивилизованнаго міра,—профес. Рудольфа Вирхова. Онъ еще 20 лѣтъ тому назадъ, по осмотру вмѣстѣ съ членами Кавказскаго Медицинскаго Общества, Сурама, Боржомскаго ущелья, Абастумана и Зекарскаго перевала, по возвращеніи въ Тифлисъ, въ застѣланіи нашего Общества высказалъ слѣдующее: „Гдѣ, какъ не здѣсь, на Кавказѣ, учреждать санаторіи для грудныхъ больныхъ, начало чему положено д-ромъ Реммертомъ основаніемъ санитарныхъ стоянокъ для военныхъ чиновъ“. Далѣе онъ прибавилъ: „Мнѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно лучшее мѣсто, гдѣ-бы сгруппирована была комбинація столь благопріятныхъ условій, какъ осмотренные мною участки Закавказья“.

Казалось-бы, послѣ всего приведеннаго мною, лѣченіе грудной чахотки чистымъ горнымъ воздухомъ у насъ давно должно-бы процвѣтать. Но, увы, у насъ до сихъ поръ нѣтъ ни одной здравницы, которая является нынѣ насущною потребностью какой сколько-нибудь культурной страны.

Положимъ, и во всей Россіи здравницъ еще такъ мало, ихъ можно перечесть по пальцамъ: Халила, Таицы, здрав-

кн. Барятинской, нѣсколько дѣтскихъ колоній,—вотъ и все! Но это не оправданіе Кавказу!

II.

Въ естественномъ порядкѣ изложенія я долженъ перейти теперь ко второй части моего реферата и заняться вопросомъ: имѣются-ли какія-либо данныя и надежды скорѣйшее осуществленіе санаторій для туберкулезныхъ больныхъ на Кавказѣ?

1) Многимъ изъ васъ, вѣроятно, извѣстна мѣстность между Сочи и Сухумомъ въ Кутаисской губерніи, именуемая Кр. Гагры. Она представляетъ лѣсную дачу, тянущуюся вдоль морского берега на значительномъ протяженіи. Дача пересѣкается нѣсколькими горными рѣчками и вдается широкимъ клиномъ внутрь страны, возвышаясь постепенно вплоть до полосы Альпійскихъ пастбищъ на предгорьяхъ главнаго Кавказскаго хребта. Вся дача покрыта цѣльнымъ лѣсомъ и только южная, приморская часть ея образуетъ не очень большую безлѣсную равнину. Извѣстно также, что въ 1900 и 1901 гг. эту мѣстность дважды осматривалъ Его Высочество Принцъ Ольденбургскій во главѣ цѣлой экспедиціи врачей и другихъ специалистовъ. При этомъ было признано, что дача представляетъ рѣдкое въ мірѣ сочетаніе самыхъ благопріятныхъ условій для созданія на ней санаторіи для грудныхъ больныхъ. Личное участіе въ этомъ дѣлѣ Принца Александра Петровича, берушаго въ свое непосредственное вѣдѣніе устройство въ Гаграхъ санаторіи, служить лучшимъ ручательствомъ въ скоромъ успѣхѣ этого благого начинанія. По послѣднимъ слухамъ, уже отведено около 13 десятинъ земли въ распоряженіе Его Высочества для вышеозначенной цѣли. Созданіе здѣсь полной санаторіи въ европейскомъ смыслѣ, несомнѣнно, дастъ толчокъ оживленію черноморскаго берега, столь богато одареннаго природою и не даромъ привлекающаго къ себѣ въ послѣднее время вниманіе и заботы правительства о его заселеніи и культивированіи, о чемъ можно было судить еще по обстоятельному докладу профессоровъ Пастернацкаго, Лебедева и Воейкова, представленному Ісѣзду дѣятелей по бальнео-гидрологіи и климатологіи въ 1898 году.

2) Послѣ Гагринской здравницы, мнѣ кажется, можно намъ ожидать устройства у насъ образцовыхъ санаторій прежде всего отъ военно-медицинскаго вѣдомства. Военными врачами давно уже признанъ вредъ, причиняемый населенію ежегодно отправляемыми изъ строя въ крестьянскую среду чахоточными нижними чинами, составляющими около 3% списочнаго состава. И

неоднократно указывалась необходимость эвакуировать чахоточных больных не въ деревни, внося этимъ лишнее горе и заботу въ безъ того уже неприглядную жизнь крестьянства, а въ санитарныя колоніи, гдѣ бы они находили пріютъ и разумный уходъ, возвращая затѣмъ многихъ изъ нихъ здоровыми въ семью.

Вотъ на этомъ принципѣ и было основано учрежденіе у насъ такъ называемыхъ санитарныхъ стоянокъ въ Абастуманѣ, Саракамышѣ и Гамзачиманѣ, которые довольно долго поддерживались благодаря инициативѣ бывш. Кавказскаго Окружнаго Военно-Медицинскаго Инспектора А. А. Реммерта. Самая мысль основанія въ Абастуманѣ постоянного госпиталя для хроническихъ больныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ отчасти основана на этомъ принципѣ. Но время идетъ впередъ и намъ нужно сообразоваться съ требованіями его. Всѣмъ теперь извѣстны недостатки санитарныхъ стоянокъ, а равно и госпитальнаго содержанія чахоточныхъ больныхъ, въ какой-бы прекрасной мѣстности они не находились. Поэтому теперь пора военно-медицинскому вѣдомству сдѣлать еще шагъ впередъ. Прежде всего необходимо весь Абастуманскій военный госпиталь превратить въ обширную военную санаторію для хроническихъ больныхъ, преимущественно для больныхъ легочнымъ туберкулезомъ. Скоро исполнится два десятка лѣтъ, какъ военное вѣдомство несетъ громадные расходы, отправляя на лѣто въ Абастуманъ отъ 100 до 120—130 офицеровъ и вдвое-втрое больше нижнихъ чиновъ; значительную часть всѣхъ ихъ составляютъ грудные больные, преимущественно чахоточные. Но спрашивается, мыслимо-ли ожидать, чтобы больные легочнымъ туберкулезомъ въ 2-3 мѣсяца лѣтняго пребыванія въ Абастуманѣ могли получить такое прочное исцѣленіе, которое стоило-бы понесенныхъ жертвъ?—

Во 1-хъ срокъ слишкомъ малъ; во-вторыхъ, ни госпитальное зданіе въ Абастуманѣ, ни госпитальное довольствіе, — рѣшительно не соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ лѣченія туберкулезныхъ больныхъ. Что касается большинства офицеровъ, которые должны жить лѣтомъ въ Абастуманѣ внѣ госпиталя на получаемыя ими отъ казны суточные деньги, то извѣстно, что бѣлая часть ихъ, при абастуманской дороговизнѣ квартиръ, едва перебивается. Этому доказательствомъ между прочимъ, служитъ и то, что существующія нынѣ 20 офицерскихъ госпитальныхъ мѣстъ берутся чуть-ли ни съ бою в началѣ каждаго лѣта. На основаніи всего этого, повторяю, рано или поздно военно-медицинское вѣдомство должно притткъ безповоротному рѣшенію превратить абастуманскій военный

госпиталь въ обширную военную здравницу. Я не говорю, что абастуманскій госпиталь, бывшія санитарныя стоянки и лазареты не приносили никакой пользы. Ужъ одно то, что, благодаря этимъ учрежденіямъ, мы успѣли болѣе или менѣе ознакомиться съ климатомъ и другими условіями мѣстностей, гдѣ они находились и находятся; мы успѣли, такъ сказать, испытать на значительномъ матеріалѣ санитарное значеніе какъ Абастумана, такъ и Саракамыша, Большого Караклиса, Гамзачимана, Дилижана—и это не малая польза!

3) На третьемъ мѣстѣ я поставлю наши надежды на учрежденіе большой народной здравницы въ Баратхевскомъ ущельи Абастумана. Хотя для этого мы не имѣемъ пока никакихъ положительныхъ данныхъ, но сужу я по слѣдующимъ вѣроятіямъ. Теперь въ высшія сферы всѣхъ европейскихъ государствъ проникла идея, что борьба съ туберкулезомъ, какъ съ общенародною болѣзною, составляетъ одну изъ важныхъ государственныхъ задачъ. Поэтому во главѣ движенія въ пользу учрежденія народныхъ здравницъ мы встрѣчаемъ вездѣ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ обоого пола. Недавно и изъ нашихъ высшихъ сферъ проникъ въ столичныя газеты слухъ, что въ Санъ-Ремо учреждается въ память покойнаго Великаго Князя Алексія Михайловича для русскихъ больныхъ здравница, для чего уже приобретена Villa Monrosa (14 Corso Garibaldi). Положеніе виллы обращенной вполнѣ къ солнечной сторонѣ и защищенной отъ вѣтровъ, даетъ возможность устроить для нашихъ грудныхъ больныхъ соотечественниковъ вполнѣ уютное гнѣздышко, гдѣбы могли помѣститься отъ 30—35 человекъ.

Если въ чужой странѣ создается такой памятникъ и по такому поводу, то, по аналогіи, нужно допустить, что не чужда будетъ нашимъ высшимъ сферамъ мысль основанія такого-же памятника скорѣе у себя, въ Абастуманѣ.

Мнѣ кажется, нельзя придумать лучшаго, болѣе великаго и вмѣстѣ болѣе трогательнаго памятника покойному Цесаревичу Великому Князю Георгію Александровичу, какъ учрежденіе народной здравницы его имени въ томъ самомъ ущельи, которое онъ такъ любилъ посѣщать во время своего почти 10-ми лѣтняго пребыванія въ Абастуманѣ. Цѣлая поколѣнія въ окружающемъ населеніи вѣчно будутъ благословлять имя того, который такъ много дѣлалъ при жизни для ихъ предковъ!

4) Переходя отъ военнаго вѣдомства къ гражданскому, возможность скорѣйшаго практическаго осуществленія народныхъ здравницъ мы можемъ усмотрѣть прежде всего со сторо-

ны Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Извѣстно, что управленіемъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ проектируется учрежденіе санаторіи для грудныхъ больныхъ въ *Кисловодскѣ*. Этимъ будетъ положено начало пользованію Кисловодскомъ какъ осенне-зимнею климатическою станціею. При этомъ нельзя не раздѣлять мнѣнія почтеннаго русскаго бальнеологическаго об—ва въ *Пятигорскѣ*, что безъ учрежденія образцовой здравницы въ здоровой мѣстности, называемой „Красные камни“, вдали отъ рѣчныхъ береговыхъ, малярійныхъ районовъ, Кисловодскъ не можетъ быть рекомендованъ, какъ хорошій курортъ для туберкулезныхъ больныхъ *).

5) Затѣмъ съѣздъ нашъ долженъ побудить наши общественныя самоуправленія къ учрежденію недорогихъ народныхъ здравницъ особо для излѣчимыхъ и особо для неизлѣчимыхъ чахоточныхъ больныхъ. Возьмемъ для примѣра городъ Тифлисъ. Наше городское самоуправленіе давно уже готовится къ постройкѣ чернорабочей больницы. Больничный сборъ не разрѣшенъ и дѣло это затягивается. Но силою вещей городъ вынужденъ изъ года въ годъ строить на мѣстѣ чернорабочей больницы баракъ за баракомъ для острозаразныхъ больныхъ, какъ онъ выстроилъ раньше сифилитическую больницу. Вотъ почему теперь-же надо подать мысль заправиламъ города: исключить вовсе изъ плана будущей больницы цѣлое отдѣленіе для чахоточныхъ больныхъ и вмѣсто этого выстроить, по примѣру вышеупомянутыхъ барачковъ, вблизи отъ города, въ подходящей мѣстности народную здравницу для чахоточныхъ больныхъ. Для этого можно избрать, на примѣръ, мѣстность *Крцанисы*, вблизи армянскаго монастыря во имя Божьей Матери, — мѣстность эта достаточно защищенная отъ вѣтровъ, покрытая лѣсомъ и имѣющая хорошую воду. Мы должны теперь-же выяснитъ Общественному Управленію, что по современнымъ требованіямъ выстроить больницу или большое отдѣленіе въ больницѣ для чахоточныхъ больныхъ—это все равно, что бросить въ воду городскія деньги, такъ какъ для этихъ больныхъ больничныя палаты, больничное пищевое довольство и больничные порядки—самое худшее и наиболѣе вредное, что можно предложить имъ. Это все-равно, что нищему, крайне нуждающемуся въ пищѣ, вы-бы дали вмѣсто хлѣба кусокъ ват.

5) Этому примѣру Тифлиса навѣрно послѣдуютъ и другі

---

*) См. „Записки русскаго бальнеологическ. об—ва въ Пятигорскѣ 1898—99 гг.“ №№ 5—6.

наши закавказскіе города, намѣревающіеся устроить у себя больницу для неимущаго класса. Для больныхъ туберкулезомъ легкихъ каждый изъ нихъ долженъ будетъ построить свою небольшую народную здравницу въ ближайшей здоровой мѣстности и поручить завѣдываніе ею особому врачу подъ контролемъ главнаго врача Городской больницы.

6) Такимъ образомъ, когда населеніе увидить, что какъ высшія сферы, такъ и всѣ компетентныя вѣдомства государства серьезно заняты борьбою противъ туберкулеза легкихъ, какъ противъ болѣе опустошительной и болѣе упорной эпидеміи челоуѣчества, чѣмъ холера, чума и пр.; когда всѣ увидятъ, что однимъ изъ важныхъ средствъ въ этой борьбѣ служатъ „народныя здравницы“,—тогда и у насъ можно рассчитывать на помощь для основанія таковыхъ со стороны нашихъ благотворительныхъ об-въ и со стороны нашихъ богатыхъ благотворителей.

7) Тогда и отдѣльные врачи или компаніи ихъ рѣшатся у насъ основать частныя здравницы для имущаго класса. Тогда врачи-практики не будутъ продолжать лѣченіе больныхъ туберкулезомъ легкихъ на дому, а напротивъ съ момента самаго начального распознаванія чахотки, больныхъ направлять немедленно въ здравницы. Для частныхъ санаторій можно указать по близости отъ Тифлиса прекрасныя мѣста. На первомъ мѣстѣ всѣмъ извѣстны: Бакуріани и прелестное Атенское ущелье около Гори; затѣмъ, можно рекомендовать всю возвышенность отъ Ахталы до Большаго Караклиса на лѣвой сторонѣ Тифлиско-Карсской желѣзной дороги. Мѣстность около армянскаго монастыря „Санайнъ“ и все лѣсное имѣніе его, именуемое „Марцъ“. Тутъ есть много роскошныхъ мѣстъ съ необходимыми условіями для пользованія больныхъ умѣренно горнымъ климатомъ, съ тѣмъ еще преимуществомъ, что учрежденныя здѣсь частныя здравницы будутъ имѣть прямое желѣзно-дорожное сообщеніе съ Тифлисомъ.

8) Не могу закончить реферата, не упомянувъ Кавказскаго Отдѣленія Краснаго Креста. Общество Краснаго Креста въ мирное время не разъ призывалось къ оказанію вспомошествованія нуждающемуся населенію иногда организаціею врачебно-санитарной помощи. Поэтому будетъ вполне умѣстно и даже весьма цѣлесообразно, если наше Кавказское Отдѣленіе Краснаго Креста, въ свою очередь, энергично возьмется за дѣло учрежденія здравницъ какъ для увольняемыхъ военнымъ вѣдомствомъ завѣдомо чахоточныхъ больныхъ, такъ и для неимущаго класса

населенія. Въ такомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что Кавказское отдѣленіе будетъ считать членовъ своихъ изъ года въ годъ не однимъ или двумя десятками, какъ до сихъ поръ, а многими и многими сотнями, готовыми всячески помочь компетентному Обществу въ весьма важномъ новомъ начинаніи *).

---

*) Въ дополненіе доклада д-ра Бабаева мы считаемъ важнымъ отмѣтить то громадное значеніе, которое имѣетъ для населенія Кавказа идея борьбы съ чахоткой. На сѣздѣ было подтверждено, что несмотря на свой благодатный климатъ, Кавказъ даетъ массу туберкулезныхъ больныхъ, которымъ положительно некуда дѣться: общія больницы для нихъ не только бесполезны, но даже губительны, а санаторій, гдѣ-бы они могли найти спасеніе, у насъ нѣтъ. Оставаясь въ семьяхъ, больные заражаютъ окружающихъ, знакомыхъ,—и туберкулезъ, не разбирающій ни общественнаго положенія, ни возраста,—вырываетъ за одной жертвой—другую, третью, часто заставляя вымирать цѣлыя семьи. Людское непониманіе, незнакомство съ гигиеной и профилактикой туберкулеза,—бѣдность, невѣжество массъ, незнакомство съ способами борьбы съ чахоткой, недовѣріе къ возможности излѣченія чахотки,—всѣ эти факторы дѣлаютъ положеніе вещей острымъ, а вопросъ борьбы съ условіями, порождающими и распространяющими туберкулезъ — очереднымъ. На сѣздѣ врачей была особенно подчеркнута та мысль, что *само общество, самъ народъ* должны выступить на борьбу съ чахоткой, выдѣливъ изъ себя стройную организацію для борьбы съ ужасной болѣзнью, на подобіе уже существующихъ организацій въ культурныхъ странахъ Европы. Въ виду этого сѣздъ постановилъ: ходатайствовать о созданіи на Кавказѣ центрального комитета для борьбы съ туберкулезомъ,—съ участіемъ представителей различныхъ учреждений и обществъ,—и открытіи филиальныхъ отдѣленій этого комитета въ главныхъ городахъ Кавказа. Принимая во вниманіе, что въ одной только Россіи отъ чахотки умираетъ въ годъ 600,000 чел. мы отъ души присоединяемся къ постановленію сѣзда и выражаемъ пожеланіе поскорѣ увидѣть на Кавказѣ комитетъ, энергично проводящій идею борьбы съ туберкулезомъ и призывающій настоятельно къ жизни необходимыя санаторіи.

Отъ редакціи „Кавказскаго Вѣстника“.

ВЗГЛЯДЪ и НѢЧТО.

39.

Бъ двадцатипятилѣтію Тифлискаго Музыкальнаго училища.

Открытая въ 1876 году, 12-го октября, Тифлисская Музыкальная школа была въ 1884 году преобразована въ Музыкальное училище при Тифлисскомъ Отдѣленіи Императорскаго Русскаго Музыкальнаго училища. Октября 12-го нынѣшняго года исполнилось 25-тилѣтіе этого музыкально-учебнаго заведенія, давшего немало извѣстныхъ мѣстной публикѣ виртуозовъ, преподавателей и иныхъ дѣятелей въ области музыкальнаго искусства. Ниже приведенъ составленный нами списокъ бывшихъ учащихся въ этомъ Училищѣ, посвятившихъ себя музыкальной дѣятельности по окончаніи курса Училища, а также тѣхъ лицъ, которыя выдвинулись на этомъ поприщѣ, не окончивъ полного курса. Помимо поименованныхъ въ списокѣ лицъ, существуютъ десятки другихъ, неокончившихъ курса, но культивирующихъ различныя отрасли искусства; къ сожалѣнію, о нихъ не имѣется у насъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній.

Изъ приведеннаго ниже списка видно, что большинство поименованныхъ лицъ обучалось игрѣ на фортепьяно—58 (изъ 109), пѣнію обучались—24, игрѣ на скрипкѣ—9, на прочихъ инструментахъ—8, теоретическимъ предметамъ—10. Первый выпускъ окончившихъ курсъ Училища былъ въ 1888 г., съ того времени, за 14 лѣтъ, окончили курсъ 89 лицъ (въ среднемъ 6 на 200—350 учащихся ежегодно). По національностямъ въ этомъ списокѣ: русскихъ и поляковъ—60, армянъ—23, грузинъ—10, евреевъ—10, иностранцевъ—6. Свѣдѣнія, приведенныя въ 5 и 6 графахъ основаны на частныхъ справкахъ и за безошибочность ихъ мы не ручаемся.

СПИСОКЪ

бывшихъ учащихся Тифлисскаго Музыкальнаго Училища, посвятившихъ себя музыкальной дѣятельности по окончаніи курса или не окончивъ таковаго.

ФАМИЛІЯ.	И М Я.	Годъ оконча- нія курса.	По классу	Занятіе или звание.	Мѣсто жи- тельства.
Александрова	Татьяна	1889	фортепіано		
Атабегова	Марія	1889	фортепіано		
Асламазова	Екатерина	—	пѣнія	Оперная арт.	
Амираджиби кн	Варвара	1893	фортепіано	Своб. художн.	
Артѣмьева	Надежда	1890	пѣнія		
Арсентьевъ	Алексѣй	1890	валторны	Орк. музык.	Баку.
Асламазова	Нина	1898	фортепіано		Тифлисъ.
Бѣлая	Ольга	1900	фортепіано		
		1901	теоріи		
Близнецова	Вѣра	1891	фортепіано	Преп. ур. муз.	Тифлисъ.
Бабаянъ	Маргарита	—	фортепіано	Препод. ур. пѣнія въ Тиф. Музыкальн. Училищѣ.	Тифлисъ.
Бичурина	Нина	1889	пѣнія	Оперная арт.	
Билибинъ	Иванъ	1890	скрипки	Орк. музык.	
Барканова	Любовь	1888	фортепіано		
Бушъ	Артуръ	1892	виолончели	Свободн. худ.	Тифлисъ.
Болотовъ	Иванъ	1893	гобои	Орк. музык.	Тифлисъ.
Бебутова кн.	Марія	1895	фортепіано		
Балбашевская	Нина	1894	фортепіано		
Волкова	Ольга	1893	пѣнія		Тифлисъ.
Вишневскій	Александр.	1893	фагота		
Вардикянъ		—	пѣнія	Опер. артистъ	
Васильева	Лидія	1898	фортепіано		
		1900	теоріи		
Грищенко	Николай	1890	валторны	Орк. музык.	Баку.
Ганзе	Владиміръ	1890	тромбона	Орк. музык.	
Герасименко	Вѣра	1897	фортепіано		
Голубева	Вѣра	1897	фортепіано		Тифлисъ.
Гамазова	Елена	1898	фортепіано		
Гедеванова	Тамара	1900	фортепіано		
Дербевъ	Нина	1890	фортепіано		Тифлисъ.
Дзаноли	Александра	—	скрипки	Свобод. худ. Скр.-виртуоз.	Москва.
Дигби	Елизавета	1889	пѣнія	Опер. артист.	Тифлисъ.
Дидебулидзе	Марфа	1889	пѣнія	Препод. пѣніе	
Домбровская	Анна	1889	пѣнія		

Давидовъ Дмитріева Ермолаева	Александр. Ольга Антонина	— 1901 1889	трубы фортепіано фортепіано	Орк. музык. Открыла пер- вую муз. шк. и преп.игру на форт. въ Баку. Свобод. худ.	Баку.
Злотницкая Иляшенко Колотилинъ	Елизавета Марья Михаилъ	1896 1888 1893	пѣнія пѣнія теоріи	Регентъ хора пѣвчихъ Препод. хор. пѣнія. Шесть лѣтъ преп. въ Музык. учил. Тифл. Отд. Имп. Русск. Муз. Общ. (1889 — 1895). Скр. Импер. Моск. театровъ (1895— 1897). Капельм. орк. терскаго каз. войска.	Тифлисъ.
Кардаковъ	Ефимъ	—	Скрипки	Препод. хор. пѣнія.	Тифлисъ.
Колчинъ	Евгеній	—	Скрипки	Шесть лѣтъ преп. въ Музык. учил. Тифл. Отд. Имп. Русск. Муз. Общ. (1889 — 1895). Скр. Импер. Моск. театровъ (1895— 1897). Капельм. орк. терскаго каз. войска.	Владикавк.
Казимірская Кетхудова	Анна	1895 —	пѣнія фортепіано	Открыла пер- вую музыкаль- ную школу и препод. игру на фортепья- но во Владикав- казѣ. Свобод. худ.	Владикавк.
Козьминъ	Василій	1890	Теоріи	Препод. хоро- вого пѣнія.	Тифлисъ.
Калантарова Колесникова Креинъ Кобордо Кепинова Карагичевъ Лисовская	Ольга Евгенія Яковъ Софія Евгенія Борисъ Теофилиа	1895 1892 1900 1900 1901 1901 1895	фортепіано пѣнія скрипка фортепіано фортепіано теоріи фортепіано	Препод. игру на фортепья- но и аккомпа- нируетъ Военный ка- пельмейстеръ.	Тифлисъ.
Лобачевская Любичъ	Людмила Михаилъ	1900	фортепіано теоріи		Тифлисъ.
Любинская	Екатерина	1896	фортепіано		

Медекша	Элеонора	1901	фортепіано		
Мириманова	Тамара	1895	фортепіано		Тифлисъ.
Мартынова	Ольга	1894	фортепіано		
Марданова	Софія	1895		Преподаетъ игру на фор- тепіано и ак- компанируетъ	Тифлисъ.
Марголина	Ревекка	1898	фортепіано		
Матрасовичъ	Леонъ	—	фортепіано	Преподаетъ игру на фор- тепіано и кларнетъ. Свобод. худ.	Тифлисъ.
Меренбломъ	Валерія	1900	фортепіано		
Меликова	Гаяне	1897	фортепіано		Тифлисъ.
Маркова	Тамара	1897	фортепіано		
Михайлова	Екатерина	1897	пѣнія	Опер. артист.	Тифлисъ.
Попель	Вѣра	1898	фортепіано		
Пѣтушковъ	Деонисій	—	теорія	Препод. дух. инструм.	Тифлисъ.
Пашковская	Ольга	1895	фортепіано		
Пивоварова	Ольга	1893		Преподаетъ игру на фор- тепіано въ Тифлискомъ Музык. Учи- лищѣ	
Петрова	Екатерина	1892	пѣнія	Опер. артист.	
Подобѣдъ(Карри)	Елена	1890	пѣнія	Опер. артист.	
Павловская	Ольга	1898	фортепіано		Тифлисъ.
Паліевъ	Захарій	1899	теорія		
Рчеулова	Тамара	1891	пѣнія	Преподаетъ пѣніе	Тифлисъ.
Рудановская	Софія	1890	пѣнія	Опер. артист.	
Ризенъ	Анна	1895	фортепіано		
Романовскій	Николай	—	скрипки	Оркестр. Муз.	Баку.
Сергѣенко	Марья	1900	фортепіано		
Сопельнякъ	Потапъ	—	теорія	Регентъ хора пѣвчихъ	Тифлисъ.
Судаковъ	Исидоръ	—	скрипки	Оркестр. Муз.	Тифлисъ.
Сараджева	Екатерина	1891	фортепіано		
Степанова	Софія	1893	фортепіано		
Страхова	Варвара	—	пѣнія	Оперная арт.	
Савичъ	Нина	1892	фортепіано		
Сараджева	Евгенія	1897	пѣнія		Тифлисъ.
Сятова	Лидія	1898	фортепіано		
Трескинская	Анжелика	1892	фортепіано		
Теръ-Асатурова	Нина	1893	пѣнія	Оперная ар- тистка.	

Теръ-Степанова	Тамара	1893	фортепіано	Преподаєть игру на фор- тепіано	Тифлисъ.
Тулаева	Анна	1894	фортепіано	Свобод. худ. Преподаєть игру на фор- тепіано.	Тифлисъ.
Тронова	Елена	1890	фортепіано		
Тиханова	Надежда	1899	фортепіано		
Фильбрандтъ	Евгенія	1891	фортепіано	Преподаєть игру на фор- тепіано.	Тифлисъ.
Фарина	Иванъ	—	пѣнія	Антрепенеръ	
Фурлетъ	Александр.	1899	скрипки		
Химшіева	Софія	1895	фортепіано		
Хосроева	Нина	1897	фортепіано		Тифлисъ.
Ханкаламова	Елена	1898	фортепіано		
Цейтлинъ	Эсфирь	1893	пѣнія		
Цхомилидзе	Козьма	1891	фортепіано	Оперный и опереточный артистъ	
Чуркинъ	Николай	—	теоріи	Преподава- тель хорового пѣнія	Баку.
Чвалинскій	Николай	—	скрипки	Оркестр. муз.	Баку.
Шахмурадова	Варвара	1890	пѣнія		
Шаншіева	Варвара	—	фортепіано	Акомп.	Тифлисъ.
Штрейхеръ	Генріэта	1888	пѣнія	Опер. артист.	
Шершовъ	Михаиль	1889	контрабаса	Оркестр. муз.	Тифлисъ.
Шадинова	Евгенія	1889	пѣнія		
Шахназарова	Елизавета	1897	фортепіано		Тифлисъ.
Шабурова	Елена	1901	фортепіано		
Эминова	Ольга	1898	фортепіано		
Юдейкинъ	Александр.	1891	фортепіано		Тифлисъ.

В. Д. К.

Воспоминаніе о генералѣ Н. Н. Муравьевѣ.

Бывшемъ Намѣстникѣ Кавказскомъ.

Генераль-адъютантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ былъ назначенъ 29-го ноября 1854 года Намѣстникомъ Кавказскимъ и Главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ на мѣсто уволеннаго по разстроенному здоровію свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича Воронцова, выѣхавшаго еще въ мартѣ мѣсяцѣ того-же года изъ края.

До пріѣзда Муравьева, Кавказомъ управлялъ генераль Реаль, отправившійся послѣ пріѣзда Намѣстника въ крымскую армию. Наша война съ Турціею и западными державами тогда еще продолжалась и на Кавказѣ три отряда дѣйствовали противъ турокъ: одинъ подъ Карсомъ, другой въ Ахалцихѣ, а третій— въ Гуріи, у береговъ Чернаго моря.

Въ то время я управлялъ Горійскимъ уѣздомъ Тифлисской губерніи.

Еще лѣтомъ 1854 года перевозка провіанта въ Кутаисъ для Гурійскаго отряда сдѣлалась затруднительною. Черное море было для насъ закрыто и невозможно было подвозить провіантъ къ Редутъ-Кале, единственному нашему порту на восточному берегу. Провіантъ привозили изъ Россіи сухимъ путемъ, доставляя его въ Кутаисъ изъ Тифлиса и изъ Душета.

Въ концѣ сентября 1854 года, изъ главнаго Александропольскаго отряда, дѣйствовавшаго въ карсскомъ пошалыкѣ, возвращались отбывшіе свою службу и слѣдовавшіе домой въ Синахскій уѣздъ, аrobщики съ порожними арбами, на которыхъ они возили въ Александрополь провіантъ для войска. По пути они отдыхали около Тифлиса,—такъ какъ интенданство не озаботилось перевозкою провіанта въ Кутаисъ для Гурійскаго отряда въ удобное для того время года — лѣтомъ, о генераль-интендантъ, воспользовавшись находящимися подъ рукою, около Тифлиса, партіею почти въ 1000 аrobъ, испросилъ

у исправлявшаго тогда должность Намѣстника генерала Реада разрѣшеніе отправить на нихъ провіантъ въ Кутаисъ. Онъ при этомъ пояснялъ, что съ приближеніемъ зимы перевозка туда провіанта будетъ сопряжена съ большими препятствіями и затрудненіями.

Обѣщавъ аробщикамъ заплатить болѣе того, что они получали лѣтомъ въ Александрополѣ, собрали ихъ арбы, наложили на нихъ провіантъ и отправили въ Кутаисъ. Причитавшіяся имъ деньги выдали транспортному начальнику поручику Амираджиби, молодому человѣку, весьма дѣятельно хлопотавшему и съ помощью казаковъ принудившему аробщиковъ немедленно выступить изъ Тифлиса. Такимъ образомъ тронулся громадный транспортъ съ провіантомъ въ 1000 аробъ, направляясь въ Горійскій уѣздъ, чрезъ который идетъ дорога въ Кутаисъ. Мнѣ, однакожъ, какъ мѣстному начальнику, ничего объ этомъ не было извѣстно, между тѣмъ первыя двѣсти аробъ появились въ виду Гори. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда подножнаго корма на поляхъ въ Горійскомъ уѣздѣ бываетъ очень мало.— Старшіе аробщики явились ко мнѣ и, объяснивъ причину обратнаго ихъ выступленія изъ Тифлиса, просили отвести имъ пастбищныя мѣста и предложить транспортному офицеру выдать слѣдующія деньги, безъ которыхъ они не могли двигаться далѣе. Не успѣли исполнить просьбы этихъ аробщиковъ, какъ появилось еще около 800 аробъ, которыя слѣдовали къ Сураму, остановившись здѣсь только для отдыха. Около Сурама они остановились и пустили скотъ въ лѣсъ для корма. Между тѣмъ холода все усиливались. Не зная ни дороги, ни мѣстности, и не получая отъ транспортного офицера денегъ, отпущенныхъ ему изъ казны, аробщики были совершенно брошены на произволъ судьбы. Ихъ было болѣе тысячи человѣкъ. Они боялись военно-имеретинской дороги и вообще Имеретіи, гдѣ ранѣе они не бывали и знали ее лишь понаслышкѣ, какъ страну лихорадокъ и скотскаго падежа, гдѣ съ конца августа по май не имѣется по пути ни подножнаго корма, ни фуража. Я поспѣшилъ въ Сурамъ, а вслѣдъ за мною вскорѣ тутъ-же пріѣхалъ и губернаторъ. Аробщики вновь приступили со своими жалобами о неполученіи денегъ, безъ коихъ они не могли слѣдовать далѣе. Хотя транспортный офицеръ общалъ губернатору удовлетворить немедленно претензіи аробщиковъ, но, тайно, ночью, совѣтовалъ имъ, чрезъ своихъ агентовъ, какъ впослѣдствіи открылось, убраться вонъ изъ Сурама домой подобру и поздорову, если они не хотятъ погибнуть со скотомъ на Имеретинской до-

рогѣ, куда, будто-бы, губернаторъ велитъ ихъ направить силою, съ помощью казаковъ.

Повѣривъ этому, аробщики рано утромъ, захвативъ весь скотъ, отправились къ себѣ, чрезъ лѣса, по проселочной дорогѣ, не получивъ наемныхъ денегъ и оставивъ арбы свои съ провіантомъ на произволъ судьбы. Я поскакалъ немедленно за ними, догнавъ ихъ, сталъ уговаривать вернуться, но они наотрѣзъ отказались, стали громко роптать на начальство, обманувшее ихъ, и, въ случаѣ насилія надъ ними, угрожали мятежомъ.

Для меня было совершенно непонятно такое озлобленіе людей, усердно отбывавшихъ службу въ главномъ отрядѣ нашемъ въ Турціи болѣе пяти мѣсяцевъ. Очевидно, безъ силы оружія, здѣсь подѣлать ничего нельзя. Съ этою возмущенною многочисленною толпою можно было справиться только силою оружія, но я не имѣлъ на это ни права, ни достаточныхъ силъ. Я принужденъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ. Они отправились далѣе такою-же шумною и буйною толпою, но нигдѣ не произвели никакого безчинства.

Брошенные ими въ Сурамѣ арбы были проданы съ торговъ, а провіантъ, столь необходимый для Гурійскаго отряда, былъ сданъ въ Сурамскій провіантскій магазинъ.

Между тѣмъ зима приближалась и вопросъ о перевозкѣ провіанта въ Кутаисъ для продовольствія находившагося тамъ отряда началъ беспокоить и Главное Начальство. На запросъ объ этомъ я донесъ еще въ ноябрѣ 1854 г., что распорядился перевозкою провіанта изъ Сурама на вьючныхъ лошадяхъ, взятыхъ изъ смежнаго съ Сурамомъ Шорапанскаго уѣзда, гдѣ перевозка вообще производилась на вьюкахъ, вслѣдствіе гористой мѣстности. На арбахъ было уже невозможно перевозить по случаю наступившей зимы; помимо того, нарядъ жителей, зимою и безъ того обремененныхъ разными военными повинностями, могъ возбудить ропотъ населенія. Поэтому я просилъ разрѣшенія произвести перевозку провіанта въ Кутаисъ раннею весною не по наряду за прогонныя деньги, а по добровольной раскладкѣ, съ круговымъ поручительствомъ жителей, предоставивъ имъ самимъ, безъ подрядчика, выставить добровольно извѣстное число аробъ. При этомъ каждому аробщику должны быть выданы наемныя деньги непосредственно на руки, при чиновникѣ губернаторъ или Главнокомандующаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ, чтобы для сопровожденія провіантскаго транспорта и для надзора за цѣлостію его, были командированы провіантскіе комиссіонеры

которые заботились-бы какъ объ аробщикахъ, такъ и о своевременной безостановочной сдачѣ провіанта въ Кутаисѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; отвѣта не было. Наконецъ, въ мартѣ 1855 года, губернаторъ далъ мнѣ знать, что интендантство отказалось отъ перевозки провіанта въ Кутаисѣ и что по распоряженію генерала Реада вся эта операція перевозки возлагается на меня, подѣ личною моею отвѣтственностью, что наемная плата за арбу назначена по 40 р. съ тѣмъ, чтобы нанятые арбы, подѣ круговымъ поручительствомъ жителей деревни, непременно были готовы до 1 мая и направлены въ Тифлисѣ и Душетѣ, гдѣ на каждую должно быть положено провіанта по шести мѣшковъ. Обо всемъ этомъ ген. Реадъ предписывалъ объявить жителямъ и немедленно приступить къ раздачѣ денегъ. Вслѣдъ за симъ прискакалъ ко мнѣ изъ интендантства чиновникъ съ 80 т. рублей, которые онъ сдалъ мнѣ на руки безъ бумаги и безъ книги, не требуя даже отъ меня квитанціи.

Удивившись беззаботливости провіантскаго вѣдомства, я донесъ губернатору, что такого важнаго порученія я одинъ, безъ другого довѣреннаго лица, въ виду обширныхъ занятій моихъ по управленію уѣздомъ, взять на себя не могу и потому просилъ командировать ко мнѣ отъ губернскаго начальства чиновника, который помогать бы мнѣ при раздачѣ денегъ жителямъ, въ отвращеніе ошибокъ и какихъ либо нареканій въ будущемъ. Затѣмъ я самъ обзавелся шнуровой книгой, записалъ на приходъ присланные 80 т. рублей да еще 60 т. рублей, которые прислали скорѣ съ тѣмъ же чиновникомъ. Всѣ эти деньги были присланы крупными кредитными билетами 50 р. и 25 р. достоинства; ихъ надо было еще размѣнять, что сдѣлать было нелегко въ уѣздномъ городѣ. Затѣмъ интендантство командировало ко мнѣ помощниковъ, провіантскихъ комиссіонеровъ, которые безпрерывно являлись ко мнѣ, предлагая услуги для найма аробъ въ деревняхъ и требуя выдачи на руки имъ денегъ. Но зная, что эти господа старались скорѣе поживиться, чѣмъ содѣйствовать успѣху дѣла и, получивъ свѣдѣніе, что двое изъ нихъ уже сторговались въ деревняхъ съ какими-то факторами нанять арбы по 30 р., а написали условія о наймѣ будто-бы по 40 р., я поблагодарилъ ихъ, прибавивъ, что аробщики должны являться ко мнѣ сами, со старшинами и получать наемныя деньги лично отъ меня, въ уѣздномъ управленіи подѣ расписку и подѣ круговую поруку цѣлой деревни, поэтому гг. комиссіонерамъ нечего беспокоиться самимъ выдавать деньги, а они могутъ только разъѣзжать по уѣзду и направлять аробщиковъ въ уѣздное уп-

равленіе, хорошо всѣмъ жителямъ уѣзда извѣстное. Комиссіонеры этого, разумѣется, не сдѣлали. Между тѣмъ, согласно разосланнымъ мною по всѣмъ деревнямъ уѣзда объявленіямъ, жителямъ стало извѣстно о новомъ распоряженіи о наймѣ аробѣ. Они были весьма рады не имѣть никакого дѣла съ подрядчиками и комиссіонерами, отлично помня, что претерпѣвали прежде при получкѣ денегъ. Такимъ образомъ еще въ мартѣ многіе жители начали являться ко мнѣ въ уѣздное управленіе, являлись и крестьяне, и дворяне. Всѣ они. изъявили полную готовность и желаніе отдать арбы свои въ наемъ для перевозки провіанта. Къ этому времени пріѣхали состоявшій при Главнокомандующемъ полковникъ Егоръ Степановичъ Лоріѣ-Меликовъ и совѣтникъ губернскаго правленія. При нихъ и сельскихъ старшинахъ я началъ выдавать жителямъ по 40 р. за каждую арбу за круговымъ поручительствомъ всѣхъ жителей деревни. Такимъ же образомъ, за общимъ поручительствомъ, я выдавалъ деньги и дворянамъ. Охотниковъ стало являться все больше и больше и раздача денегъ продолжалась почти до исхода апрѣля. При этомъ я составлялъ именной списокъ всѣмъ нанявшимся по каждой деревнѣ отдѣльно, съ обозначеніемъ, кто и за сколько аробѣ получилъ деньги.

Такой порядокъ найма аробѣ много способствовалъ увеличенію перевозочныхъ средствъ въ Горійскомъ уѣздѣ, находившемся поблизости двухъ дѣйствовавшихъ отрядовъ Ахалцихскаго и Гурійскаго. Многіе жители, получивъ отъ меня наемныя деньги, немедленно же обзавелись новыми арбами и скотомъ.

Между тѣмъ молва о суровости и строгости новаго Намѣстника генерала Муравьева и вмѣстѣ съ тѣмъ о справедливости его все болѣе и болѣе распространялась по всему краю. Многіе начали побаиваться въ ожиданіи чего-то грознаго. Это особенно было ощутительно послѣ такого мирнаго управленія, которымъ отличалось намѣстничество на Кавказѣ князя Воронцова. Но генералъ Муравьевъ медлилъ пріѣздомъ. Онъ долго оставался въ Ставрополѣ и оттуда началъ знакомиться со вѣрненнымъ ему краемъ. Затѣмъ отправился вдоль кавказской линіи для осмотра укрѣпленій и войска. Тогда-же изъ Грознаго онъ написалъ къ бывшему своему начальнику (въ двадцать годахъ) генералу Ермолову извѣстное письмо, въ которомъ, снивая состояніе войскъ на кавказской линіи во времена Ерлова съ тѣмъ, что онъ видѣлъ тамъ въ 1855 году, отдавалъ имущество войскамъ временъ Ермолова. Письмо это стало

вѣстнымъ въ Тифлисъ. Между прочимъ оно вызвало возраженіе полковника князя Дмитрія Ивановича Святополкъ-Мирскаго, состоявшаго тогда адъютантомъ при Намѣстникѣ, послѣ чего онъ уже не могъ болѣе оставаться на Кавказѣ подъ начальствомъ Муравьева и отправился въ Крымскую армію.

Многіе не оправдывали тогда возраженія кн. Святополкъ-Мирскаго противъ Муравьева, служившаго при Ермоловѣ и такъ, сказать, принадлежавшаго къ кавказскимъ героямъ Ермоловскаго времени. Объ этихъ войскахъ генералъ-адъютантъ графъ Дибичъ (Забалканскій), на возвратномъ пути изъ Грузіи въ Россію, сказалъ генералу Сабанѣву, встрѣтивъ его на кавказской линіи: „послѣ того порядка, въ которомъ Ермоловъ оставилъ край (Грузію) и того Екатерининскаго и Суворовскаго духа, который царилъ тогда въ тамошнихъ войскахъ, легко было Паскевичу пожинать лавры“.

Въ дѣйствительности войска въ 1855 году были ничуть не хуже временъ Ермоловскихъ, но возраженіе со стороны штабъ-офицера, состоявшаго при этомъ Намѣстникѣ, было неумѣстно противъ военной дисциплины, нарушеніе которой могло возбудить преслѣдованіе, если-бы того захотѣлъ Муравьевъ.

Наконецъ получено было извѣстіе, что генералъ Муравьевъ выѣхалъ изъ Владикавказа въ Тифлисъ. Не доѣзжая Душета, за четыре станціи до Тифлиса, его догналъ курьеръ изъ Петербурга съ печальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Императора Николая. Муравьевъ поторопился пріѣздомъ въ Тифлисъ. Слѣдуетъ замѣтить, что на Кавказѣ никто не вѣрилъ этой горестной истинѣ, полагая невозможнымъ смерть грознаго и справедливаго Монарха, котораго всѣ обожали и считали чуть не безсмертнымъ. Надо было видѣть тогда печаль и скорбь кавказцевъ всѣхъ сословій и всѣхъ исповѣданій. Надо было видѣть церкви всѣхъ исповѣданій, въ которыхъ жители рыдали, ставя свѣчи предъ образами и молясь за упокой души обожаемаго Государя. Тифлисскія мечети каждый день были полны народомъ, мусульмане молились въ нихъ за упокоеніе души Великаго Падышаха, котораго считали идеаломъ могущества и славы.

На долю Муравьева, по пріѣздѣ его въ Тифлисъ, выпала печальная обязанность объявить объ этомъ грустномъ событіи войску и народу. Многіе считали это дурнымъ предзнаменованіемъ для новаго начальника, а суровое его обращеніе съ чиновнымъ персоналомъ еще болѣе способствовало такому впечатлѣнію. Всѣ стали вспоминать о прежнихъ порядкахъ вре-

мень бывшего намѣстника кн. Воронцова, обходившагося со всѣми вѣжливо и любезно.

Какъ сказано выше, я былъ тогда въ Гори; слухи о Муравьевѣ изъ Тифлиса доходили и туда; я полагалъ, что новый Главнокомандующій непременно захочетъ осмотрѣть дѣйствовавшіе отряды: Гурійскій и Ахалцихскій, расположенные первый у береговъ Чернаго моря, а второй въ Ахалцихѣ около тогдашней турецкой границы. Дорога туда изъ Тифлиса вела въ Горійскій уѣздъ, поэтому я, по званію уѣзднаго начальника, долженъ былъ встрѣтить его на границѣ уѣзда, приготовить квартиру для него въ Гори, затѣмъ проводить его до границы Кутаисской губерніи и ждать въ Сурамѣ обратнаго его проѣзда, чтобы проводить затѣмъ въ Ахалцихѣ и, выждавъ его возвращенія у станціи Страшный Окопъ, на границѣ уѣзда, сопровождать его чрезъ Гори въ Тифлисъ. Всѣ эти ожиданія и соображенія меня чрезвычайно тревожили, такъ какъ тогда телеграфовъ не было и я не могъ опредѣлить времени выѣзда генерала Муравьева изъ Тифлиса, а затѣмъ меня тревожила мысль о томъ, какова-то будетъ наша встрѣча.

Между тѣмъ я получилъ отъ губернатора предписаніе съ извѣстіемъ о кончинѣ Императора Николая и о восшествіи на престолъ Александра II и немедленно распорядился о приводѣ всѣхъ жителей къ присягѣ на вѣрность Государю Александру Николаевичу. Для этого я назначилъ въ горійскихъ церквахъ трехъ вѣроисповѣданій молебствія съ такимъ расчетомъ, что, кончивъ въ православной церкви обрядъ привода къ присягѣ православныхъ, отправился я въ армянскую церковь и, по окончаніи тамъ этого обряда, отправился въ католическую церковь, и, такимъ образомъ, лично находился во всѣхъ трехъ церквахъ при молебствіяхъ и при приводѣ всѣхъ жителей къ присягѣ. Присяжные листы я потомъ представилъ по принадлежности.

Много было тогда разсказовъ о новомъ начальникѣ края; между прочимъ разсказывали, что когда, послѣ пріѣзда его въ Тифлисъ, представлялись ему всѣ чины военного и гражданскаго вѣдомства, то онъ каждого изъ нихъ разспрашивалъ очень обстоятельно о службѣ. Когда онъ дошелъ до членовъ совѣта Намѣстника или Главнаго Управленія, то обратился къ нимъ съ вопросомъ; „чѣмъ они занимаются въ совѣтѣ?“—Они затруднились отвѣтомъ и молчали; тогда одинъ изъ нихъ, Андрей Францовичъ Десимонъ (бывшій директоромъ канцеляріи Намѣстника во времена Главноуправляющаго Головина) отвѣтилъ прямо: „почти ничего не дѣлаемъ, ваше высокопревосходительство; мы въ

недѣлю разъ собираемся въ совѣтъ, потолкуемъ кое-о-чемъ, выслушаемъ докладъ правителя канцеляріи и затѣмъ расходимся до другого засѣданія“.

— Спасибо за откровенность!—сказалъ ему Муравьевъ.

„Прежде, при прежнихъ Главноуправлявшихъ, до 1841 г., вмѣсто этого совѣта существовало общее собраніе верховнаго грузинскаго правительства; тогда здѣсь открывались разныя правительственныя учрежденія, возникали безпрестанно вопросы по разнымъ вѣдомствамъ, требовавшіе обсуждения и разрѣшенія, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ края; подобные вопросы разрѣшались быстро и рѣшенія эти утверждались Главноуправляющимъ. Это общее собраніе подъ предсѣдательствомъ губернатора почти ничего не стоило казнѣ, потому что членами его были всѣ предсѣдатели и члены губернскихъ учреждений и начальники отдѣльных частей. Докладчиками являлись представители того вѣдомства, въ которомъ возникалъ данный вопросъ, его обсуждали и разрѣшали всѣ члены или представители административныхъ и судебной частей. Теперь, когда всѣ вопросы почти разрѣшены по гражданскому управленію на Кавказѣ, странно имѣть совѣтъ съ членами, которые обходятся казнѣ очень дорого, для того лишь, чтобы ничего не дѣлать. Не понимаю этого!“—высказалъ Николай Николаевичъ Муравьевъ въ одной бесѣдѣ.

Слухи какъ объ этомъ, такъ обо всемъ касающемся новаго Намѣстника, приходили и въ Гори почти ежедневно, но большею частью въ преувеличенномъ видѣ. Я все ждалъ, что онъ, до отъѣзда въ Карсъ, посѣтитъ Гурійскій и Ахалцихскій отряды. Хотя воображеніе представляло мнѣ грозный видъ Главнокомандующаго Муравьева, но отличное состояніе уѣзда давало все-таки надежду, что, несмотря на суровость Муравьева, онъ будетъ справедливъ и никакой непріятности мнѣ не сдѣлаетъ.

Мое ожиданіе оправдалось. Въ началѣ апрѣля съ нарочнымъ получилъ я предложеніе начальника главнаго штаба кн. А. И. Барятинскаго (впослѣдствіи Намѣстника кавказскаго и фельдмаршала) встрѣтить и проводить Главнокомандующаго генерала Муравьева, который выѣзжалъ изъ Тифлиса на другой день.—Я немедленно послалъ участковаго засѣдателя на Ксанскую почтовую станцію для встрѣчи его у рѣки Ксанки, границы уѣзда, а самъ поскакалъ на слѣдующую затѣмъ Чальскую почтовую станцію, и, осмотрѣвъ лошадей, сбруи и ямщиковъ, выбралъ лучшихъ для поѣзда Главнокомандующаго. Со мною выѣхалъ и

начальникъ дорожной дистанціи полковникъ путей сообщенія Кахановъ, который также долженъ былъ встрѣтить Главнокомандующаго и представиться ему. Около часу дня пріѣхалъ туда товарищъ директора канцеляріи (впослѣдствіи, начальникъ Главнаго Управленія Намѣстника при князѣ Барятинскомъ) Алексѣй Ѳеодоровичъ Крузенштернъ. Онъ улыбнулся, увидя меня, и подшутилъ, что его приняли вѣроятно за Муравьева. Онъ меня зналъ давно, еще при бывшихъ Главноуправляющихъ генералѣ Головинѣ и генералѣ Нейдгардтѣ и, наконецъ, при князѣ Воронцовѣ; онъ спросилъ: „есть-ли у меня рапортъ (почетный) Намѣстнику“?—Муравьевъ не любилъ формальныхъ рапортовъ съ казенными фразами о благополучномъ состояніи уѣзда, и потому я составилъ рапортъ иначе. Крузенштернъ внимательно прочелъ все содержаніе его, гдѣ излагались слѣдующія свѣдѣнія: краткое статистическое описаніе уѣзда, названіе полицейскихъ участковъ, число жителей, количество податей и земскаго сбора, городскіе доходы, недоимки городскія и земскія, число арестантовъ, почтовыхъ станцій и число троекъ на каждой, всѣ военныя части и учрежденія гражданскаго вѣдомства, которыя въ это время паходились въ Гори и уѣздѣ по случаю войны, уѣздное и духовное училища съ числомъ учениковъ въ нихъ; таможенныя правленія—Редуткальское и Сухумское съ карантинно-таможенными заставами: очемчирскимъ, озургетскимъ и николаевскимъ, которыя по военнымъ обстоятельствамъ переведены были въ Гори съ береговъ Чернаго моря на случай скорѣйшаго открытія въ тѣхъ-же мѣстахъ таможенныхъ дѣйствій по заключенію мира и пр. Крузенштернъ, возвративъ мой рапортъ, сказалъ, чтобы я подалъ его Муравьеву непременно, что ему это очень понравится, такъ какъ рапортъ былъ составленъ въ его духѣ.—Мнѣ было пріятно слышать это отъ Крузенштерна. Онъ уѣхалъ далѣе въ Гори, гдѣ при вѣздѣ долженъ былъ встрѣтить его полицейскій офицеръ Габунія и провести прямо на квартиру.

Спустя нѣкоторое время пріѣхалъ самъ Главнокомандующій. Какъ только коляска остановилась на станціи, я тотчасъ подошелъ къ нему, отрапортовалъ ему почтительно о благосостояніи ввѣреннаго мнѣ уѣзда и подалъ рапортъ.—Генералъ Муравьевъ развернулъ его и, сидя въ коляскѣ, началъ читать, изредка взглядывая на меня. Я стоялъ молча. Помощникъ уезднаго засѣдателя, Яссе Павленевъ, суетился уже около лошадей, которыхъ выводили для экипажа Намѣстника. Окончивъ чтеніе рапорта (почти въ три листа), Муравьевъ, видимо дово-

ный, передалъ его затѣмъ адъютанту своему полковнику Каханову (брату упомянутого выше инженера). „Вы, кажется, недавно здѣсь!“ сказалъ онъ мнѣ. „Точно такъ, ваше высокопревосходительство—отвѣчалъ я. „Вы были раньше въ Тифлисскомъ уѣздѣ; я знаю; очень хорошо“!—продолжалъ онъ и съ этими словами сошелъ съ экипажа.

„У васъ, вижу, хорошая дорога“, сказалъ онъ обратившись ко мнѣ, „я пройду съ пѣшкомъ“, и съ этими словами онъ направился по дорогѣ.

Апрѣльское солнце было еще высоко, но далеко за полдень. Чудная весенняя погода, ясное голубое небо, обширная Тирипонская равнина, вся покрытая зеленью хлѣбовъ, пріятный тихій вѣтерокъ, волновавшій море зелени, располагали къ пріятному настроенію. Видимо, оно овладѣло и Муравьевымъ. Я слѣдовалъ за нимъ.—„А вы со мною ѣдете?“ спросилъ онъ. „Точно-такъ, ваше высокопревосходительство“. „Очень пріятно! Знаете ли, что эти поля мнѣ знакомы“, сказалъ онъ; „онѣ такъ же хороши, какъ были при мнѣ во времена генерала Ермолова“. Въ это время подъѣхала коляска; онъ сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ далѣе.

При вѣздѣ въ Гори я опередилъ экипажъ Главнокомандующаго, чрезъ базарную улицу пріѣхалъ къ назначенной для него квартирѣ въ домѣ почетнаго гражданина Теръ-Степанова и у подъѣзда вновь встрѣтилъ его. Было еще свѣтло. Городскіе жители, собравшіеся здѣсь, снимали шапки и привѣтствовали громко пожеланіями здравія и пр. Онъ поклонился имъ, улыбаясь, какъ своимъ старымъ знакомымъ. У подъѣзда ему представлялись генераль-отъ-инфантеріи, ветеранъ персидской и турецкой кампаніи 1826—1829 года, сенаторъ князь Георгій Эристовъ и братъ его кн. Торникій Эристовъ, предводитель дворянства, князья, дворяне и почетные городскіе жители, равно всѣ чины военные и гражданскіе, находившіеся въ Гори.—Съ князьями Эристовыми Н. Н. Муравьевъ разцѣловался какъ съ давнишними пріятелями. Съ кн. Георгіемъ онъ служилъ вмѣстѣ во время персидской кампаніи 1827 года, когда кн. Эристовъ командовалъ особымъ отрядомъ, съ которымъ онъ взялъ Эривань, столицу Персіи. При немъ тогда Муравьевъ былъ въ штабѣ. А Торникія зналъ онъ, во времена бывшаго главнокомандующаго генерала Ермолова, когда пріѣзжалъ въ Гори гостить къ полковому командиру Попову, который женился тогда на дочери Торникія. Н. Н. Муравьевъ, улыбаясь, напомнилъ генералу Эристову, что во время персидской кампаніи, при взя-

тии Тавриза, онъ былъ начальникомъ его, Муравьева, а спустя тридцать лѣтъ почти самъ Муравьевъ теперь Намѣстникомъ Кавказа.—Князь Эристовъ отвѣтилъ, что „свѣтъ-колесо; тѣ, которые помѣщаются сегодня внизу, завтра подымаются на высоту. Таковъ законъ судьбы, ваше высокопревосходительство. Прежде я былъ вашимъ начальникомъ, а теперь вы мой начальникъ и я радъ отъ души, что пришлось мнѣ вновь видѣть васъ!“—Муравьевъ обнялъ его и, простившись со всѣми, вошелъ въ свою комнату. Тамъ представился ему состоявшій при Намѣстникѣ инженеръ-генералъ Андрей Степановичъ Санковскій, который въ это время производилъ слѣдствіе по дѣлу объ обрушившихся двухъ каменныхъ мостахъ на Курѣ, изъ коихъ одинъ строился у города Гори, а другой около деревни Скра, называвшійся скрейскимъ мостомъ. Строителемъ этихъ мостовъ былъ архитекторъ, состоявшій при канцеляріи Намѣстника кавказскаго Эдвинъ Райсъ, родомъ англичанинъ, но совершенно обрусѣвшій и пользовавшійся покровительствомъ бывшаго Намѣстника кн. Воронцова. По докладѣ Н. Н. Муравьеву обстоятельствъ дѣла, онъ потребовалъ меня.

„Эти мосты при васъ обрушились“, сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ, и „вы такъ равнодушны къ этому событію; вы знаете, что строитель ихъ англичанинъ, который до сихъ поръ не заарестованъ“!...

„Мосты обрушились, ваше высокопревосходительство, прежде, до моего назначенія сюда, въ Горійскій уѣздъ; слѣдствіе производится генераломъ Санковскимъ, а я исполняю всѣ его требованія по сему дѣлу. Райса я не имѣю права ни арестовать, ни задержать, потому что онъ архитекторъ-чиновникъ канцеляріи Намѣстника Кавказскаго“!..

„Вотъ этого не доставало! Какъ-же онъ чиновникъ канцеляріи?“—спросилъ Муравьевъ, обратившись къ генералу Санковскому, который подтвердилъ мои слова. Я молчалъ.—„Гдѣ онъ теперь?“—спросилъ меня Муравьевъ.

„Въ Боржомѣ, ваше высокопревосходительство,—отвѣтилъ я, „онъ живетъ тамъ въ своемъ домѣ!“—„Какъ въ своемъ домѣ?“—замѣтилъ Николай Николаевичъ. „Развѣ вы не замѣчаете, что онъ живетъ близко къ границамъ, чтобы улизнуть, обрушивъ нарочно два моста, которые теперь, по военнымъ обстоятельствамъ, крайне необходимы. Вѣдь это въ интересахъ англичанъ сдѣлано!—Я вамъ приказываю сегодня-же распорядиться взять этого Райса изъ Боржома и доставить въ Тифлисъ. Смотрите, чтобы онъ не удралъ!“...

„Слушаю, ваше высокопревосходительство, исполню во всей точности!“...

„Ну, смотрите!“—сказалъ онъ и отпустилъ меня.

Я обратился къ Крузенштерну, какъ товарищу директора канцеляріи и, рассказавъ подробно о приказаніи Намѣстника Муравьева, спросилъ: „куда прикажете сдать въ Тифлисъ г. Райса?“ Крузенштерну было непріятно это распоряженіе; онъ немного задумался и затѣмъ сказалъ, чтобы Райса просто доставили въ канцелярію Намѣстника и доложили-бы директору ея Михаилу Павловичу Щербинину (впослѣдствіи сенатору, Главноуправляющему по дѣламъ печати). При этомъ онъ написалъ письмо къ нему и передалъ его мнѣ для доставки. Я немедленно, въ тотъ-же вечеръ, командировалъ помощника своего князя Луарсаба Аргутинскаго въ Боржомъ, поручивъ ему объявить Райсу о приказаніи Главнокомандующаго пригласить его въ Гори и затѣмъ въ Тифлисъ, куда и былъ онъ доставленъ, о чемъ я донесъ впослѣдствіи, адресуя рапортъ на Бѣлогорскую почтовую станцію, согласно приказанію Муравьева. Г. Райсъ поселился въ Тифлисъ, и, конечно не былъ арестованъ.

На другой день утромъ Муравьевъ принималъ доклады отъ Крузенштерна въ кабинетѣ, гдѣ онъ съ ранняго утра уже занялся дѣлами. Не зная къ какому времени надо было мнѣ распорядиться касательно почтовыхъ лошадей для обратнаго проѣзда Намѣстника изъ Кутаисской губерніи въ Сурамъ, я спросилъ объ этомъ Крузенштерна. Онъ отвѣчалъ незнаніемъ и предложилъ обратиться къ адъютанту Главнокомандующаго Каханову. Этотъ въ свою очередь отозвался незнаніемъ и спросилъ, для чего мнѣ надо это свѣдѣніе. „Если я не буду знать о времени вашего проѣзда въ Сурамъ изъ Гурійскаго отряда или изъ Имеретіи, сказалъ я, то для васъ почтовыхъ лошадей не будетъ, потому что я на почтовыхъ отправляю орудія, ружья и другіе сняряды въ отряды, независимо отъ курьеровъ и нарочныхъ, которыхъ я не могу задерживать. Я долженъ знать о вашемъ проѣздѣ, чтобы, не останавливая ихъ, заготовить и для васъ лошадей“.

„Да Главнокомандующій никому не объявляетъ о времени выѣзда и проѣзда. Такъ у него принято“—отвѣчалъ мнѣ Кахановъ.

„Какъ вамъ угодно; а если лошадей не будетъ для Главнокомандующаго я не виноватъ, потому что лишенъ возможности сдѣлать своевременныя распоряженія!“

„Хорошо,—сказалъ Кахановъ,—пойду доложу!“—Я слушалъ

изъ-за дверей, опасаясь грозы.—Муравьевъ, выслушавъ Каханова, сказалъ вдругъ громко: „Это къ чему; къ чему это любопытство уѣзднаго начальника?“—Я, признаться, немного струсилъ; Кахановъ повторилъ то, что я ему сказалъ на счетъ экстренныхъ проѣздовъ и затрудненій на станціяхъ.—„Ну это другое дѣло!“—сказалъ Муравьевъ, „уѣздный начальникъ правъ; вотъ маршрутъ, покажите ему“.—Я отошелъ отъ дверей, Кахановъ вынесъ маршрутъ, по которому узналъ о времени обратнаго ихъ пріѣзда въ Сурамъ.—„Это секретъ,“ сказалъ мнѣ Кахановъ, „знайте, что Главнокомандующій собственно для васъ сдѣлалъ исключеніе, а то никто предварительно не знаетъ о времени его выѣзда и пріѣзда“.—

Около десяти часовъ утра Главнокомандующій выѣхалъ изъ Гори въ Кутаисъ, приказавъ мнѣ представить ему на бумагѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, адресуя прямо на его имя на Бѣлогорскую почтовую станцію Кутаисской губерніи, чтобы онъ засталъ пакетъ тамъ на возвратномъ пути. Сверхъ того велѣлъ не провожать его далѣе, такъ какъ, по его словамъ, у меня было много дѣлъ по случаю раздачи денегъ аробщикамъ для перевозки провіанта въ Кутаисъ.—Оказалась, что онъ лично и чрезъ посланныхъ секретно узнавалъ, сколько каждый изъ аробщиковъ получалъ наемныхъ денегъ за арбу. Остановливая, случайно встрѣчавшіяся ему по дорогѣ, арбы отъ Ксанки до Чалы и отъ Гори до Сурама, онъ спрашивалъ каждого встрѣчнаго аробщика, идетъ-ли онъ въ маѣ мѣсяцѣ въ Кутаисъ и сколько получить за то денегъ; всюду ему отвѣчали всѣ, то „*по четыре тумана*“ т. е. по сорока руб.

По маршруту Муравьевъ долженъ былъ по возвращеніи изъ Гурійскаго отряда или изъ Кутаиса повернуть изъ Сурама въ Ахалцыхъ для осмотра Ахалцыхскаго отряда и потому до времени обратнаго его пріѣзда я отправился въ Боржомъ, чрезъ который идетъ дорога, приготовить тамъ квартиры какъ для него, такъ и для его свиты и, сдѣлавъ такъ надлежащее распоряженіе о чистотѣ и опрятности въ Боржомѣ и осмотрѣвъ почтовые станціи, я выѣхалъ обратно въ Сурамъ и затѣмъ на одинъ день въ Гори узнать о дальнѣйшихъ въ мое отсутствіе дѣйствіяхъ по найму аробъ.

Въ Гори въ тотъ же день я получилъ съ нарочнымъ предписаніе, что Главнокомандующій Муравьевъ не заѣдетъ уже въ Ахалцыхъ, а поѣдетъ въ Тифлисъ, но не по почтовому тракту чрезъ Гори, какъ-бы слѣдовало, а по проселочной дорогѣ изъ Сурама чрезъ мѣсто Цхвинвалъ. Я тотчасъ распорядился от

править въ Цхинвалъ и въ сел. Квешъ почтовыхъ лошадей со всѣми принадлежностями изъ Горійской и Чальской почтовыхъ станцій и самъ также выѣхалъ въ Цхинвалъ приготовить квартиру для Намѣстника и свиты его и, распорядившись о чистотѣ и опрятности мѣстечка и его жителей для приѣма Главнокомандующаго и затѣмъ, осмотрѣвъ всю проселочную дорогу, вновь отправился въ Сурамъ ожидать его приѣзда изъ Кутаиса къ 26 апрѣлю 1855 года, отославъ заранѣе на его имя на Бѣлогорскую почтовую станцію рапортъ съ подробнымъ объясненіемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ требовалъ отъ меня еще въ Гори.

Генераль-лейтенантъ кн. Иванъ Багратіонъ - Мухранскій командовалъ тогда Гурійскомъ отрядомъ и наблюдалъ въ особенности за Абхазією, владѣтеля которой, Михаила Шервашидзе, онъ считалъ человѣкомъ не вполне преданнымъ Россіи.

„За Кутаисъ я не боюсь“, — сказалъ Главнокомандующій Муравьевъ, когда онъ обозрѣлъ возвышенности Кутаиса, *Зекеду* и далѣе развалины древняго кутаисскаго храма, крѣпости и дворцы прежнихъ грузинскихъ царей. — „Эти высоты, которыя командуютъ всею долиною Ріона, — естественная крѣпость! Сюда непріятель не осмѣлится подойти; ущелье-же Ріона самое лучшее и безопасное мѣсто для ретираты (отступленія) войска на сѣверъ къ Рачѣ и къ перевалу чрезъ Кавказскій хребетъ или въ Горійскій уѣздъ чрезъ Сачхеръ и Бугоульскую дорогу; непріятель ни въ какомъ случаѣ не осмѣлится рискнуть вступить въ Ріонское ущелье на свою гибель“.

Передовой нарочный возвѣстилъ о скоромъ приѣздѣ Намѣстника и дѣйствительно вскорѣ онъ приѣхалъ на Сурамскую почтовую станцію. — Я вновь отрапортовалъ ему о благостояніи уѣзда, но онъ, улыбнувшись, возразилъ: „не совѣмъ-то благополучно“. Я ничего не могъ на это отвѣтить; но, замѣтивъ, что я встревожился такимъ замѣчаніемъ Намѣстника, онъ сказалъ мнѣ: „какіе-то осетины вашего уѣзда подали мнѣ жалобу на дорогѣ, и на вопросъ мой, они отвѣтили, что объ этой жалобѣ они вамъ не заявляли, но такъ какъ я нахожу, что жители вѣреннаго вамъ уѣзда не должны подавать мнѣ жалобы помимо васъ, то я вамъ приказываю этихъ осетинъ арестовать за это при сельскомъ управленіи на три дня, а старшину сурамскаго арестовать въ Гори за то, что допустилъ тѣхъ осетинъ ко мнѣ съ жалобою, не доложивъ объ этомъ предварительно вамъ!“.

„Слушаю-съ, ваше высокопревосходительство“, — отвѣтилъ я. Онъ затѣмъ расположился на почтовой станціи, гдѣ былъ приготовленъ для него обѣдъ. Его сопровождалъ изъ Кутаиса кн. Не-

сторъ Церетели, который, во время разъѣздовъ Главнокомандующаго по Кутаисской губерніи, находился при немъ. Князя Нестора, бывшаго моего ученика, я оставилъ въ Кутаисѣ очень еще молодымъ за двѣнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, когда я оставилъ службу въ Кутаисѣ и перешелъ въ Тифлисъ на новую должность. Онъ бросился обнимать меня; мнѣ очень пріятно было видѣть этого прекраснаго молодого человѣка, умнаго, мужественнаго, расторопнаго, живого, обратившаго на себя вниманіе Главнокомандующаго въ Гурійскомъ отрядѣ. Онъ теперь въ Кутаисѣ, генераль-маіоромъ свиты Его Величества, Губернскимъ Предводителемъ дворянства. Принадлежа къ первой фамиліи въ губерніи, онъ весьма уважаемъ какъ начальствомъ, такъ и населеніемъ.

Пока генераль Муравьевъ обѣдалъ, я распоряжался на счетъ обѣда остальныхъ его людей и приготавлилъ лошадей для экипажей къ отъѣзду. Какъ только онъ кончилъ обѣдъ, меня потребовали къ нему. Онъ сидѣлъ въ креслахъ и курилъ трубку.—„Я получилъ вашъ рапортъ на Бѣлогорской почтовой станціи“,—сказалъ онъ мнѣ, „свѣдѣнія, вами доставленныя, весьма удовлетворительны!“.

Я ничего не отвѣчалъ. „Вы служили прежде въ Имеретіи (Кутаисская губернія)?—спропилъ онъ. „Точно такъ, ваше высокопревосходительство!“—отвѣтилъ я.—„Я знаю“, продолжалъ онъ, „вы, кажется, хорошо знаете Кутаисскую губернію?“. Я ничего не отвѣтилъ, а только всглянулъ на Алексѣя Ѳеодоровича Крузенштерна, который улыбнулся мнѣ и который, какъ видно было, сообщилъ Муравьеву о прежней моей службѣ въ Имеретіи.—„У васъ есть сюртукъ съ собою?“—спросилъ Муравьевъ. Я былъ все время въ мундирѣ.

„Есть, ваше высокопревосходительство!“—отвѣтилъ я.

„Въ такомъ случаѣ снимите мундиръ, надѣньте сюртукъ и такъ будете провожать меня!“—Я поклонился низко, принявъ это приказаніе за знакъ особаго благоволенія.

„Какъ у васъ идетъ наемъ аробъ для перевозки провіанта въ Кутаисъ?“—спросилъ онъ.

„Весьма успѣшно, ваше высокопревосходительство!“

„Получаютъ-ли аробщики сполна деньги?“

„До копѣйки, ваше высокопревосходительство“.

„Я вѣрю, что это было тогда, когда вы сами раздавали; а теперь, когда вы здѣсь со мною, кто раздаетъ деньги и сполна ли раздаетъ?“

„Теперь раздаетъ мой помощникъ и раздаетъ сполна, ваше высокопревосходительство“.)

„Почему же вы знаете, что сполна“, спросилъ онъ, „а можетъ быть не сполна“!

„Не смѣть, ваше высокопревосходительство“—отвѣтилъ я быстро и рѣзко,—„помощникъ мой знаетъ хорошо, что отъ меня ничто не скроется и что съ нимъ перемониться не буду. Да кромѣ того онъ выдаетъ деньги въ присутствіи адъютанта главнаго штаба полковника Лорисъ Меликова и совѣтника губернскаго правленія и потому не смѣетъ не выдавать денегъ аробщикамъ сполна“.

Муравьевъ улыбнулся при моемъ рѣзкомъ отвѣтѣ и добавилъ, что онъ вѣритъ. Затѣмъ, спустя немного, спросилъ: откуда я родомъ, живѣ-ли отецъ мой, служилъ-ли онъ. Когда я сказалъ, что отецъ мой служилъ въ Тифлисѣ еще при бывшихъ Главнокомандующихъ Ртышевѣ, Ермоловѣ, и Паскевичѣ, генералъ Муравьевъ задумался и сказалъ, что онъ не помнитъ.

„Мнѣ сказали, что вы хорошо знаете край; поэтому надѣюсь, что дѣла у васъ по уѣзду пойдутъ хорошо, но, все-таки, повторяю и приказываю объявить всѣмъ, чтобы никто не смѣлъ подавать мнѣ прошенія помимо васъ и чтобы подобныя прошенія подавали вамъ, какъ ближайшему начальнику, и вы представляли-бы мнѣ; слышите, смотрите!“...

„Слушаю-съ, ваше высокопревосходительство, отвѣтилъ я—преклонившись и когда затѣмъ, на вопросъ его, доложилъ, что лошади готовы, „Въ такомъ случаѣ поѣдемъ“, сказалъ онъ, обратившись къ Крузенштерну и Каханову и вышелъ къ экипажу.

Я сѣлъ въ телѣжку и на пути, уже во время ѣзды, снялъ мундиръ, такъ что на слѣдующей Гаргаребской почтовой станціи былъ я уже въ сюртукѣ. Туда мы пріѣхали въ шестомъ часу вечера. Эта станція расположена на плоской возвышенности, у подошвы которой внизу протекаетъ Кура, принимая съ лѣвой стороны тутъ-же р. Пца. Обширный горизонтъ небосклона представляется предъ глазами. Хорошая весенняя погода, закатъ солнца, которое освѣщало всю окрестность, а вдали Боржомское ущелье и цѣпь горъ Циціановскихъ и Абашидзеыхъ съ юго-востока, которыя тянутся оттуда по направленію къ Тифлису, къ сѣверу же кавказскія громады, покрытыя снѣгомъ, а ближе предгорія Кавказа, которыя въ свою очередь окаймляютъ обширную долину, придавали живописный видъ и, казалось, привели Главнокомандующаго въ хорошее расположеніе духа. Пока заклады-

вали лошадей и приготавливали экипажи, онъ занимался дѣлами, принимая доклады отъ Крузенштерна. Онъ это дѣлалъ на всѣхъ почти почтовыхъ станціяхъ въ ожиданіи лошадей. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, я подалъ маршрутъ отъ Гаргоребской станціи до Чальской по проселочной дорогѣ, по которой надо было ѣхать, съ обозначеніемъ пятнадцати деревень и разстояній ихъ другъ отъ друга и съ отмѣткою противъ деревни *Земо-Никози*, что тамъ старая соборная епископская церковь, изъ тесаннаго камня съ развалинами монастыря, гдѣ еще при грузинскихъ царяхъ и въ началѣ русскаго здѣсь правленія была архіерейская кафедра подъ названіемъ *Никазели*. Ночлегъ былъ назначенъ въ Цхинвалъ и затѣмъ на слѣдующій день переправа чрезъ Малую Ліахву въ бродъ и перемѣна подставныхъ почтовыхъ лошадей на поляхъ въ селеніяхъ Плависмани и Квеша, куда было переведено много лошадей изъ Горійской почтовой станціи. Обо всемъ этомъ я доложилъ и лично при подачѣ маршрута. Муравьевъ принялъ его, прочелъ со вниманіемъ и сказалъ, улыбувшись: „спасибо, это хорошо“.—Затѣмъ, взглянувъ на развалины, на противоположной горѣ, за Курою, около расположенной тамъ деревни кн. Циціановыхъ, спросилъ: „Какія эти развалины“?

„Это развалины церкви и замка временъ царицы Тамары“, отвѣчалъ я.

„Ну, батюшка, у васъ всѣ древнія развалины приписываютъ царицѣ Тамарѣ, а между ними, мнѣ кажется, есть и такія, о которыхъ она вовсе и не думала“, сказалъ онъ улыбувшись.

Дорога шла между деревнями, которыя появлялись и исчезали за нами. Мы проѣхали деревни: Саголашени, Брети, Дзлевисъ-Джвари, Келкпеули, Квемохвити, Земохвити, Никози, гдѣ находится упомянутая выше церковь, и къ вечеру пріѣхали мы въ Цхинвалъ. Экипажи остановились у входа въ длинные, узкіе ряды лавокъ, покрытыхъ досчатою крышею и расположенныхъ по сторонамъ единственной улицы. За лавками находились обывательскіе дома съ переулками, лавки были открыты и освѣщены. Никогда цхинвальскіе жители не могли и думать, что Главнокомандующій и Намѣстникъ когда-либо пріѣдетъ въ Цхинвалъ ночевать. Когда Муравьевъ подошелъ къ строеніямъ, то остановился и долго смотрѣлъ на старыя, мелкія, освѣщенные лавки, гдѣ у прилавка стояли ихъ хозяева въ праздничныхъ платьяхъ. Обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ: „Видите ли эти старыя лавки? Я засталъ вашъ Тифлисъ въ такомъ видѣ въ 1816 году!“.

Онъ расположился на приготовленной для него квартирѣ и немедленно началъ заниматься дѣлами, слушая доклады. Вслѣдъ за тѣмъ адъютанту его Желтухину велѣно было быть готовымъ отправиться въ Тифлисъ курьеромъ съ бумагами, а мнѣ приказали дать ему почтовую тройку и проводниковъ. Мнѣ это показалось страннымъ. Ночь была темная, облака нависли надъ нами и увеличивали темноту. Я просилъ полковника Каханова доложить Главнокомандующему, что я не ручаюсь за благополучный проѣздъ адъютанта Желтухина въ эту темную ночь по проселочной дорогѣ, по которой предстояло переправиться въ бродъ чрезъ рѣку Малую Лиахву, которая, разлившись отъ весеннихъ водъ, бушевала, опрокидывая громадные камни и гдѣ, при такой темнотѣ и быстромъ теченіи, невозможно было даже съ пловцами отыскивать бродъ. Полковникъ Кахановъ колебался доложить, зная суровость Главнокомандующаго, а когда я сказалъ, что въ такомъ случаѣ не отвѣчаю, если съ Желтухинымъ случится несчастіе и рѣка унесетъ его вмѣстѣ съ бумагами, тогда онъ рѣшился войти и робко доложить обо всемъ этомъ Муравьеву. Я ждалъ отвѣта въ передней. „Ежели уѣздный начальникъ не ручается, то въ такомъ случаѣ нечего дѣлать“, сказалъ онъ, „пусть Желтухинъ подождетъ до разсвѣта, а уѣздному начальнику прикажите отправить его какъ можно ранѣе, на разсвѣтъ“. Я успокоился и сдѣлалъ соотвѣтственное распоряженіе.

На другой день утромъ Главнокомандующій вышелъ къ собравшимся жителямъ, которые при его появленіи сняли шапки и низко поклонились. На его вопросъ, они отозвались, что все у нихъ благополучно и что очень многіе изъ нихъ готовятъ арбы для перевозки провіанта въ Кутаисъ.—Затѣмъ онъ приказалъ мнѣ представить ему милицію, одну часть которой я приготовилъ для отсылки въ Ахалцыхскій отрядъ, а другую въ Тушино-пшаво-хевсурскій округъ. Она была расположена у рѣки около моста и выстроена въ порядкѣ. Когда Главнокомандующій поздоровался съ милиціонерами, они отвѣтили крикомъ: „ура!“ Бодрый и молодецкій видъ изъ чрезвычайно понравился ему. Замѣтивъ у нихъ разнообразныя ружья, онъ спросилъ меня, откуда онѣ взялись. Я доложилъ, что многимъ изъ нихъ ружья были розданы мною изъ числа присланныхъ мнѣ изъ Тифлиса отъ военнаго губернатора 600 пѣхотныхъ ружей со штыками и что хотя были присланы губернаторомъ еще 700 ружей драгунскихъ, но онѣ, какъ негодныя для жителей, были отосланы назадъ въ Тифлисъ. Изъ боевыхъ же припасовъ, прислан-

ныхъ съ 3 ноября 1853 г. 28,610 боевыхъ патроновъ, 5½ пуд. поро-
ху, 2800 кремней и 30 пудовъ свинцу были розданы жителямъ
Горійскаго уѣзда для поголовнаго вооруженія и поэтому у ми-
ліонеровъ здѣшнихъ являются такія ружья. Часть ихъ ихъ бы-
ла отослана также завѣдывающему Боржомскимъ имѣніемъ для
вооруженія боржомскихъ поселенцевъ.—Подробный докладъ
обо всемъ этомъ очень понравился Главнокомандующему и на
заявленіе мое, что у большей части жителей нѣтъ собственныхъ
ружей—„Это значитъ“, сказалъ онъ—что въ краѣ было спокой-
но и жители привыкли къ мирному положенію; ихъ не трево-
жили больше, какъ въ старину, непріятельскія нашествія и по-
тому жители могли отвыкнуть отъ употребленія ружей. Оказы-
ваютъ-ли эти милиціонеры какую-либо пользу и умѣютъ-ли
стрѣлять?—Вѣдь ваши милиціонеры осетины бѣжали въ прош-
ломъ году изъ-подъ Ахалцыха!“—сказалъ онъ.—„Смѣю доложить,
ваше высокопревосходительство, что осетины мало оказали поль-
зы; но за то грузины, имеретины, гурійцы охотно идутъ на
войну и постоянно отличались храбростью противъ непріятеля
и скоро привыкаютъ къ мѣткой стрѣльбѣ, лишь-бы были хоро-
шія ружья; но наряжать, какъ теперь, въ милицію въ боль-
шомъ количествѣ жителей Горійскаго уѣзда, по моему мнѣнію,
не очень полезно, казна несетъ на нихъ большія издержки, а
было-бы, мнѣ кажется, полезнѣе половину этихъ милиціонеровъ
оставлять на мѣстѣ для внутренней службы по военнымъ по-
требностямъ и для хлѣбопашества, такъ какъ отъ недостатка
рабочихъ рукъ поля въ нынѣшнемъ году распаханы на поло-
вину меньше противъ прошлаго года и отъ этого цѣны на хлѣбъ
начинаютъ возвышаться“!—

„Это правда“, сказалъ онъ „но я не могу отмѣнить теперь
это распоряженіе о наборѣ милиціи, которое было уже сдѣлано
до моего пріѣзда; въ будущемъ году я велю не набирать ихъ.
По-моему лучше оставить ихъ для перевозочныхъ средствъ
края!.. Какъ вы думаете, адъютантъ мой Желтухинъ хорошо-ли
переправился чрезъ Ліахву“?

„Очень хорошо, ваше высокопревосходительство“! отвѣчалъ
я. „Провожатый вернулся уже и доложилъ мнѣ о благополучномъ
его проѣздѣ“.—

Увидя между жителями нѣкоторыхъ съ медалями, онъ
спросилъ меня: „кто они такіе“? „Здѣшніе евреи, ваше высок-
превосходительство“!..

„Какія это медали у нихъ?“

„За усердіе и за спасеніе погибавшихъ“.

„Они идутъ-ли въ милицію“?

„Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство, они занимаютъ вмѣсто себя грузинъ“.

„Знаютъ-ли они по-еврейски“?

„Никто изъ нихъ не знаетъ; они по своимъ торговымъ дѣламъ пишутъ по-грузински и въ домашнемъ быту говорятъ также по-грузински“!

Обратившись затѣмъ къ Крузенштерну и Каханову, Главнокомандующій сказалъ: „Я уѣзжаю изъ Горійскаго уѣзда спокойно. Я вижу, что перевозка провіанта въ Кутаисъ для Гурійскаго отряда пойдетъ успѣшно на здѣшнихъ арбахъ и что управленіе этимъ уѣздомъ въ хорошихъ рукахъ; я съ этой стороны спокоенъ и увѣренъ, что дѣла здѣсь пойдутъ хорошо“!

„Я почтительно поклонился генералу Муравьеву за такой лестный для меня его отзывъ.—Затѣмъ, улыбнувшись, сказалъ онъ мнѣ: „я васъ болѣе не задерживаю; вы поѣзжайте въ Гори; знаю, я что у васъ много дѣлъ и вы любите заниматься лично дѣлами; вы не будете провожать меня далѣе и поэтому я васъ освобождаю“!

„Дорога предстоитъ одна и та-же до почтовой станціи, ваше высокопревосходительство“, доложилъ я, поклонившись, „и потому позвольте проводить васъ до этой станціи!“—

„Пожалуй, мнѣ все равно, если желаете, но все-таки я васъ не задерживаю“!

Я поклонился и затѣмъ распорядился подать экипажи. Хотя я могъ уѣхать оттуда прямо въ Гори по другой кратчайшей дорогѣ, но я безпокоился на счетъ переправы его чрезъ Малую Ліяхву, куда я послалъ впередъ пловцовъ; да сверхъ того я хотѣлъ, чтобы лошади на подставѣ были бы въ исправности и чтобы провезти Намѣстника по проселочной дорогѣ благополучно, до почтовой станціи, до которой намъ предстояло проѣхать деревни: Дици, Корди, за которою уже бушевала разлившаяся бѣшеная Ліяхва, Карби, Кере, Плави, Плависмани, Квеша, Джваріашени, Адзви, Ахалубани или Малый Межрусхеви, Кирбали, Бершуети, Хурвалети, всего тридцать четыре версты отъ Цхинвала. Я зналъ, что по почтовому тракту и на слѣдующихъ почтовыхъ станціяхъ у меня все было исправно и менѣе безпокоился; но я безпокоился на счетъ проселочной дороги и потому хотѣлъ довести Главнокомандующаго до почтовой станціи благополучно. Подставныя лошади ожидали на поляхъ Плависмани и Квеша. Тѣмъ временемъ, пока закладывали лошадей, генераль

Муравьевъ началъ завтракать и предложилъ мнѣ закусить тоже. Была среда, онъ постничалъ. Я поклонился и взялъ кусокъ хлѣба и икры. У него была азарпеша серебряная, изъ которой онъ пилъ вино. Человѣкъ наполнилъ ее и Муравьевъ, держа въ рукѣ азарпешу, подалъ мнѣ, предложивъ выпить. Когда я протянулъ руку, чтобы взять ее, онъ повернулъ ее къ себѣ и выпилъ самъ.— „А что?“ сказалъ онъ, улыбнувшись, это по-вашему, по-грузински; вы думаете,—я не знаю? Эту азарпешу мнѣ подарилъ кн. Бебутовъ еще въ 1816 году и съ тѣхъ поръ я пью вино изъ нея“!

Человѣкъ налилъ вновь вино въ азарпешу, которую Муравьевъ все держалъ въ рукѣ и затѣмъ передалъ мнѣ. Я поклонился и выпилъ, передавъ азарпешу человѣку. Крузенштернъ и Кахановъ закусывали также: всѣ стоя среди поля. Я продолжалъ закуску отойдя отъ Муравьева. Онъ подошелъ ко мнѣ медленно и заговорилъ; я едва успѣлъ проглотить кусокъ, который былъ у меня во рту. „Какъ вы думаете?“ спросилъ онъ и пошелъ далѣе по полю, чтобы, какъ видно, другіе не слышали; я послѣдовалъ за нимъ. „Какъ вы думаете, нѣтъ-ли какого-либо ропота въ народѣ“?

„Никакого, ваше высокопревосходительство. Напротивъ, жители уѣзда, какъ дворяне, такъ и крестьяне, одинаково одушевлены истинною преданностью правительству, въ особенности въ эту войну“!

„Охотно-ли идутъ для перевозки провіанта?“ „Весьма охотно, ваше высокопревосходительство, безъ всякаго понужденія, потому что такой наемной платы никогда жители Горійскаго уѣзда не получали прежде. И такую плату, по 40 р. за арбу, жители приписываютъ особой милости правительства“.

„А въ Кутаисской губерніи нѣтъ такихъ перевозочныхъ средствъ, какъ въ Грузіи. Тамъ перевозка немножко труднѣе; въ бывали тамъ, вамъ эта губернія знакома“.

„Перевозка будетъ нѣсколько затруднительна, ваше высокопревосходительство, потому что изъ Грузіи арбы не могутъ идти туда зимою, а въ Имеретіи нѣтъ большихъ аробъ въ родѣ грузинскихъ; тамъ есть маленькія, какъ въ александропольскомъ уѣздѣ; но зато въ Кутаисской губерніи весь Шорапанскій уѣздъ, равно и Рачинскій и часть Кутаисскаго изъ сел. Хс Свири и друг. могутъ выставить вьючныхъ лошадей. Зимою ихъ можно перевезти провіантъ въ Кутаисъ изъ Сурама, а Сурамъ можно доставлять на грузинскихъ арбахъ, такъ какъ аробщики далѣе Сурама не идутъ зимою, опасаясь потер

скотъ: онъ ѣсть зеленые листья кустовъ, которыя цвѣтутъ зимою и отъ которыхъ страдаетъ и издыхаетъ грузинскій скотъ“.

„Такъ поэтому-то сигнахскіе аробщики бросили провіантъ въ Сурамъ въ прошломъ году“?

„Точно такъ. Сигнахцевъ не слѣдовало посылать сюда. Для сигнахцевъ, по народнымъ понятіямъ, Имеретія страна лихорадокъ и горячекъ. Никогда они не только въ Кутаисскую губернію, но даже въ Горійскій уѣздъ не ѣздятъ; поэтому гораздо лучше было бы ихъ оставить для Александрополя, который имъ хорошо знакомъ по доставкѣ соли въ мирное время и куда ѣздили транспортомъ и въ прошломъ году.“

„А изъ Делижана“?

„Сигнахцы охотнѣе пойдутъ въ Делижанъ, чѣмъ въ Имеретію, въ Кутаисъ. Въ Делижанѣ, гдѣ находятся наши склады, могутъ поднять провіантъ для доставки въ Александрополь на верблюдахъ демурчасальскіе и борчалинскіе жители, равно и казахскіе. Есть еще вьючный скотъ жителей горныхъ деревень борчалинскихъ — Шинихъ, Узунляръ, Чочканъ и другихъ, которыя находятся недалеко отъ Каменки или Джалалъ-Оглы, гдѣ находятся также наши склады и откуда, въ бытность мою на службѣ по Тифлисскому уѣзду, я распорядился въ началѣ прошлаго года, зимою, перевезти экстренно на тамошнихъ вьючныхъ быкахъ и на фургонахъ нѣмецкихъ колонистовъ провіантъ и фуражъ для драгунскихъ полковъ, которые были расположены тогда въ Башкичетахъ и Памбакъ“.

Такъ какъ Муравьева занимали очень перевозочныя средства, то онъ слушалъ меня со вниманіемъ и спросилъ, многоли будетъ вьючнаго скота для перевозки. Я доложилъ, что у всѣхъ жителей есть вьючный скотъ, безъ котораго они не могутъ обойтись, и что поэтому должно быть достаточно, судя по значительному числу народонаселенія около Джалалъ-Оглы, которое состоитъ все почти изъ армянъ.

Улыбка появилась на лицѣ Главнокомандующаго; эти свѣдѣнія были ему пріятны.

„Какъ по вашему“ — спросилъ онъ также съ улыбкою, „желательно-ли, чтобы война продолжалась“?

„Нѣтъ!“ — отвѣчалъ я быстро, „я-бы желалъ, чтобы она поскорѣе кончилась“.

„Въ такомъ случаѣ, вы желаете, чтобы я скорѣе оставилъ Кавказъ и уѣхалъ-бы отсюда!“ — сказалъ онъ.

Я немного былъ озадаченъ этими неожиданными словами Муравьева; но, не смущаясь, отвѣтилъ ему: „никакъ нѣтъ, ва-

ше высокопревосходительство, я желаю, чтобы заключеніе мира было связано съ пребываніемъ вашимъ здѣсь на радость населенію“!

„Нѣтъ, батюшка“,—отвѣтилъ онъ, улыбнувшись: „какъ только миръ будетъ заключенъ, я не останусь здѣсь; я скоро послѣ того уѣду отсюда“!..

Подали экипажи и къ 12 часамъ пріѣхали на Чальскую почтовую станцію. Тамъ перемѣнили лошадей. Я откланялся Главнокомандующему. Онъ также благосклонно простился, сказавъ мнѣ съ улыбкою: „прощайте, желаю вамъ успѣха“!—Я поклонился ему. Лошади тронулись. Онъ уѣхалъ въ Тифлисъ и затѣмъ въ Карсъ, въ дѣйствующую армію, и съ того времени мнѣ не приходилось его больше видѣть.

Впечатлѣніе, которое осталось во мнѣ отъ обращенія со мною Муравьева, отъ его распросовъ, врѣзалось въ память. Это было впечатлѣніе, произведенное человѣкомъ, въ которомъ заранѣе признаешь авторитетъ, возвышенный умъ, образованность, серіозность, твердость характера, терпѣливость—это свойство величайшихъ умовъ, способность выслушивать и начальствовать. Все это, по-моему, соединялось въ Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ. Вся неимовѣрная его дѣятельность по управленію и по веденію войны противъ турокъ дышала патріотизмомъ и единственною идеею и помышленіемъ о пользахъ края и о славѣ и величій Россіи.

Простившись съ нимъ на Чальской почтовой станціи, я пріѣхалъ въ Гори и работа у меня закипѣла. Я дѣятельно стѣдиль, чтобы изъ всѣхъ деревень одновременно выступили арбы въ Тифлисъ и Душетъ за правіантомъ. Надо дать, однако, справедливость всѣмъ жителямъ Горійскаго уѣзда. Начиная съ князей и дворянъ до крестьянъ, все пришло въ движеніе; перевезли провіанта въ Кутаисъ больше, чѣмъ было назначено, все это быстро, безъ порчи, безъ ущерба и даже безъ надзора провіантскихъ коммиссіонеровъ.

Я сказалъ выше, что генералъ Муравьевъ приказалъ мнѣ взять сурамскаго старшину Аكوпова подъ арестъ собственно потому, что Главнокомандующему подали жалобу какіе-то осетины безъ вѣдома старшины.

Я, разумѣется, вытребовалъ его въ Гори и содержалъ егъ подъ арестомъ; но такъ какъ въ былыя времена жалобы всякаго рода подавались бывшимъ Главноуправляющимъ въ Грузіи затѣмъ первому на Кавказѣ Намѣстнику кн. Воронцову всюду на дорогѣ, и на улицѣ, и даже во время смотровъ, и это не в

спрешалось никѣмъ, то мнѣ было крайне жаль подвергать старшину аресту тѣмъ еще болѣе, что старшина Акоповъ былъ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, уважаемый въ деревнѣ, хорошій исполнитель всѣхъ законныхъ требованій проходившихъ такъ часто чрезъ Сурамъ войскъ, безпрестанно направлявшихся въ отряды. Приказавъ арестовать старшину, генераль Муравьевъ позабылъ указать мнѣ срокъ ареста. Я воспользовался этимъ и, въ рапортѣ губернатору, просилъ испросить указаніе Главнокомандующаго: до какого времени содержать старшину, подъ арестомъ, такъ какъ деревня оставалась безъ старшины и отсутствіе его могло произвести медленность и замѣшательство въ исполненіи требованій начальства по военнымъ обстоятельствамъ, объяснивъ при этомъ, что если арестъ будетъ продолжителенъ, то лучше распорядиться о выборѣ новаго старшины. Вслѣдъ за тѣмъ изъ-подъ Карса получилъ я очень скоро прямо отъ Намѣстника Муравьева предписаніе освободить сурамскаго старшину изъ-подъ ареста и отправить его въ Сурамъ къ своей должности.

*
* *

Несмотря на военныя дѣйствія, которымъ Муравьевъ посвящалъ почти все время, онъ, зная хорошо Кавказъ и Закавказскій край, обращалъ большое вниманіе и на гражданское управленіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его озабочивало положеніе края въ виду непріятныхъ извѣстій, которыя получались изъ Россіи и распространялись въ здѣшней странѣ, въ особенности между мусульманскимъ населеніемъ. Черноморскаго флота не было; Черное море для насъ было закрыто. Войска Турціи и Западныхъ державъ находились въ Крыму и осаждали Севастополь. Почти всѣ наши войска изъ внутреннихъ губерній Россіи направлялись къ Севастополю. Положеніе мусульманскаго населенія Кавказа и Закавказскихъ провинцій не внушало довѣрія и потому возбуждало затрудненіе въ сохраненіи спокойствія въ тѣхъ провинціяхъ. Горцы не вполне были еще покорены и продолжали враждебныя намъ дѣйствія. Въ Дагестанѣ дѣйствовалъ *Шамиль* а на Западномъ Кавказѣ *Мамедъ-Эминъ*, который собиралъ черкесовъ, джикетовъ, убыховъ, шапсуговъ и другихъ. Почти все черкесское и абхазское побережье Чернаго моря находилось тогда у турокъ, англичанъ и французовъ, которые открыто посылали своихъ агентовъ возбуждать горцевъ противъ насъ. Абхазія была занята турецкими войсками и начальникъ ихъ Мустафа-паша, около котораго толпились абхазцы, самурзаканцы, цебельдинцы, убыхи, шапсуги, возбуждалъ ихъ противъ насъ. Волненіе начало проникать

въ сосѣдную Мингрелію, которою въ то время управляла кн ягиня Екатерина Александровна Дадіанъ, по случаю малолѣтства дѣтей покойнаго владѣтеля Давида. Еще до пріѣзда Н. Н. Муравьева, когда управлялъ краемъ генералъ Редъ (впослѣдствіи убитый въ Крыму на Черной), а начальникомъ главнаго штаба былъ князь Барятинскій (впослѣдствіи Намѣстникъ Кавказскій послѣ Муравьева), военное начальство, несмотря на блистательныя побѣды, одержанныя кавказскими войсками подъ начальствомъ знаменитыхъ кавказскихъ генераловъ кн. Бебутова и кн. Андроникова надъ турками подъ Ахалцыхомъ, Башкадикларомъ, Кюрукъ-Дарѣ и при Чолокъ, требовало изъ Россіи присылки свѣжихъ войскъ, артиллерій и нѣскольکو донскихъ полковъ. Оно, какъ говорили тогда, опасалось за спокойствіе края и въ особенности мусульманскихъ провинцій, гдѣ не было достаточнаго войска для гарнизона. Задумали бросить или Дагестанъ, или передовыя укрѣпленія Кавказской линіи и вывести оттуда войска для усиленія внутреннихъ областей Закавказскаго края. Это могло имѣть печальныя послѣдствія и могло дать возможность горцамъ усилиться для вторженій въ Закавказскія провинціи и на Кавказскую линію и грозить сообщенію Россіи съ Закавказьемъ. Это, сверхъ того, могло грозить нашимъ войскамъ въ Азіатской Турціи съ тыла и поставить турецкія силы въ болѣе выгодное противъ насъ положеніе. Это означало разомъ уничтожить вѣковыя усилія, труды и жертвы, понесенныя нашимъ правительствомъ для покоренія большой половины черкесовъ, Чечни и Дагестана. Молва о подобныхъ опасеніяхъ тайно проносилась въ горы.

Англичане дѣйствовали неусыпно противъ насъ. Посылая эмиссаровъ къ горцамъ, они всѣми мѣрами старались вызвать возстаніе. Англійское правительство еще въ 1854 году послало въ Карсъ генерала Вилліамса, который долго служилъ до того въ Индіи и знакомъ былъ съ азіатскою войною. Завѣдывая турецкою арміею, онъ быстро и дѣятельно началъ укрѣплять Карсъ и возвелъ линію укрѣпленій въ семнадцать верстъ длиною вокругъ Карса. Смѣнивъ однихъ пашей и взыскивая съ другихъ, онъ ввелъ порядокъ и дисциплину въ турецкой арміи, устроилъ штабъ, гдѣ у него кромѣ англичанъ были и другіе иностранцы, дѣятельно занимавшіеся устройствомъ турецкихъ войскъ которыя онъ довелъ до такого состоянія, что мѣстное населеніе стало бояться и уважать англичанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стало съ увѣренностью относиться къ своимъ силамъ.

Обо всемъ этомъ слухи доходили до горцевъ чрезъ та

ныхъ эмисаровъ. Въ концѣ іюня 1854 года Шамиль съ огромнымъ скопищемъ вторгнулся въ Кахетію по горной дорогѣ Шилдинскаго ущелія и навелъ ужасъ на все населеніи Кахетіи, въ которой не было достаточнаго войска; переправился чрезъ рѣку Алазань въ бродъ, разграбилъ знаменитый въ Кахетіи домъ кн. Давида Чавчавадзе въ Цинондалахъ и семейство его забралъ въ плѣнъ, тогда какъ самъ Чавчавадзе сражался во главѣ милиціи съ другимъ отрядомъ Шамиля въ Шильдахъ, а жители искали спасенія въ лѣсахъ.

Тифлисскій губернаторъ получилъ извѣстіе объ этомъ ночью съ нарочнымъ казакомъ отъ Телавскаго уѣзднаго начальника, который, въ виду громадной массы лезгинъ, не зналъ что дѣлать. Въ это время я управлялъ тифлискимъ уѣздомъ (до перевода меня въ Горійскій уѣздъ). Губернаторъ потребовалъ меня къ себѣ въ третьемъ часу ночи и объявилъ объ этомъ несчастіи. Въ Тифлисъ жители еще не знали объ этомъ. Губернаторъ побывалъ уже у генерала Реада и, доложивъ объ этомъ, просилъ послать по крайней мѣрѣ одинъ баталіонъ въ Кахетію. Я же немедленно ночью распорядился и послалъ нарочныхъ съ приказаніемъ, чтобы старшины селеній, расположенныхъ по дорогѣ изъ Кахетіи къ Тифлису, именно; Норію, Марткоби, Сацхениси, Ахалсопели, Ужарма, Хашми, Патарзеули, Карабулахъ, Сартачала и Сагареджо нарядили людей и послали къ Гамборамъ, такъ какъ мы опасались появленія Шамиля изъ Кахетіи по направленію къ Гамборамъ, какъ ближайшему пути къ Тифлису.

Когда на другой день утромъ губернаторъ пригласилъ тифлискихъ почетныхъ жителей и усташовъ тифлискихъ амкаровъ (цеховыхъ старшинъ) и другихъ и объявилъ имъ о кахетинскихъ происшествіяхъ, то всѣ они тотчасъ изъявили готовность выйти поголовно противъ непріятеля и въ особенности противъ лезгинъ, которыхъ, по ихъ словамъ, вовсе не опасались. Всѣ эти цеховые въ тотъ же день поднялись и пошли со своими амкарами (цехами) со значками къ дому Главнокомандующаго генерала Реада и объявили, что они готовы положить головы за Государя Императора и за правительство русское, что нечего опасаться за Тифлисъ со стороны лезгинъ, честя ихъ стариннымъ прозваніемъ: „*цункала леки*“! (წუბკალ ლეკი) т. е. *обозванный, голодный общипанный лезгинъ*.—Слухи объ этомъ вооруженіи тифлискаго населенія и жителей деревень отозвались однако далеко.—Приготовили послать баталіонъ въ Кахетію въ помощь къ линейному баталіону, находившемуся въ Кварели не

далеко отъ мѣста вторженія Шамиля, съ цѣлью отрѣзать путь къ его отступленію, если-бы онъ направился къ Тифлису по кратчайшей гомборской дорогѣ. Въ 11 часовъ утра потребовали къ генералу Реаду губернатора и меня. Надо было отправить баталіонъ поспѣшно по кратчайшей дорогѣ, но не знали по какой. Дорога чрезъ Сигнахъ была дальняя; по Сагурамскому ущелью чрезъ Тіонеты также баталіонъ не могъ поспѣть на другой день. Между тѣмъ другихъ дорогъ не было показано на картѣ, по которой давалъ указанія исправлявшій должность начальника штаба генералъ Индреніусъ. Я доложилъ губернатору и генералу Реаду, что можно послать баталіонъ по Ерцовскому ущелью чрезъ деревню Глдани, по которому, какъ по кратчайшей дорогѣ, всѣ наши хевсурцы и тушины пріѣзжаютъ въ Тифлисъ съ продуктами на продажу. На картѣ этой дороги вовсе не значилось, генералъ Индреніусъ усумнился въ ея существованіи. Это меня крайне удивило и нѣсколько оскорбило. Я сказалъ ему при генералѣ Реадѣ, что если она не значится на картѣ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы дороги не было и увѣривъ его, что эта дорога самая кратчайшая, я указалъ ему при этомъ изъ оконъ дворца очертаніе пересѣченія высотъ около деревень Авчалы, Глдани и Мамкоди, гдѣ проходила по ущелью эта дорога, по которой баталіонъ могъ притти своевременно въ Тіонеты и Ахметы въ виду уже Кварели и Телава. Индреніусъ все смотрѣлъ на меня съ какимъ-то недоумѣніемъ; но генералъ Реадъ приказалъ по этой дорогѣ немедленно отправить баталіонъ, которому далъ я проводниковъ и разсыльныхъ. — Все это однако не помѣшало мнѣ заявить удивленіе Индреніусу, что карта не вѣрна и что на ней не указана весьма важная дорога изъ Тифлиса къ горамъ Пишави, Хевсуріи и Тушетіи.

Вторженіе Шамиля въ Кахетію было предпринято имъ съ цѣлью отвлечь силы наши изъ Закаталъ и изъ Дагестана и затѣмъ вторгнуться туда съ большими скопищами; но расчетъ не удался и вскорѣ Шамиль убрался изъ Кахетіи въ горы. Безпокойство и тревожное состояніе населенія все-таки продолжались долго.

Выше сказано, что задолго еще до назначенія Муравьева на Кавказъ, слухи носились о предположеніи бросить Дагестанъ и вывести оттуда войска наши для усиленія центра края. Командовавшій войсками въ Дагестанѣ генералъ кн. Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, сподвижникъ и преемникъ знаменитаго въ исторіи кавказской войны легендарнаго героя, покойнаго уже, князя Моисея Захарьевича Аргутинскаго-Долгорукаго внос-

лѣдствіи генераль-отъ-инфантеріи, генераль-адъютантъ, тифлисскій генераль губернаторъ, исправлявшій должность Намѣстника Кавказскаго и Главнокомандующаго кавказской арміею, членъ Государственнаго Совѣта) съ негодованіемъ выслушалъ это извѣстіе и наотрѣзъ отказался исполнить это предположеніе. „Никогда я не брошу Дагестана“,—сказалъ кн. Орбеліани—и не отдамъ въ жертву плодовъ столькихъ геройскихъ подвиговъ и побѣдъ русскихъ, которые проливали здѣсь кровь свою болѣе полустолѣтія; малѣйшій шагъ къ выступленію будетъ сигналомъ общаго возстанія всѣхъ почти дагестанскихъ и мусульманскихъ жителей Закавказскаго края и потому я никогда не сдѣлаю этого опаснаго шага, равносильнаго измѣнѣ; я надѣюсь вполне сохранить спокойствіе въ Дагестанѣ и не отдамъ имени русскаго на посрамленіе дикимъ лезгинамъ Дагестана, не брошу преданныхъ намъ многихъ дагестанскихъ жителей разныхъ племенъ, нашихъ русскихъ поселенцевъ и ихъ семействъ въ жертву фанатизма Шамиля и его кровожадныхъ мюридовъ. Если лезгины замѣтятъ наши приготовленія къ выступленію, то подымутся всѣ не мирные и даже мирные жители Дагестана и, Богъ знаетъ, чѣмъ отзовется это для нашего войска въ Дагестанѣ и для нашихъ Закавказскихъ провинцій, для самой Грузіи и даже для веденія войны съ Турціею въ Малой Азіи, если Шамиль и всѣ закавказскіе мусульмане нахлынутъ съ тыла. Въдь это можетъ угрожать самыми печальными и несчастными послѣдствіями“.

Императоръ Николай, говорятъ, былъ въ восторгѣ отъ геройскихъ, мужественныхъ словъ и стойкости кн. Орбеліани.

Въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, когда всѣ войска изъ Россіи направлялись въ Крымъ, нечего было рассчитывать на присылку ихъ на Кавказъ и потому императоръ Николай, отправляя генерала Муравьева на Кавказъ Намѣстникомъ и Главнокомандующимъ, сказалъ ему, чтобы онъ не рассчитывалъ на помощь изъ Россіи и чтобы онъ обходился тѣми силами, которыя были на Кавказѣ. Величайшій патріотизмъ, обширныя познанія, внимательность, терпѣливая наблюдательность, справедливость и строгость, которыя отличали Николая Николаевича во все время служебной его дѣятельности и съ которыми онъ обозрѣлъ всѣ войска на Кавказской линіи и затѣмъ въ Тифлисѣ и Имеретіи, убѣдили его, что совершенно напрасно потревожили Государя Императора неосновательными донесеніями и требованіями о присылкѣ войскъ.

На Кавказской линіи Муравьевъ оставался долго и изучалъ

ее со всѣхъ сторонъ въ виду военныхъ обстоятельствъ. Не ослабляя мѣстныхъ средствъ, онъ отправилъ оттуда изъ резервной дивизіи въ Тифлисъ для дѣйствующаго отряда восемь батальоновъ, двѣ пѣшія батареи артиллеріи, одну конную казачью батарею и три донскихъ казачьихъ полка. При немъ сформированы двѣ сотни наѣздниковъ изъ кабардинцевъ и осетинъ, которыхъ онъ отправилъ также въ дѣйствующій корпусъ. Вся кавказская линія, какъ будто какимъ-то волшебствомъ, преобразилась при Муравьевѣ, почувствовавъ въ себѣ больше силы, энергіи и мужества подѣ управленіемъ сильной власти.

Съ пріѣзда на Кавказскую линію, онъ чрезвычайно заботился о перевозкѣ провіанта изъ Владикавказа въ Грузію для обезпеченія войскъ провіантомъ. Онъ предложилъ полковымъ командирамъ на линіи перевезти провіантъ чрезъ кавказскій перевалъ въ Душетъ на полковыхъ подводахъ съ платою по 6 р. за мѣшокъ. Онъ зналъ, что у всѣхъ полковыхъ командировъ были подводы. Командиръ полка, полковникъ Кемфердтъ, отозвался первый и перевезъ достаточное количество провіанта въ Душетъ на полковыхъ подводахъ и отдѣливъ половину платы для полка въ артель, самъ воспользовался значительною суммою честно, съ вѣдома Главнокомандующаго за то, что оказалъ большую услугу въ тѣ времена, когда перевозочныя средства были затруднительны.

Въ Тифлисѣ и вообще въ Грузіи Муравьевъ нашелъ многихъ знакомыхъ, временъ бывшихъ Главнокомандующихъ Ермолова, Паскевича, служившихъ съ нимъ и въ эпоху персидской и турецкой кампаніи 1826—1829 годовъ. Онъ писалъ въ Петербургъ, что „народъ грузинскій, всегда преданный державѣ царей нашихъ, готовъ былъ служить Государю Императору въ войнѣ съ тѣмъ же самоотверженіемъ и преданностію, которыя его постоянно отличали“.

Въ видахъ защиты нашихъ владѣній на сѣверо-западныхъ берегахъ Чернаго моря, онъ отправился обозрѣть ихъ лично.— Одно пребываніе его въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи одушевило всѣхъ тамошнихъ жителей. Главнокомандующій убѣдился, что вся почти страна представляла собою большія затрудненія для свободнаго и успѣшнаго дѣйствія, какъ въ климатическомъ отношеніи, такъ и по неимѣнію тамъ дорогъ и готовности стнаго населенія князей, дворянъ и крестьянъ стать провраговъ Россіи. Единственные пункты, куда непріятель могъ садиться на восточномъ берегу Чернаго моря, были:—Ангрдуть-Кале, Поті, Григолеті (или Малтаква) и Никола

(или Шекветили), но далѣ онъ могъ погибнуть, если-бы рѣшил ся углубиться въ глубь страны. Если бы даже при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ сильный непріятельскій отрядъ переправился чрезъ рѣку Цхенискали у Хони, или у Марани въ Орпирахъ и направился бы къ Кутаису, то и въ такомъ случаѣ высоты Кутаиса, *Зекеда*, могли остановить цѣлую непріятельскую армію. Командуя надъ всею долиною Ріона съ правой стороны и съ лѣвой стороны Цхенискали, откуда надо было ждать движенія непріятеля, кутаисскія высоты и укрѣпленія могли-бы вредить и препятствовать его движенію на каждомъ шагу. Горные потоки и рѣчки, которые во множествѣ находятся по пути къ Кутаису, начиная съ Цхенискали, и которые, разливаясь при проливныхъ дождяхъ, прекращаютъ сообщеніе, грозила бы непріятелю совершенной гибелью. Поэтому-то, разставаясь съ войсками незначительнаго Гурійскаго отряда, находившагося въ составѣ всего 15 т. человекъ, занимавшихъ всѣ пункты въ Мингреліи, Гуріи и Кутаисѣ, Главнокомандующій Муравьевъ выразилъ, что, въ виду такого стратегическаго пункта, какъ Кутаисъ, со стороны Чернаго моря, непріятель не осмѣлится даже приблизиться къ Кутаису. Послѣдствія доказали вѣрность взгляда и соображенія Муравьева.

Впрочемъ, Омеръ-Паша, не опасаясь владѣтеля Абхазіи князя Михаила Шервашидзе, вторгнулся чрезъ Сухумъ въ Мингрелію и дошелъ даже до Цхенискали, но не посмѣлъ однако переправиться на лѣвый ея берегъ, чтобы направиться къ Кутаису; испугавшись чрезмѣрной трудности сообщеній и движеній войскъ отъ выпавшихъ тогда проливныхъ дождей и опасаясь быть отрѣзаннымъ, Омеръ-Паша сдѣлалъ поспѣшно обратное движеніе и ушелъ не чрезъ Абхазію, откуда онъ торкнулся, а къ ближайшимъ берегамъ Чернаго моря, чтобы не погибнуть при отступленіи.

Гурійскій отрядъ, сравнительно съ силами Омеръ-Паши слабый, исполнилъ свое назначеніе, удержавъ непріятеля на Имеретію. По указаніямъ Главнокомандующаго въ случаѣ сильнаго напора непріятеля въ значительныхъ количествахъ отряда должны были соединиться около Орпирахъ и Марани, предоставивъ милиціи и гурійцамъ тревожить непріятеля партизанскими нападеніями по обычаю страны.

Заботливость Муравьева о сохраненіи сношеній съ страной не ограничивалась распоряженіями о безопасности партизанъ Чернаго моря и западной половины Закавказскаго края. Онъ

обратилъ большое вниманіе на защиту Грузіи и мусульманскихъ провинцій отъ набѣговъ и вторженія Шамиля. Онъ назначилъ для огражденія Грузіи, Кахетіи, Джаробѣлаканскаго округа и Нухинскаго уѣзда всего одиннадцать баталіоновъ, распредѣливъ ихъ на два главные отряда, расположенныхъ на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, начиная отъ города Нухи до рѣки Арагвы, т. е. до военно-грузинской дороги, выше Душета и Ананура.

Одинъ отрядъ расположенъ былъ въ Кахетіи, въ сел. Кварели, другой въ Закаталахъ; они поддерживали между собою сношенія непрерывными разъѣздами и наблюдали за движеніями горцевъ. Три донскихъ казачьихъ полка и дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ, въ видѣ маленькаго летучаго отряда, наблюдали изъ Карагача за лезгинами и наводили на нихъ большой страхъ. Они быстро переносились туда, гдѣ горцы могли угрожать вторженіемъ и громили ихъ до прибытія пѣхоты.

Отъ дальновидности Главнокомандующаго не ускользнула и вѣроятная возможность вторженія Шамиля въ Нухинскій уѣздъ и движенія изъ Персіи (по двусмысленному ея отношенію къ намъ). Поэтому Муравьевъ приказалъ расположить на пути изъ горъ въ Персію, около Елисаветполя, въ Зурнабадѣ, гдѣ кстати находятся госпитали, наблюдательный отрядъ изъ баталіоновъ съ артиллеріею и изъ одной сотни казаковъ, которые наблюдали за горцами по дорогѣ къ Нухѣ и въ Персію. Затѣмъ для полнаго обезпеченія восточной части Закавказскихъ провинцій (отъ Нухи до Кубы) отъ вторженія горцевъ, Муравьевъ назначилъ отрядъ изъ 2 баталіоновъ. Два баталіона же были въ Боржомскомъ ущельи и они обезпечивали Ахалцихъ со стороны турецкихъ границъ. Въ самомъ Тифлисѣ Главнокомандующій сформировалъ отрядъ изъ шести баталіоновъ съ двумя батареями, изъ одного донскаго казачьяго полка, присоединивъ къ числу кавалерію и таможенныхъ объѣзчиковъ, которые оставались безъ дѣла послѣ закрытія таможенъ на турецкой границѣ и у береговъ Чернаго моря. Сверхъ того въ составъ этого отряда поступила городская милиція, сформированная изъ тифлисскихъ жителей, въ числѣ болѣе шести тысячъ человекъ, которые ежедневно производили ученіе.

Главнокомандующій, предъ отъѣздомъ своимъ изъ Тифлиса въ Александрополь, въ дѣйствующую армію, осмотрѣлъ эту городскую милицію, опрашивая и разговаривая со многими милиціонерами. Они были восхищены такимъ высокимъ вниманіемъ знаменитаго Сардаря—Главнокомандующаго и на смотре

показали себя молодцами, будучи одушевлены истинною преданностью правительству и готовностью идти противъ враговъ Россіи. Этотъ смотръ и вниманіе генерала Муравьева произвели самое сильное впечатлѣніе не только на милиціонеровъ, но и на всѣхъ почти жителей Тифлиса.

Командовавшій войсками, упомянутый уже выше князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, отдѣлилъ даже часть своихъ дагестанскихъ войскъ и послалъ ее въ Александрополь въ дѣйствующую армію, находя оставшіяся въ Дагестанѣ войска достаточными для оборонительныхъ тамъ дѣйствій.

Не взирая на то, что въ провинціяхъ Закавказскаго края очень мало было войска, и изъ Владикавказа и съ линіи, несмотря на враждебную Чечню, взяты были также части войскъ на войну; и несмотря даже на прискорбное извѣстіе о паденіи Севастополя и о вторженіи Омеръ-Паши въ Мингрелію въ предѣлы Кутаисской губерніи, одно имя генерала Муравьева имѣло такое громадное, магическое вліяніе на все населеніе края и вселяло такое къ нему довѣріе, что во все время военныхъ его дѣйствій подъ Карсомъ до заключенія мира и до отъѣзда его изъ края, нигдѣ, ни въ Дагестанѣ и ни въ Чечнѣ, небыло никакихъ покушеній горцевъ противъ насъ. Все населеніе, какъ мирное, такъ и не мирное считало Муравьева за какого-то легендарнаго героя въ роѣ древне-восточнаго завоевателя, который одною рукою поражалъ дракона, а другою—скалистыя горы. Я самъ лично выслушивалъ подобныя мнѣнія нашихъ татаръ во время кратковременныхъ пріѣздовъ моихъ въ Тифлисъ и разъ, въ разговорѣ со мною, знакомый мнѣ демурчасальскій молла Шафи сказалъ мнѣ: „говорятъ, что у сардара Муравьева такая сабля (кличъ), которую онъ рѣдко вынимаетъ изъ ноженъ, а когда вынетъ, то весь *клинокъ горитъ пламенемъ и съ одного размаха поражаетъ тысячу юловъ*“.

Подобныя сказанія, сложившіяся на Кавказѣ о личности Муравьева, достаточны были для того, чтобы произвести впечатлѣніе какъ на лезгинъ, чеченцевъ, черкесовъ, абхазцевъ, такъ и на нашихъ закавказскихъ татаръ и чтобы навести на нихъ страхъ и смиреніе.

Обезпечивъ край отъ возможныхъ случайностей на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которымъ могла угрожать какая либо опасность, и придавъ имъ опасность грозной обороны, Главнокомандующій занялся уже дѣйствующими противъ Турціи отрядами. Одинъ изъ нихъ—Гурійскій, занимая линію отъ Абхазіи до турецкихъ границъ на восточныхъ берегахъ Чернаго моря, по отдаленно-

сти своей отъ главныхъ нашихъ силъ, т. е. отъ Александрополя, дѣйствовалъ самостоятельно и могъ имѣть сообщеніе съ ними только чрезъ Кутаисъ - Тифлисъ, или чрезъ Кутаисъ-Абастуманъ по Зекарскому ущелью, и Ахалцихъ, или чрезъ Сурамо-Боржомское ущелье—Ахалцихъ и Ахалкалаки. Ахалцихскій отрядъ, будучи отдѣленъ отъ Гурійскаго Аджарскими горами, принадлежавшими Турціи, не могъ имѣть съ нимъ никакой связи, находясь далеко отъ главныхъ силъ. Третій отрядъ, Баязетскій, будучи разобшенъ отъ нея хребтомъ горъ, идущимъ отъ Арарата, могъ только имѣть сообщеніе съ главнымъ Александропольскимъ отрядомъ чрезъ *Кепри-Кевъ*, на Араксъ, по дорогѣ, ведущей въ Александрополь.

Въ такомъ положеніи были войска дѣйствующаго корпуса, когда Главнокомандующій Николай Николаевичъ Муравьевъ двинулся (24-го мая 1855 года) далѣе съ Александропольскимъ отрядомъ, имѣя цѣлью овладѣть двумя первоклассными турецкими крѣпостями, составлявшими оплотъ владычества Турціи въ Малой Азіи—Карсомъ и Эрзерумомъ. При этомъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ отдѣльные отряды безпрестанно поддерживали сообщеніе съ главною квартирою, которая направляла всѣ движенія къ одной цѣли.

Главнокомандующій вдохновилъ войска. Имя знаменитаго сардаря привлекло въ наши ряды массу полудикихъ курдовъ (подвластныхъ Турціи), изъ коихъ образовали милицію. Находясь подъ начальствомъ полковника Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова (впослѣдствіи командира дѣйствовавшего въ Азіатской Турціи корпуса, въ Турецкую войну 1877 года, знаменитаго покорителя первоклассныхъ крѣпостей Турціи—Ардагана и Карса, въ 1877 году, генерала отъ кавалеріи, генераль-адъютанта, освободителя Россіи отъ моровой язвы 1878 г., графа Россійской Имперіи, предсѣдателя Верховной распорядительной комиссіи и Министра внутреннихъ дѣлъ), эти курды бросались на турокъ и дрались съ ними съ остервененіемъ, не щадя ихъ, несмотря на исповѣдуемую ими одинаковую съ турками мусульманскую религію. Одинъ только Лорисъ-Меликовъ сумѣлъ внушить этому сброду дикихъ курдовъ и разныхъ сорванцовъ борчалинскихъ, казахскихъ и шамшадильскихъ татаръ и другого бездомнаго люда, изъ которыхъ эта милиція была собрана,—подчиненность, дисциплину, порядокъ и послушаніе. По одному его слову, они бросались на непріятеля, какъ звѣри.

По плану Главнокомандующаго всѣ дѣйствія его образны были на Карсъ и Эрзерумъ, отдаленные другъ отъ друга

разобщенные высокими Соганлугскими горами, а какъ съ тѣми силами, которыя находились у него, невозможно было въ одно и тоже время дѣйствовать противъ Карса и противъ Эрзерума, то, въ виду сомнительнаго положенія, принятаго противъ насъ Персією, генераль Муравьевъ рѣшилъ держать Карсъ въ блокадѣ и довести его войска и жителей до истощенія; прервать всякое сообщеніе Карса съ Ардаганомъ, Кагызманомъ и Эрзерумомъ, гдѣ находились у турокъ запасы военные и провіантскіе и откуда карсскій горнизонъ могъ получать помощь какъ войсками, такъ и продовольствіемъ.

Обложивъ Карсъ, Главнокомандующій Муравьевъ направился по Соганлугскимъ горамъ и уничтожилъ запасы турокъ. Затѣмъ наши войска въ Энгли-Кевѣ и Бардусѣ захватили болѣе тридцати тысячъ четвертей провіанта, заготовленнаго для турецкой арміи; изъ нихъ часть вывезли въ нашъ лагерь подъ Карсомъ, часть роздали войскамъ, остальное-же количество было уничтожено, за невозможностью уже его вывезти. Въ другой разъ, забравъ половину войскъ изъ-подъ Карса, Главнокомандующій въ іюлѣ мѣсяцѣ бросился противъ Вели-Паши, который шелъ на помощь Карсу съ 14 т. войска, 32 орудіями и съ большими запасами. При одномъ появленіи русскихъ подъ начальствомъ Муравьева, Вели Паша бѣжалъ тотчасъ; турецкое войско послѣдовало его примѣру, бросивъ весь лагерь и запасы, которые забрали наши войска.

Хотя во время этихъ движеній нашихъ войскъ Главнокомандующій турецкой арміею въ Карсъ Абдулъ-Керимъ Паша полагалъ, что оставленная подъ Карсомъ часть нашихъ войскъ должна быть ослаблена и удалена отъ другой, забранной Муравьевымъ, и хотя поэтому хотѣлъ напасть на оставшійся подъ Карсомъ осаждавшій отрядъ, но генераль Вилліамсъ не согласился съ пашею выйти изъ Карса для нападенія, опасаясь хитрыхъ маневровъ Муравьева. Между тѣмъ блокада Карса продолжалась; еще въ началѣ августа городъ былъ стѣсненъ этою блокадою такъ, что всякій подвозъ припасовъ и продовольствія въ Карсъ совершенно прекратился; при этомъ появились тамъ болѣзни и въ довершеніе всего, въ концѣ августа, на равнинахъ Пеняка генераль Ковалевскій совершенно разбилъ турецкій отрядъ подъ начальствомъ Али-паши, который шелъ на помощь Карсу, но который при этомъ взять былъ въ плѣнъ съ орудіями, штандартами, всѣми снарядами и оружіями.

Состояніе войскъ и жителей въ Карсѣ день-о-дня становилось болѣе бѣдственнымъ и отчаяннымъ. Несмотря на стро-

гія мѣры генерала Вилліамса, жители и солдаты турецкіе толпами бѣжали изъ Карса въ нашъ лагерь то тайно, то открыто. Онъ все-таки поддерживалъ духъ гарнизона и жителей, въ надеждѣ прибытія скорой помощи отъ Омеръ-Паши чрезъ Батумъ и Ахалцихъ. Вели-Паша набиралъ войска въ Эрзерумъ и могъ грозить нашимъ войскамъ чрезъ Ольти и явиться на высотахъ Соганлуга. Непріятность положенія могла быть увеличена, если-бы непріятель отбилъ заготовленное около тѣхъ высотъ сѣно и топливо. Горестное извѣстіе о паденіи Севастополя придавало туркамъ нѣкоторую бодрость. Омеръ-Паша высадился въ Сухумъ и грозилъ Мингреліи и Кутаису такъ, что навелъ страхъ даже на Тифлисъ и на Ахалцихъ. Но Главнокомандующій хорошо зналъ, что Омеръ-Паша не осмѣлится углубиться во внутрь страны, какъ описано выше, и потому не безпокоился на счетъ Мингреліи, Гуріи и Имеретіи. Хотя по общему плану, послѣ паденія Карса, надо было итти на Эрзерумъ для того, чтобы отвлечь туда войска союзниковъ и парализовать дѣйствія ихъ въ Крыму, но малочисленность нашихъ войскъ подъ Карсомъ разстроила этотъ планъ. Въ виду непріятныхъ извѣстій о паденіи Севастополя, о вторженіи Омеръ-Паши, офицеры наши подъ Карсомъ выражали почти ропотъ, требуя скорѣйшаго его штурма и взятія его укрѣпленій. Это неудовольствіе офицеровъ проникало и въ войска, и, одушевляя всеобщимъ порывомъ къ бою, возбуждало въ свою очередь глухой ропотъ на ихъ бездѣйствіе. Все это вмѣстѣ съ мнѣніемъ созваннаго Муравьевымъ военнаго совѣта предвѣщало хорошій успѣхъ и потому Главнокомандующій вынужденъ былъ измѣнить первоначальный планъ свой: *вынудить турокъ къ сдачѣ Карса со всею арміею „безъ кровопролитія“* и рѣшился согласиться съ мнѣніемъ военнаго совѣта взять Карсъ приступомъ. Но несмотря на неудачу штурма и значительную потерю нашу, Главнокомандующій все-таки привелъ всѣ части въ порядокъ, вдохнулъ въ наши войска новую энергію и Карсъ палъ предъ остатками и безъ того малочисленнаго нашего войска, мужество, стойкость и самоотверженіе котораго изумляли даже непріятеля. Турки, спасаясь отъ голодной смерти, толпами являлись въ нашъ лагерь въ самомъ жалкомъ видѣ. Бѣдствіе, которое испытывали они и городскіе жители, превышало всякое описаніе и потому Карсъ сдался 16-го ноября 1855 года со всѣми войсками: изъ 30 тыс. анатолійской турецкой арміи взято въ плѣн 14,500 чел., самъ генераль Абдулъ-Керимъ-паша и 12 пашей; остальные изъ эт

арміи погибли отъ войны, болѣзней, голода и частью спаслись бѣгствомъ. Всѣ орудія, оружія, запасы пороху и патроновъ достались намъ и, такимъ образомъ, турецкая анатолійская армія не существовала болѣе и русское знамя развѣвалось на стѣнахъ знаменитой карсской крѣпости. Русскія войска владѣли Карсскимъ пашалыкомъ и Баязетомъ и, имѣя уже свободный путь къ Эрзеруму, заняли всѣ проходы сѣверокавказскихъ горъ и прекратили всякое сообщеніе турокъ съ Карсскимъ пашалыкомъ или Карсской областью.

Многіе тогда порицали Муравьева за неудачу штурма Карса, но упускали изъ виду, что онъ подчинился опредѣленію военнаго совѣта, оставаясь все-таки при своемъ мнѣніи вынудить турокъ къ сдачѣ, взявъ Карсъ съ цѣлою турецкою арміею *безъ кровопролитія*. Странно было-бы рассчитывать войну безъ какихъ-либо неудачъ; были-же неудачи въ Крыму, послѣдствіемъ коихъ была смерть кавказскаго генерала Реада на Черной и паденіе Севастополя; не винили-же Главнокомандующаго крымской арміею, а приписывали это несчастію.

Поручивъ управленіе пашалыкомъ или Карсскою областью упомянутому выше полковнику Лорисъ-Меликову и сдѣлавъ распоряженіе о размѣщеніи войскъ на зимнія квартиры, Главнокомандующій генералъ Муравьевъ выѣхалъ въ Тифлисъ, оставивъ ему инструкцію о порядкѣ управленія новою русскою областью, жители которой послѣ бѣдствій войны начали успокаиваться при Лорисъ-Меликовѣ и предаваться своимъ мирнымъ занятіямъ, вовсе не думая переселяться въ Турцію: напротивъ, въ виду того порядка, который ввелъ Лорисъ-Меликовъ въ области, водворивъ тамъ благосостояніе и спокойствіе, и тѣ жители, которые удалились было прежде оттоль по случаю войны, возвращались на свои прежнія мѣста для мирныхъ занятій.

Въ Тифлисъ Николай Николаевичъ Муравьевъ вникалъ во всѣ дѣла по всѣмъ частямъ управленія, заботясь неусыпно какъ о благосостояніи населенія края и о сохраненіи казеннаго интереса, такъ равно и объ обезпеченіи войскъ всѣми предметами продовольствія и военныхъ запасовъ; извѣстіе о заключеніи мира въ Парижѣ 1856 года застало его среди обширныхъ занятій по управленію краемъ. Вотъ какъ Намѣстникъ и Главнокомандующій Муравьевъ заботился объ интересахъ правительства. Въ то время, отъ неурожая винограда и по случаю войны, недостатокъ вина (еще въ началѣ 1855 года) сдѣлался крайне ощутительнымъ, оно очень вздорожало и не привозилось въ горѣ Закавказскаго края. А какъ тогда взиманіе акциза съ при-

возимаго вина находилось на откупу и доходъ съ акциза уменьшился болѣе чѣмъ на половину, то всѣ почти откупщики оказались несостоятельными и, еще до прїѣзда Муравьева, перестали вносить въ казначейство откупныя деньги, отказавшись даже и отъ своихъ залоговъ, представленныхъ по этимъ откупамъ. Чгобы казна не лишилась значительнаго дохода, въ особенности въ тогдашнее военное время, такъ какъ на новыхъ торгахъ, которые надо было произвести, откупщики предложили-бы цѣны менѣе даже 80% противъ прежней откупной суммы, Муравьевъ пригласилъ къ себѣ уважаемаго въ Тифлисѣ богатаго тамошняго жителя помѣщика Ивана Минаевича Мирзоева, который, изъ угожденія Муравьеву, по одному лишь его приглашенію, добровольно согласился съ его предложеніемъ принять на себя весь откупъ и внести громадную сумму всѣхъ откупныхъ денегъ по винному акцизу; онъ тѣмъ освободилъ несостоятельныхъ откупщиковъ отъ казенныхъ недоимокъ и залоговъ ихъ отъ продажи, представивъ вмѣсто нихъ свои залоговѣ, и до окончанія срока откупа Мирзоевъ и его повѣренныя вносили въ казначейство откупную сумму полностью, сами получая меньше даже половины акцизнаго сбора, и, такимъ образомъ, Мирзоевъ казну не лишилъ дохода, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ начальству, что онъ, по чувству преданности и усердія къ правительству, не можетъ не явиться на помощь казнѣ. За то Муравьевъ опубликовалъ по всему краю этотъ патріотическій поступокъ Мирзоева въ теплыхъ словахъ, объявляя ему душевную благодарность и донося о томъ же Государю Императору. Таково было вліяніе Муравьева на жителей.

Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ заключенія мира 1856 года, Николай Николаевичъ былъ уволенъ отъ должности Главнокомандующаго Кавказской арміей и Намѣстника Кавказскаго и въ августъ того-же 1856 года выѣхалъ изъ Тифлиса, оставивъ по себѣ глубокую память среди всего народонаселенія Кавказа и Закавказскаго края, жителей Карсской области, христіанъ и мусульманъ, какъ о знаменитомъ и непобѣдимомъ сардарѣ Русскаго Великаго падышаха. Такъ сбылись его слова, сказанныя имъ мнѣ на поляхъ Прависмана и Квеші: „Послѣ заключенія мира я не останусь на Кавказѣ“.

На его мѣсто Главнокомандующимъ Кавказской арміей и Намѣстникомъ Кавказскимъ былъ назначенъ бывшій при немъ начальникомъ Главнаго штаба Кавказской арміи генераль-

ютантъ, въ послѣдствіи генераль-фельдмаршалъ, князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.

Л. С. Исарловъ.

Обзоръ Журналовъ за 1901 годъ.

„Этнографическое Обзорѣніе“.—„Военный сборникъ“.—„Кіевская Старина“.—„Горный журналъ“.—„Журналъ Министерства Юстиціи“.—„Наблюдатель“.

„Этнографическое Обзорѣніе“ издается въ Москвѣ этнографическимъ отдѣломъ Императорскаго Общества любителей естествознанія антропологии и этнографіи. Небольшой, по объему, но серьезный журналъ удѣляетъ не мало вниманія нашей окраинѣ. Оно и понятно: сравнительно недавнее покореніе края только теперь даетъ возможность изучать обычаи и нравы народовъ, населяющихъ Кавказъ.

Интересна статья Павла Гидулянова въ обзорѣваемомъ журналѣ—„Сословно-поземельный вопросъ въ Дагестанѣ“ (№ 2).

Авторъ говоритъ, что „древняя исторія этой страны (Дагестана) намъ совершенно неизвѣстна. Арабы, распространившіе здѣсь въ VIII вѣкѣ исламъ, постарались изгладить изъ памяти народной воспоминанія о прежнихъ временахъ. Письменныхъ источниковъ, кромѣ скудныхъ указаній *армянскихъ* лѣтописцевъ, не имѣется никакихъ“.

Въ этнографическомъ отношеніи значительный интересъ представляетъ вопросъ, при какихъ бытовыхъ условіяхъ данному народу жилось наилучше и онъ могъ свободно итти по пути прогресса? Этого-то „условія“, пока, не удастся узнать относительно дагестанскихъ народовъ.

Для рѣшенія вопроса о первоначальной родинѣ дагестанскихъ племенъ „намъ даютъ ключъ—языки кавказскихъ племенъ, которые хранятъ въ себѣ богатый запасъ указаній на культурное состояніе жителей Дагестана въ доисторическія времена“.

Основаніемъ общественнаго быта въ отдаленную эпоху, пишетъ Гидуляновъ,—былъ—*тохумъ*, родственный по мужской линіи союзъ. Глава тохума не имѣлъ особенныхъ правъ: онъ былъ не болѣе какъ духовный глава, отецъ большой семьи. Власть его была болѣе нравственная, чѣмъ юридическая. Союзъ готъ былъ общинный съ работою сообща въ полѣ, дома и въ лѣсу.

Послѣдствіемъ взаимныхъ сношеній, споровъ, войнъ и пр.

тохумы со временемъ составили союзы, образуя крупныя единицы—общины съ слободскимъ или хуторскимъ порядкомъ поселенія. Родовая власть понемногу замѣнилась властью административной.

Въ XVII вѣкѣ по Дагестану уже образовались отдѣльныя ханства, но ханы все еще не стѣсняли пользованіе землею жителей, ограничиваясь собираніемъ дани. Взаимная вражда хановъ способствовала поглощенію сильнѣйшими ханствами слабѣйшихъ и, мало-по-малу, образовались обширныя владѣнія. Послѣ объединенія, престолъ владѣтеля еще долго оставался избирательнымъ, права хана за это время не были неограниченными. Но затѣмъ, благодаря войнамъ, власть хановъ все болѣе расширялась; къ началу XVIII вѣка они уже были деспотами и власть передавалась наслѣдственно. Благодаря завоеваніямъ, образовывалась особая категорія земельной собственности—государственныхъ земель (*domaines publiques*). Многія подати не измѣнили не только своего характера, но и названія до нашихъ дней, напр. *ясакъ*, *бильха* и т. п. Авторъ даетъ ясную картину происхожденія бековъ—коренныхъ и бековъ—заслуженныхъ. Беки—это дворяне Дагестана, ихъ заслуги такого-же характера, какъ заслуги нашего дворянства по отношенію къ правителямъ страны. Попытки водворенія русскихъ въ Дагестанъ начинаются еще въ половинѣ XVI вѣка. Но до половины прошедшаго XIX столѣтія—это водвореніе было сомнительнымъ.

Было время, когда правитель Дагестана подчинялся двумъ сильнымъ державамъ—Россіи и Персіи, признавая номинально власть то одной, то другой: у него, по преданію, имѣлась печать, на одной сторонѣ которой была надпись, обозначающая персидское подданство, на другой—русское, и, по мѣрѣ надобности, прикладывалась то той, то другой стороною. Крѣпостного права народы Дагестана почти не знали и только выражали подчиненіе свое ханамъ налогами и данью.

Если дагестанцы отличались своею осѣдлостью и постоянствомъ, то не таковы были другіе народы, прошедшіе черезъ Кавказъ и оставившіе слѣды по сіе время. Не останавливаясь на неменѣе интересномъ очеркѣ Б. К. Далгата „Страничка изъ Сѣверо-Кавказскаго богатырскаго эпоса“,—скажемъ нѣсколько словъ о статьѣ В. Папазяна „Армянскіе бошъ (цыгане)“.

Очеркъ В. Папазяна очень интересенъ и читается легко. Родина цыганъ, какъ указываетъ на это происхожденіе ихъ языка,—страна Синдъ, находящаяся около границъ Белуджистана; отсюда, приблизительно въ 1000 году, цыгане разошлись по все-

му свѣту, Въ разныхъ странахъ они носятъ разныя названія, такъ въ Англіи называютъ ихъ—*джигсы*; въ Турціи—*чингинз*, *боша*, *манагорія* (*ситодпы*); въ Арменіи—*ичу*, въ Персіи—*мур-рубъ-карачи*; въ Венгріи—*народъ фараоновъ*, въ Туркестанѣ—*белуджи* и у насъ въ Россіи—*цыгане*. Въ Европу цыгане вступили въ 1417 году партіями въ 70—200 человѣкъ. Впервые, благодаря знанію цыганами разныхъ цѣлебныхъ травъ и т. п., ихъ всюду встрѣчали радушно, но когда ихъ шатры сдѣлались притономъ разбойниковъ и воровъ, то всюду началось на нихъ гоненіе. Гоненіе, усиливаясь, продолжалось *болѣе 300 лѣтъ*: цыганъ жгли, обращали въ рабовъ и пр., но гоненія только укрѣпляли, закаляя сильную и безъ того натуру цыганъ. За гоненія они сами мстили жестокостью. Только въ 1856 году всѣ цыгане Европы были освобождены отъ рабства и преслѣдованій, получивъ право жить наравнѣ съ другими націями. Общее количество цыганъ всего свѣта достаточно трудно опредѣлить точно, но ихъ не менѣе 3.000.000 человѣкъ, почти половина изъ нихъ въ Россіи.

Причина, благодаря которой цыгане не выродились подъ вліяніемъ среды, заключается въ ихъ кочевомъ духѣ. Вопреки установившемуся мнѣнію о цыганахъ, они не суевѣрны и не вѣрятъ въ загробную жизнь.

Собственно армянскіе бошá (цыгане) жили долгое время въ Персіи, а нынѣ часть ихъ живетъ и во многихъ городахъ Закавказья. „И этотъ способный, бойкій, живой народъ, несмотря на свое желаніе, не имѣетъ ни земли, ни дома. Этотъ миролюбивый, примѣрно спокойный и покорный народъ—пишетъ В. Папаянъ—желаетъ вести осѣдлый образъ жизни, желаетъ взяться за плугъ, но уже сколько лѣтъ его мольбы безотвѣтны: онъ начинаетъ понимать, какъ въ сущности горекъ удѣлъ вѣчнаго скитальца въ особенности теперь; онъ хочетъ имѣть родину; политическія права... но некому ему помочь и никто не обращаетъ на него вниманія“.

„Военный Сборникъ“ текушаго года содержитъ преимущественно статьи, посвященныя недавно законченной китайской войнѣ. Въ послѣднихъ книжкахъ помѣщена статья специально посвященная Кавказу—К. Линда. „Походъ русскихъ войскъ въ Грузію въ 1769—1771 годахъ“.

К. Линда придаетъ громадное значеніе этому походу въ дѣлѣ присоединенія Грузіи къ Россіи, причемъ историческій фактъ этотъ приписываетъ генералу Тотлебену, командовавшему тогда русскими войсками.

„Историки грузинскіе, а за ними и русскіе, первымъ шагомъ

къ присоединенію Грузіи къ Россіи считаютъ—пишетъ авторъ—Георгіевскій договоръ 1783 г., когда царь Ираклій, видя полный неуспѣхъ своей внѣшней и внутренней политики, отдался подъ покровительство Россіи и призналъ себя ея вассаломъ, на условіи сохранить престолъ въ своемъ потомствѣ; но ближайшее разсмотрѣніе событій показываетъ, что договоръ 1783 года былъ лишь слѣдствіемъ событій 1769—1771 годовъ и политики Тотлебена, начальствовавшего русскимъ корпусомъ“.

Отрядъ Тотлебена формировался въ Кизлярѣ, подъ наблюденіемъ Кизлярскаго коменданта, г.-м. Потапова и состоялъ изъ 3800 чел. при 12 орудіяхъ. Тотлебенъ былъ назначенъ Екатериною II главнымъ командиромъ. Изъ Кизляра путь шелъ на Моздокъ, далѣе къ осетинскому селенію *Зауровъ* (на мѣстѣ нынѣшняго Владикавказа), затѣмъ долиной р. Терека—на Гударъ и Млеты. Здѣсь „войска миновали холодныя и суровыя горы и увидѣли внизу роскошныя долины Грузіи, той далекой страны, гдѣ имъ пришлось провести въ походахъ и бояхъ почти три года“. Какъ велики были тогда свѣдѣнія высшихъ государственныхъ учреждений о Кавказѣ можно судить по запросу Императрицы въ коллегію иностранныхъ дѣлъ относительно географическихъ данныхъ о Кавказѣ. Въ запросѣ, между прочимъ, сказано:

„Тифлисъ стоитъ на однихъ картахъ на Черномъ, а на другихъ на Каспійскомъ морѣ, а въ иныхъ и въ среди земли“.

Журналъ „*Кіевская Старина*“ занятъ исключительно Мало-россією и сообщаетъ читателямъ подробнѣйшія историческія свѣдѣнія о событіяхъ давно минувшихъ дней славнаго прошлаго Украины. Въ виду этого насъ удивило одно обстоятельство: 5-го февраля сего года минуло 40 лѣтъ со дня смерти поэта-народника Шевченка, по этому случаю въ текущемъ году слѣдовало-бы освѣжить въ памяти читателя послѣдніе дни жизни поэта, но ничего подобнаго мы найти не могли въ „К. С.“; полагаемъ, что виновна въ этомъ не редація. Въ февральской книжкѣ помѣщены лишь новыя письма, не бывшія еще въ печати, друга Тараса Шевченко—Мих. Лазаревского, — письма имѣли-бы болѣйшій интересъ, если-бы было указано, хотя кратко, содержаніе писемъ Шевченко, на которыя отвѣчалъ М. Лазаревскій.

40-лѣтнюю память смерти Шевченко чествовали не только въ Россіи (въ Кіевѣ, Москвѣ, Екатеринославѣ, С.-Петербургѣ, Томскѣ, Полтавѣ и въ Екатеринодарѣ), но и въ а-

лиции; а въ Канадѣ въ память Шевченко учреждено общество.

„Горный Журналъ“. Въ этомъ специальномъ изданіи встрѣтилась намъ интересная статья П. Стрижева — „Демонзагатскій серебро-свинцовый рудникъ“.

„Если не считать нефти, пишетъ авторъ, то въ наилучшихъ условіяхъ, какъ геологическихъ (между прочимъ въ отношеніи солидности и надежности мѣсторожденій), такъ и географическихъ и экономическихъ, оказались мѣсторожденія серебро-свинцовыхъ и цинковыхъ рудъ въ средней части Сѣвернаго Кавказа“. Авторъ участвовалъ въ изслѣдованіи многихъ мѣстностей горнаго Кавказа, осмотрѣлъ болѣе 50-ти новыхъ жилъ и, конечно, заключенія его очень цѣнны. Отсутствіе хорошихъ путей сообщенія надолго закрываютъ доступъ въ рудоносныя ущелья главнаго хребта. Надъ горнозаводскою промышленностью Россіи вообще, а Кавказа въ частности, стоитъ какой-то злой рокъ... Судя, напримѣръ, по статьѣ горн. инженера Н. Версилова „Горнозав. промышл. въ Россіи въ 1899 году“ цѣны на нефть, на марганецъ, на каменный уголь и желѣзо какъ будто, по сравненію съ заграничными цѣнами, хороши, количество добываемыхъ и обработанныхъ продуктовъ въ 1899 году, сравнительно съ 1898 г., значительно увеличилось (угля на 14%, нефти на 7,5%, соли на 12%, чугуна на 22%, мѣди на 14,9%, марганцевой руды на 97,4% (почти вдвое),—а въ общемъ отовсюду слышатся жалобы на плохіе заработки и положеніе рабочихъ по-прежнему оставляетъ желать очень и очень многого.

Въ „Горномъ Журналѣ“ заслуживаетъ, между прочимъ, вниманія попытка установить научную формулу вычисленія стоимости производства одной вѣсовой единицы искусственной кусковой желѣзной руды (горн. инж. Л. Юзбашева). Въ небольшой статьѣ авторъ сгруппировалъ всѣ данныя, вліяющія на указанную стоимость руды, проанализировавъ каждый эквивалентъ ея производства. Данная Л. Юзбашевымъ формула имѣетъ и практическое значеніе—возможность пониженія стоимости рудныхъ брикетовъ.

Въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ П. О. Сабанѣвымъ помѣщена статья „Присяжные засѣдатели въ Закавказьѣ“, въ которой указаны главныя основанія реорганизации суда присяжныхъ въ внутреннихъ губерніяхъ Россіи и проектированнаго суда присяжныхъ въ Закавказьѣ.

Для суда присяжныхъ въ Закавказьѣ—„образовательный цензъ присяжныхъ *особаю* состава здѣсь не связанъ, какъ внутри Россіи, съ цензомъ имущественнымъ. Лица, имѣющія среднее образованіе (6 классовъ гимназій и реального училища) призываются къ исполненію обязанностей присяжныхъ, хотя-бы и не имѣли опредѣленнаго имущественнаго ценза (1 п. 539 ст. учр. суд. уст.). Имущественный цензъ, наоборотъ, связанъ съ образовательнымъ, но, во-первыхъ, онъ несравненно ниже, чѣмъ внутри Имперіи: недвижимостъ, цѣною не ниже 2—3 тысячъ рублей и доходовъ въ 500 рублей (II п. 539 ст. учр.), а во-вторыхъ, онъ связанъ съ требованіемъ и несравненно низшаго образовательнаго ценза: лицо, окончившее курсъ ученія не ниже, какъ въ двухъ классахъ начальныхъ училищъ (т. е. только грамотное) и владѣющее недвижимостью, цѣною въ 2000—3000 р. или доходомъ (между прочимъ—заработкомъ) въ 500 рублей, также призывается къ исполненію обязанностей присяжнаго за-сѣдателя *особаю* общества“.

Такое исключеніе для Закавказья сдѣлано въ виду того, что у насъ, якобы, нѣтъ еще достаточнаго контингента образованныхъ лицъ. Внутри Имперіи число присяжныхъ, вносимыхъ въ очередные списки, опредѣляется въ 18 лицъ на каждый періодъ засѣданій судебныхъ мѣстъ съ ихъ участіемъ, на окраинахъ это число сокращено до 8 лицъ. Внутри Имперіи присутствіе присяжныхъ состоитъ изъ 5 лицъ (комплектныхъ засѣдатель), на окраинахъ изъ 3 лицъ. Г. Сабанѣевъ справедливо указываетъ, что контингентъ лицъ для комплектованія присутствія присяжныхъ у насъ достаточенъ и что желательно, въ виду сего, „подвергнуть проектъ о присяжныхъ на Кавказѣ пересмотру въ интересахъ приближенія института къ той болѣе совершенной его формѣ, какая устанавливается для внутреннихъ губерній“.

Въ іюньской книжкѣ „*Журн. Мин. Юст.*“. Г. Щегловитовъ обращаетъ вниманіе на французскій законопроектъ о судѣ присяжныхъ. Какъ у насъ, такъ и во Франціи, присяжные часто оправдываютъ виновныхъ лицъ изъ опасенія, что судъ постановитъ несоответственно строгое наказаніе. По французскому законопроекту присяжнымъ предположено дать право опредѣлять наказаніе, при чемъ для постановленія своего рѣшенія они собираются на второе совѣщаніе. Съ своей стороны г. Щегловитовъ говоритъ, что „единственная мѣра, которая могла бы устранить опасенія присяжныхъ, что коронный судъ подвергнетъ подсудимаго слишкомъ строгому наказанію, должна заклю-

чаться въ *предоставленіи имъ права ходатайствовать о смяченіи въ путяхъ помилованія наказанія, назначеннаго осужденному*“.

Видимо, иные аргументы руководили авторомъ другой статьи въ томъ-же журналѣ; „Задачи законодательства по отношенію къ трудовымъ артелямъ“, Анной Евреиновой. Указавъ на многолѣтнюю практику нашего законодательства и законодательства другихъ странъ, *Анна Евреинова* даетъ вѣрное и справедливое заключеніе.

„Предоставимъ же сбсгавленіе уставовъ тѣмъ, кому нужно по нимъ жить и трудиться. Уставы канцелярскіе—что законы, не освѣщаемые общественной совѣстью. Какъ санкціонированные только извнѣ, ихъ скорѣе обходятъ, чѣмъ исполняютъ. Излишняя регламентація жизни и дѣятельности нашей русской артели расшатаетъ только твердые устои гражданской жизни нашего народа. Предоставимъ ему самому рѣшать, глядя по дѣлу, трудиться по уставу или по свободному договору“...

Наблюдатель. Этотъ журналъ преслѣдуетъ по-своему патріотическія цѣли, онъ задался цѣлью поносить все *не русское*, хулить все инородческое; оригинально понимая задачи государства, „Наблюдатель“ является шовинистомъ высшей пробы. Въ немъ даже романы пишутся на тѣ жетенденціозныя темы. Такъ, въ романѣ, довольно большомъ, проходящемъ черезъ пять книгъ (съ января по май) — „Въ чертѣ осѣдлости“, описывается герой докторъ, русскій, попавшій въ среду евреевъ... Въ своихъ наблюденіяхъ особенно отличился нѣкто Липранди—въ статьѣ „Въ нефтяной Калифорніи“ (іюль—августъ). По наблюденію г. Липранди вся наша нефтепромышленность въ рукахъ армянъ, евреевъ и иностранцевъ... Даже, говоритъ Липранди, вся администрація, начиная съ полицеймейстера и кончая околодочнымъ—или армяне, или поляки, или татары!

Въ томъ-же журналѣ помѣщена статья С. А. Ханъ-Меграбова (въ мартовской книжкѣ) о „Печати и цензурѣ“... Мы вполне согласны съ мнѣніемъ автора, что пора пересмотрѣть цензурный уставъ въ духъ современныхъ требованій... общества.

Авторъ указываетъ на коллегіальность, какъ залогъ болѣе рациональнаго сужденія о достоинствахъ цензируемыхъ сочиненій, и на необходимость установленія, чтобы жалобы на цензуру приносились въ Государственный Совѣтъ. А главное, чтобы цензура была независима отъ какого либо вліянія.

П. Я—въ.

КАВКАЗСКАЯ ХРОНИКА

Изъ жизни нашего самоуправленія: выборы гласныхъ въ Баку.—Кавказская выставка весной будущаго года.—Затруднительное положеніе грузинскаго дворянства.—† Л. Н. Асатіани.—Нефтяной кризисъ: новая эра кавказской промышленности.—Корреспонденція изъ Кутанса.

Что самоуправленіе не только жизнеспособно, но и составляетъ благо, дорогое населенію нашихъ городовъ, тому доказательствомъ могутъ служить городскіе выборы, въ Закавказьѣ по крайней мѣрѣ, всегда приковывающіе къ себѣ вниманіе общества. Правда, въ силу законоположенія 1892 г., активное участіе въ выборахъ принимаетъ лишь ограниченный контингентъ горожанъ, но это нисколько не мѣшаетъ обществу съ живѣйшимъ интересомъ слѣдить за перипетіями предвыборной агитации и вліять иной разъ, косвенно, на исходъ борьбы различныхъ партій. Къ сожалѣнію, гражданственность въ нашей жизни пустила настолько еще не глубокіе корни, что партіи наши получили своеобразную организацію. Чаще всего подъ одинъ флагъ, одно знамя становятся у насъ лица, связанныя между собой лишь внѣшними узами, а не какой либо общностью духовныхъ интересовъ, моральныхъ правилъ или тѣмъ менѣе идейныхъ принциповъ. И что особенно печально, внѣшніе узы съ нѣкоторыхъ поръ стали понятіемъ почти идентичнымъ съ понятіемъ о національности. Это обстоятельство породило группировку партій по національностямъ, что повело уже къ совершенно нежелательнымъ послѣдствіямъ. Мы вовсе не сторонники національнаго безразличія, не признающаго за націями ихъ специфическихъ особенностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы горячо протестуемъ противъ всякой національной замкнутости, исключительности, и пятствующей объединенію лицъ различныхъ національностей поприщѣ совмѣстнаго служенія общему дѣлу. На зарѣ 20 вѣка слѣдовало-бы позабыть національныя распри и дружно энергично приняться за служеніе интересамъ городского

управленія, столь непопулярнаго въ наши дни. Этого требуетъ прежде всего благоразуміе.

Въ серединѣ ноября состоялись выборы гласныхъ думы въ Баку на предстоящее четырехлѣтіе и на этихъ выборахъ еще разъ и особенно ярко сказалось пагубное національное соревнованіе. На первомъ собраніи избирателей выбаллотировано 33 гласныхъ, въ томъ числѣ персіанъ 22, армянъ—8, русскихъ и прочихъ національностей—3; надо замѣтить при этомъ, что въ числѣ забаллотированныхъ находятся лица, занимающія въ Баку весьма замѣтное социальное положеніе и ничего, кромѣ пользы, городу не оказавшія. На второмъ и послѣднемъ, пока, собраніи избирателей случилось приблизительно то же и въ результатѣ, благодаря ярой партійной, національной, борьбѣ въ гласные бакинской думы избрано вмѣсто 80, всего 59 человекъ. Весьма возможно, что недостающее число гласныхъ будетъ назначено администраціей *). Результатъ выборовъ гласныхъ бакинской думы поразилъ многихъ своей неожиданностью; очевидно, мусульмане, одержавъ полную побѣду на этихъ выборахъ, тѣмъ самымъ хотѣли польстить своему національному самолюбію, такъ какъ трудно предположить сознательное стремленіе къ активной роли по городскому самоуправленію въ мусульманскомъ населеніи Баку, въ большинствѣ мало-культурномъ и не интеллигентномъ. Мы вполне согласны съ авторомъ „Замѣтокъ хроникера“ въ „Нов. Обозрѣніи“ (№ 5868), что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что „побѣда осталась за осѣдлымъ населеніемъ города“ (Баку). „Пусть эта часть не составляетъ, — пишетъ г. Г., — большинства, но она—осѣдлая часть, давно связана съ интересомъ города и болѣе другихъ дорожитъ городскимъ самоуправленіемъ. Пришлый-же элементъ въ Баку, въ лицѣ русскихъ, армянъ, иностранцевъ и евреевъ, хотя въ интеллектуальномъ отношеніи несравненно выше мусульманъ, но уступаетъ имъ въ томъ отношеніи, что мало интересуется городскими дѣлами“ г. Г., повторяемъ, правъ. Удивляться побѣдѣ мусульманъ, дѣйствительно не приходится, потому что, очевидно, они—сила; но если, какъ увѣряетъ г. Г., проживающіе въ Баку русскіе, армяне, иностранцы и пр. несравненно выше мусульманъ въ интеллектуальномъ отношеніи, тогда мы рѣшительно не понимаемъ привѣтствія побѣдѣ темнаго царства. Правда, г. Г. замѣчаетъ, что мусульмане дорожатъ городскимъ са-

---

*) Христіанъ въ бакинскую думу избрано всего 23, тогда какъ ихъ должно быть не менѣе 27, половины минимальнаго состава думы.

моуправленіемъ, но это не болѣе, какъ предположеніе. Наконецъ, вопросъ совѣмъ не въ томъ. Разъ побѣдили тѣ, кто наименѣе культурны, то радоваться, полагаемъ, нечему. Современная дума, чтобы стоять на подобающей высотѣ, должна быть безспорно интеллигентной. Что это справедливо и что обратное положеніе вещей часто бываетъ гибельно, тому примѣромъ служить петербургская дума, болѣе чѣмъ на половину состоящая изъ представителей темнаго царства, та самая дума, которая вызывала и вызываетъ безконечныя на себя нареканія въ обществѣ и печати и реформа которой не за горами. Лично противъ мусульманъ мы, разумѣется, ничего не имѣемъ. Мы рассуждаемъ съ точки зрѣнія интересовъ городского самоуправленія, а для этихъ интересовъ все равно кто ни побѣдитъ, лишь бы побѣдили культурные. И если побѣда не за ними, мы ее не привѣтствуемъ.

21-го ноября безшумно закрылась Кавказская юбилейная выставка сельскаго хозяйства и промышленности, по общему признанію, не особенно удавшаяся. Многія отрасли нашей юной промышленности и сельскаго хозяйства (марганцепромышленность, шелководство, земледѣліе и пр.) представлены были на выставкѣ очень неполно, экспонаты сгруппированы безсистемно, почти во всѣхъ отдѣлахъ бросалось въ глаза отсутствіе каталоговъ, картограммъ, діаграммъ, словомъ, наглядныхъ показателей даннаго состоянія интересующей посѣтителя сферы хозяйства, промышленности, науки и т. д. Невелико и образовательное значеніе выставки, такъ-какъ, за время ея существованія демонстрацій экспонатовъ устраивалось слишкомъ мало, а бесѣдъ, лекцій и вовсе не было; помимо того, въ отдѣлахъ часто не къ кому было обратиться за необходимыми разъясненіями, такъ что посѣтители изъ простого люда цѣлые часы, напримѣръ, любовались полировкой сложенныхъ пирамидально кубиковъ и не подозрѣвая, что кубики эти выражаютъ наглядно постепенный ростъ промышленности, или расходовъ на народное образованіе (павильонъ гор. Тифлиса) и пр. Но главное, выставка не выполнила своей основной задачи, своего назначенія: не дала картины, перспективы культурнаго роста Кавказа за столѣтъ—со дня присоединенія Грузіи къ Россіи до нашихъ дней. Въ матеріальномъ отношеніи результаты выставки весьма нутѣшительны. Благодаря небывало дождливой и холодной осенне выпавшей, какъ нарочно, въ нынѣшнемъ году, выставку посѣ

тило приблизительно 160,000 человекъ, давшихъ всего 30 съ небольшимъ тысячъ рублей прихода, между тѣмъ расходы по организации затѣи Кавказскаго общества сельскаго хозяйства значительно превысили эту сумму, такъ что въ итогѣ получился дефицитъ въ 26,000 р. Для покрытія дефицита, и якобы ради пополненія пробѣловъ закрывшейся выставки, устроители послѣдней предполагаютъ открыть ее вновь весной наступающаго года. Въ настоящее время возбуждено объ этомъ ходатайство. Быть можетъ оригинальная мысль гг. устроителей съ практической точки зрѣнія прекрасна и весеннее изданіе выставки дастъ сумму, потребную для покрытія дефицита, но говорить о пополненіи отмѣченныхъ выше пробѣловъ не приходится. Прежде всего „весеннее изданіе“ не привлечетъ экспонатовъ по той простой причинѣ, что экспоненты соблазняются главнымъ образомъ перспективой полученія наградъ, а въ настоящее время экспертиза по всѣмъ отдѣламъ закончена и награды уже присуждены, хотя и не опубликованы. Слѣдовательно, стимулъ къ благородному соревнованію экспонентовъ отпадаетъ и едва-ли многіе изъ нихъ пожелаютъ нести новые расходы для пополненія кассы Кавказскаго общества сельскаго хозяйства. Поэтому надежда на обильный притокъ экспонатовъ весной мало основательна. Также неосновательно и предположеніе, будто за зимніе мѣсяцы удастся поработать надъ пополненіемъ указанныхъ выше пробѣловъ и, такимъ образомъ, представить весной полную картину культурнаго состоянія нашего края. Дѣло въ томъ, что, для того чтобы дать такую картину, недостаточно запастись временемъ и, допустимъ даже, пламеннымъ желаніемъ, энергіей, надо еще раздобыть немалыя средства. А гдѣ ихъ взять? Вѣдь сама мысль о „весеннемъ изданіи“ выставки возникла изъ побужденій больше матеріальныхъ, расчетовъ коммерческихъ. Повторяемъ, расчеты эти правильны. Выставка весной привлечетъ не одну тысячу посѣтителей, пришедшихъ любоваться увѣлѣвшими съ осени павильонами и кое-какими, въ части, даже новыми экспонатами. Благодаря этому пополнится, разумѣется, касса Кавказскаго общества сельскаго хозяйства и отыщется, наконецъ, источникъ для покрытія дефицита—все, что требуется доказать.

Грузинское дворянство въ затрудненіи. Оно не знаетъ, что дѣлать съ 40,000 даруемыми ему отнынѣ ежегодно, согласно Высочайшему рескрипту въ ознаменованіе столѣтія со дня присо-

единенія Грузіи къ Россіи. На каждое дворянство—тифлисское и кутаисское—приходится по 20 тысячъ въ годъ. Сумма солидная и стоящая того, чтобы надъ ея израсходованіемъ призадуматься. По мнѣнію однихъ кутаисское дворянство наиболѣе нуждается въ агрономическомъ среднеучебномъ заведеніи, а тифлисское въ прогимназіяхъ, которыя и слѣдуетъ открыть въ Гори и Телавѣ. По мнѣнію другихъ всему дворянству не мѣшаетъ сельско-хозяйственное образованіе, а потому всѣ пожалованныя 40 тыс. слѣдуетъ расходовать на общее агрономическое заведеніе. По проекту третьихъ, замѣтимъ, весьма несложному, надо учредить стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на проценты съ отпускаемыхъ ежегодно 40 тыс. рублей и стипендіи эти выдавать достойнѣйшимъ изъ сыновъ тифлискаго и кутаискаго дворянства. Конечно, существуютъ и другіе проекты, но они еще въ зародышѣ, не вылились пока въ опредѣленную форму.

Нѣтъ словъ, грузинское дворянство, составляющее въ громадномъ большинствѣ помѣщичье сословіе и заинтересованное, понятно, въ преуспѣяніи земледѣлія, нуждается для рациональной эксплуатаціи земли, въ специальныхъ знаніяхъ, специальномъ образованіи; поэтому хорошо поставленное агрономическое училище могло-бы оказать дворянству въ будущемъ существенную услугу. Съ другой стороны, открытіе возможно большаго числа прогимназій въ нашей провинціи, при условіи постепеннаго преобразованія ихъ въ полныя гимназіи, облегчило-бы грузинскому юношеству доступъ къ общему образованію; наконецъ, стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, обезпечивъ существованіе многихъ десятковъ студентовъ-дворянъ и предоставивъ имъ возможность докончить свое образованіе, усилили-бы притокъ интеллигентныхъ силъ въ дворянскую среду и тѣмъ самымъ подняли-бы престижъ дворянства. Но ни агрономическое заведеніе, ни прогимназіи, ни стипендіи, принося частичную пользу дворянскимъ дѣтямъ, не замѣняютъ все-же того идеала, къ которому должно стремиться все мыслящее у насъ и въ томъ числѣ грузинское дворянство, не замѣняютъ высшаго учебнаго заведенія на Кавказѣ. Жизнь въ своемъ неудержимомъ потокѣ впередъ дѣлаетъ замѣтные успѣхи, развиваетъ въ населеніи гражданственность и, быть можетъ, недалеко уже то время, когда официально признанная гражданственность эта будетъ уже служить препятствіемъ къ открытію высшаго учебнаго заведенія на Кавказѣ. Тогда щедрый даръ дворянству н дѣтъ достойное примѣненіе и дворянскія дѣти здѣсь-же на

стѣ, подъ сѣнью родного крова, получать возможность доканчивать свое образованіе, чтобы потомъ на родинѣ-же, подъ руководящими лучами высшаго разсадника просвѣщенія, примѣнять свои знанія на дѣлѣ. Въ ожиданіи этого счастливаго дня дворянству слѣдовало-бы копить если не сполна, то часть, половину пожалованныхъ 40 тысячъ, сберегая ее съ ежегодно нарастающими процентами въ одномъ изъ кредитныхъ учреждений, чтобы потомъ разомъ оказать правительству солидную поддержку, выговоривъ, конечно, при этомъ извѣстныя льготы дворянскимъ дѣтямъ. Такое рѣшеніе вопроса, знаменуя культурное стремленіе дворянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе практично, такъ какъ приближаетъ къ осуществленію учрежденіе высшаго учебнаго заведенія. Что-же касается остальной части сорока тысячъ, то ее съ наибольшей пользою можно утилизировать въ видѣ матеріальнаго содѣйствія казнѣ на случай открытія у насъ предполагаемаго средняго технического или агрономическаго училища, опять таки съ правомъ для объединеннаго дворянства, Тифлисской и Кутаисской губ., замѣщать въ училищѣ извѣстное число бесплатныхъ вакансій по своему выбору. Вообще-же намъ кажется, что въ вопросѣ объ израсходованіи ежегодно жалуемыхъ Государемъ сорока тысячъ, тифлисскому и кутаисскому дворянству надо дѣйствовать не врозь а вмѣстѣ, рука объ руку: *вдвое* болѣшую сумму можно использовать съ *несравненно* болѣшею производительностью. Это—аксіома, которую слѣдуетъ твердо помнить дворянству.

Общественныхъ дѣятелей вообще, а безкорыстныхъ, идейныхъ тружениковъ на пользу общества, въ особенности, у насъ не много; тѣмъ тяжелѣе ихъ утрата. 9 го ноября въ Батумѣ скоропостижно скончался батумскій городской голова Л. Н. Асатіани. Не получивъ въ сущности никакого образованія (кончилъ уѣздное училище) и начавъ свою дѣятельность должностью писца, покойный городской голова неутомимымъ трудомъ, честнымъ и ревностнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ сумѣлъ выдвинуться настолько, что занялъ вскорѣ весьма замѣтное общественное положеніе. Будучи послѣдовательно старшимъ нотариусомъ въ Кутаисѣ, членомъ окружного суда, совѣтникомъ губернскаго правленія, кутаисскимъ городскимъ головой, Л. Н. Асатіани лѣтъ семь тому назадъ становится во главѣ батумскаго общественнаго управленія и, благодаря сравнительно недурному финансовому положенію города, за

короткое время осуществляет здѣсь массу проектовъ. Такъ при немъ Батумъ освѣщается электричествомъ, обзаводится городскимъ ломбардомъ, торговыми рядами, гимназіями, начальными школами, больницей; улучшаются въ городѣ мостовыя, осушаются окрестныя болота, устраивается бойня и пр. и пр. А сколько еще намѣченныхъ вчернѣ сооружений—городской театръ, водопроводъ,—словомъ, энергія покойнаго дѣателя достойна удивленія тѣмъ болѣе, что послѣдніе годы болѣзнь нерѣдко приковывала его къ постели. Умеръ Л. Н. Асатіани въ преклонномъ возрастѣ, оставивъ по себѣ добрую память дѣятельностью, заслуживающей искренней признательности грядущихъ поколѣній.

Промышленный кризисъ, охвативъ широкой волной Европу, коснулся и Закавказья, Золотое дно нашей окраины—бакинская нефтепромышленность переживаетъ въ настоящее время тяжелые дни. Цѣна на нефть упала внезапно съ 16—18 на 6—7 коп. за пудъ, на многихъ промыслахъ прекратили работы, рабочіе тысячами остались безъ куска хлѣба, фирмы, даже солидныя, наканунѣ полнаго краха. О причинѣ кризиса говорятъ разнo. Наиболѣе распространено мнѣніе, подозрѣвающее въ кризисѣ козни тайнаго синдиката крупнѣйшихъ, притомъ иностранныхъ фирмъ, искусственно создавшаго безотрадное положеніе нефтяныхъ дѣлъ, чтобы такимъ образомъ монополизировать въ своихъ рукахъ всю нефтепромышленность. Быть можетъ это и вѣрно, но, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что бакинскіе промышленники менѣе всего ждали кризиса именно теперь, когда безоблачный, казалось, горизонтъ сулилъ имъ долгіе и счастливые годы. Въ сущности говоря, стоящія сейчасъ въ Баку цѣны не могутъ считаться очень низкими, и еслибы наша нефтяная промышленность развивалась нормальнымъ ходомъ, а не скачками, тогда о кризисѣ, при настоящихъ условіяхъ, не было бы и помина. Но въ томъ то и бѣда, что все нефтяное дѣло построено у насъ не на прочномъ фундаментѣ, а на злосчастномъ „авось“. Примѣръ немногихъ счастливицевъ, нажившихъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, на нефтяныхъ фонтанахъ, грандіозныя состоянія одурманилъ массу. Жажда легкой наживы, фонтановъ, обуяла всѣхъ и вотъ на послѣднихъ торгахъ на казенныя нефтеносныя земли стали предлагать основанную лишь на безумномъ расчетѣ аренную плату по 8—10 и даже 12 коп. съ пуда добытой нефти. Рзумѣется, такія условія, при стоящихъ теперь цѣнахъ на нефть,

не позволяютъ продолжать эксплуатаціи арендованныхъ промысловъ. Въ настоящее время арендаторы возбудили ходатайство о замѣнѣ попудной платы—долевой, т. е. извѣстной долей съ добытаго количества нефти. Такая замѣна одинаково выгодна, при современномъ положеніи дѣлъ, какъ для казны такъ и для арендаторовъ, поэтому можно надѣяться, что ходатайство послѣднихъ встрѣтитъ въ подлежащихъ сферахъ полное сочувствіе. Но не въ томъ дѣло. Если мы заговорили о нефтяномъ кризисѣ, такъ вовсе не съ цѣлью дать его описаніе или разгадать его причину. Вопросъ этотъ занимаетъ насъ съ соціально-экономической точки зрѣнія, а съ такой точки зрѣнія бакинскій кризисъ имѣетъ весьма существенное значеніе. Нефтяная промышленность, благодаря баснословнымъ въ былое время барышамъ, привлекала все, что было денежнаго на Кавказѣ. Въ Баку стремились капиталы, туда шли знанія, тамъ прилагалась къ дѣлу чудовищная энергія, золотой телецъ прельщалъ всѣхъ. А въ это самое время остальной Кавказъ тщетно взывалъ къ труту и деньгамъ. Бакинскій кризисъ отрезвить многихъ и, кто знаетъ, быть можетъ лежащія въ нѣдрахъ Кавказа природныя богатства, дѣвственные лѣса, фабричная и заводская промышленность дождутся наконецъ своихъ радѣтелей, энергичныхъ предпринимателей, которые создадутъ у насъ новыя отрасли промышленности и тѣмъ самымъ подымутъ экономическое значеніе края, внесутъ благосостояніе въ массу. Нефтепромышленность въ доброй своей половинѣ отзывалась ажіотажемъ, который не долженъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ желателенъ правильный экономическій прогрессъ.

Мы пережили чреватый событіями первый годъ двадцатаго столѣтія, пережили, не потерявъ надежды и упованія на лучшее будущее. Пожелаемъ-же, чтобы двадцатый вѣкъ ознаменовался новой эрой кавказской промышленности, пробудивъ къ жизни дремлющіе исполинскіе лѣса и другія безчисленныя богатства всего Кавказа, пожелаемъ, чтобы наша юная промышленность, въ виду зловѣщаго предостереженія со стороны Баку, вступила наконецъ на тотъ единственно правильный путь прогресса, который только и ведетъ къ прочному, хотя и медленному, успѣху.

И. Д.

Корреспонденція изъ Кутаиса.

Въ недавно изданныхъ Трудахъ III сѣзда кавказскихъ марганцепромышленниковъ мы нашли заявленіе г. Пирихалава и 77 промышленниковъ о затрудненіяхъ, какія испытываетъ на сѣздахъ большинство чіатурскихъ марганцепромышленниковъ по незнанію русскаго языка. На послѣднемъ сѣздѣ грузины составляли 93,5%, а лица другихъ національностей 6,5%. Значительная часть грузинскихъ сельскихъ промышленниковъ вовсе не знаетъ русскаго языка. Заявители справедливо говорили, что чіатурскіе марганцевладельцы не только не могутъ излагать своихъ мыслей на государственномъ языкѣ, но даже понимать русскую рѣчь; они писали, что большинство лишено возможности принять активное и сознательное участіе въ обсужденіи вопросовъ, разсматриваемыхъ на засѣданіяхъ сѣзда, что сельскіе промышленники по незнанію русскаго языка, присутствуютъ при этомъ обсужденіи въ роли простыхъ статистовъ... Заявители возбуждали ходатайство передъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ о допущеніи обсужденія вопросовъ на засѣданіяхъ сѣзда кромѣ русскаго и на грузинскомъ языкѣ, или, по крайней мѣрѣ, о допущеніи перевода основныхъ пунктовъ заявленій отдѣльныхъ членовъ сѣзда, а равно представителей различныхъ учреждений.

Совѣтъ сѣзда съ своей стороны ходатайствовалъ объ удовлетвореніи этого желанія марганцепромышленниковъ и объ измѣненіи въ этомъ смыслѣ злосчастнаго примѣчанія къ § 11 Положенія о сѣздахъ кавказскихъ марганцепромышленниковъ. Совѣтъ такъ мотивировалъ свое ходатайство: дабы сдѣлать занятія сѣзда болѣе плодотворными и участіе въ этихъ занятіяхъ большинства членовъ сѣзда сознательнымъ, необходимо чтобы большинство присутствующихъ членовъ сѣзда понимало происходящее на засѣданіяхъ сѣзда и могло само принимать въ нихъ, въ нужныхъ случаяхъ, участіе. Лица же, не знающія русскаго языка, съ разрѣшенія председателя, могли-бы излагать свои мысли и заявленія и на грузинскомъ языкѣ съ тѣмъ, однакоже, чтобы слова такихъ членовъ сѣзда переводились на русскій языкъ секретаремъ сѣзда и другими лицами по предложенію председателя. По мнѣнію совѣта допущеніе грузинскаго языка на сѣздахъ въ такой формѣ, въ такихъ предѣлахъ, не нанося, очевидно, ни малѣйшаго ущерба роли и значенію государственнаго языка, дастъ въ то же время возможность сдѣлать занятія сѣздовъ болѣе плодотворными.

полезными для огромнаго большинства членовъ, составляющихъ эти сѣзды.

Заявители были увѣрены, что такія совѣщанія о своихъ нуждахъ и потребностяхъ *pro domo sua*—будутъ разрѣшены въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ. Они приводили примѣры кредитныхъ учреждений, въ которыхъ дозволено вести переписку и бухгалтерскіе счета и не на государственномъ языкѣ и еще недавно г. министръ финансовъ подтвердилъ разрѣшеніе кредитнымъ учрежденіямъ Привислянскаго края вести переписку на польскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, этимъ *ria desiderata* марганцепромышленниковъ не суждено было осуществиться и недавно Кавказское Горное Управленіе сообщило Совѣту сѣзда, что Горный Департаментъ извѣщаетъ о томъ, что означенное ходатайство не подлежитъ удовлетворенію. По слухамъ, гг. марганцепромышленники и марганцевладѣльцы хотятъ снова возбудить ходатайство и льстятъ себя надеждою, что, авось, на этотъ разъ внемлютъ ихъ моленіямъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Восточныя дѣла.

Турція.—Нѣсколько словъ о французскомъ влияніи въ Турціи. Франко-турецкій конфликтъ во французской палатѣ депутатовъ. Кое-что о миссіонерскихъ школахъ въ Ванѣ.—Куэйтскій портъ въ Персидскомъ заливѣ.—Землетрясеніе въ Эрзерумѣ.—Артинь-паша Дадіанъ †.

Франко-турецкій конфликтъ уже улаженъ. Гордые рѣчи французскаго министра иностранныхъ дѣлъ г. Делькассэ, а также рѣчи другихъ лицъ, произнесенныя въ палатѣ депутатовъ, настойчивая и послѣдовательная политика того-же министра сломили упорство Турціи. Для подкрѣпленія своихъ требованій правительство Франціи отправило эскадру подъ начальствомъ адмирала Кальяра въ турецкія воды. Едва покинула эта эскадра берега Франціи, какъ султанъ всполошился. Ильдизъ-Кіоскъ и Блистательная Порта сразу поняли, что дѣло можетъ принять серьезный оборотъ. Правда, французская эскадра плыла къ Турціи не для разгромленія ея укрѣпленій, но съ другой стороны ея назначеніе было болѣе существенное, болѣе практическое и чувствительное, чѣмъ простая демонстрація. Эскадрѣ было велѣно блокировать порты одного изъ острововъ Архипелага, занять таможи и сдѣлаться такимъ образомъ ихъ хозяиномъ. Такой планъ, очевидно, дѣлалъ безразличнымъ вопросъ о томъ, будетъ-ли султанъ продолжать упорство или нѣтъ. Это упорство, при всей своей крѣпости и послѣдовательности, парализовывалось, обращалось въ безразсудство хитроумной тактикой французскаго правительства, и это поняли въ Константинополѣ. Поняли, что не мытьемъ, такъ катаньемъ Франція возьметъ свое... и уступили. Предъ тѣмъ, какъ уступить, не обошлось, конечно, безъ того, чтобы Порта не окинула взоромъ великія державы съ мольбой о защитѣ, или, по крайней мѣрѣ, о посредничествѣ. Она встрѣтила, однако, холодное равнодушіе со стороны всѣхъ. Даже Англія, которой султанъ нѣсколько разъ напоминалъ о кипрской конвенціи 1878 года, и та своимъ

бездѣйствіемъ и молчаніемъ давала понять, что расчеты султана ни на чемъ не основаны и излишни. Нигдѣ не находя помощи (императоръ Вильгельмъ тоже отказалъ!), боясь впасть въ болѣе серіозныя осложненія, султанъ рѣшилъ освободить таможенную острова Митилены отъ французовъ и согласился удовлетворить ихъ; французское правительство заявляло, что средиземная эскадра только тогда покинетъ турецкія воды, когда султанъ дастъ слово, что принятія Турціей обязательствъ, изъ-за которыхъ возникъ конфликтъ, будутъ исполнены. Такая гарантія была дана. Французская эскадра была отозвана. Представитель Франціи при Портѣ, г. Пабстъ, сдѣлалъ визитъ министру иностранныхъ дѣлъ, Тевфику-пашѣ, а посолъ, г. Констанъ, выѣхалъ изъ Парижа въ Константинополь.

Франко-турецкій конфликтъ, помимо своего частнаго значенія, имѣлъ еще общій интересъ. Въ этомъ конфликтѣ, а въ особенности въ тактикѣ французскаго правительства, испытывался престижъ Франціи въ Константинополѣ. Безъ сомнѣнія эта сторона дѣла была наиболѣе чувствительной, а не ростовщическіе счета Лорандо и Тубини. Поэтому французская пресса и французская палата депутатовъ со вниманіемъ слѣдили за ходомъ развившихся осложненій въ отношеніяхъ Франціи и Турціи. Весьма любопытно, однако, что во всемъ томъ, что писалось или говорилось по этому поводу, ловко умалчивалось о квинтѣ эссенціи конфликта, т. е. о положеніи французскаго престижа на Босфорѣ. Это—чувствительное мѣсто въ современной политикѣ Франціи и рѣдко кто изъ французовъ рѣшается прямо взглянуть на дѣйствительность и опредѣлить *statu quo*. Большинство, или вѣрнѣе вся масса (что очень характерно для французовъ), тщательно избѣгаетъ мысли, которая навязывается, просится, въ сознаніе, а именно, что вліяніе Франціи въ Турціи очень и даже очень пострадало. Избалованные въ успѣхахъ всякаго рода, французы вообще съ трудомъ примиряются съ мыслью, что бывшее положеніе можетъ измѣниться, или даже уже измѣнилось, что соперники, которые во многомъ являлись раньше ихъ младшими братьями, начинаютъ съ успѣхомъ опережать ихъ, приобрѣтая силу, вліяніе и задавая тонъ. Понятно, что эта трудность примиренія съ печальной, не улыбающейся дѣйствительностью должна съ наибольшей силой проявляться въ положеніяхъ, освященныхъ и закрѣпленныхъ традиціей. Французское вліяніе на Востокъ принадлежитъ къ одному изъ такихъ явленій. Этому вліянію положено начало франко-турецкимъ союзомъ, заключеннымъ, 400 лѣтъ тому назадъ, Францискомъ Первымъ.

Съ тѣхъ поръ этотъ союзъ все болѣе и болѣе закрѣплялся рядомъ трактатовъ и капитуляцій. Франція начала играть первую роль при дворѣ султановъ. Ея послы были первыми и наиболѣе вліятельными совѣтниками въ султанскихъ дворцахъ и при Портѣ. Такое вліяніе повлекло за собой доминирующее положеніе французской торговли въ Турціи, не говоря уже о томъ, что ея протекторатъ надъ христіанскими подданными Оттоманской имперіи давно былъ признанъ, какъ самими султанами, такъ и международными трактатами. Преобладающее положеніе Франціи въ турецкихъ дѣлахъ было настолько сильно, что никому не приходило въ голову оспаривать ея роль, хотя постепенно начали выступать на сцену сильные соперники въ лицѣ Венеціи, Англіи, Голландіи, благодаря быстрому росту ихъ флота, а затѣмъ, въ XVIII столѣтіи, и въ лицѣ Россіи, Швеціи и Испаніи.

Значеніе Россіи для судьбы Турціи уже въ XIX столѣтіи стало сказываться все съ болѣе и болѣе яркостью. Опасность отъ Россіи и быстрый ростъ ея престижа обуславливался, конечно, главнымъ образомъ, ея географическимъ сосѣдствомъ и военнымъ могуществомъ. Но эти условія, всегда угрожавшія и угрожающія Турціи территоріальными завоеваніями, не были достаточны для того, чтобы вліяніе Россіи проникало во внутреннія ткани турецкаго государства. Для этого промышленное развитіе Россіи было еще слишкомъ мало, а тѣмъ менѣе ея торговыя отношенія съ Турціей. Кромѣ того Франція, какъ и другія западно-европейскія державы, находилась въ лучшихъ условіяхъ въ сравненіи съ Россіей въ смыслѣ превосходства водныхъ путей надъ сухопутными. Затѣмъ, Россія совсѣмъ не имѣетъ тѣхъ религіозныхъ связей съ христіанскими подданными султановъ, какими въ значительной степени обладаетъ Франція. Легіоны католическихъ миссіонеровъ, французскихъ, итальянскихъ и другихъ, размѣстившіеся въ центрахъ имперіи, а въ особенности въ прибрежныхъ полосахъ, надѣленные значительными матеріальными средствами, да къ тому еще при своей несравненной организаціи, являются лучшими агентами и распространителями французскаго, или, даже хотъ, романскаго вліянія, вліянія, отражающагося даже въ сферѣ торговой. Да, наконецъ, весь европеизмъ современной Турціи выражается въ вѣншнемъ воспріятіи именно французскаго духа. Французскій языкъ сдѣлался почти домашнимъ языкомъ турокъ, во всякомъ случаѣ ихъ образованныхъ классовъ; ихъ литераторы и ученые (профессора, преподаватели) до самаго послѣдняго времени принимаютъ для себя образцы и матеріалъ изъ французскихъ про-

веденій. Фактически всегда Франція поставляла Турціи цѣлый контингентъ специалистовъ, какъ въ области науки, такъ и техники, и фактически турецкая молодежь, и добровольно, и по иниціативѣ правительства, отправлялась во Францію для пріобрѣтенія знаній въ ея высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Какую огромную роль сыграла Франція въ культурной исторіи Турціи можно видѣть изъ литературы, искусства и прессы турецкихъ армянъ! Даже болѣе. Печать Франціи отражается во всѣхъ проявленіяхъ ихъ жизни, они цѣликомъ проникнуты французскимъ духомъ, оставившимъ поразительный слѣдъ въ ихъ образѣ мышленія, привычкахъ, въ характерѣ, и во всей ихъ психологіи. Рѣчь, конечно, здѣсь не объ армянахъ внутреннихъ провинцій, а о жителяхъ болѣе или менѣе крупныхъ портовыхъ городовъ, какъ Константинополь, Смирна, Бейрутъ, Трапезундъ и др. Въ этомъ отношеніи они сильно разнятся отъ русскихъ армянъ, развившихся подъ вліяніемъ русско-германской культуры.

Культурное вліяніе Франціи на Востокъ простирается и за предѣлы Турціи: оно проникло и въ Персію. Но связанные съ нимъ политическій престижъ и торговая связи со второй половины 19 столѣтія мало-по-малу начали ослабѣвать въ виду сильной конкуренціи остальныхъ великихъ державъ. Небывалый ростъ англійскаго могущества, англійскаго флота и промышленности, военные триумфы Германіи, широкое развитіе германской промышленности и усовершенствованіе германской техники, все болѣе и болѣе приближеніе Россіи къ ядру оттоманской территоріи, подорвали доминирующее положеніе Франціи въ Левантѣ. Не маловажную роль въ паденіи ея престижа сыграло пораженіе ея въ 1870 г. Для турокъ, какъ магометанъ и жителей Востока, военная слава и безчестіе играютъ огромную роль въ представленіяхъ о той или другой націи. Да притомъ, Франція послѣ франко-прусской войны фактически пала въ политико-экономическомъ отношеніи. Что касается спеціально восточной торговли, то сначала Англія, а потомъ и Германія съ особенной настойчивостью стали добиваться того, чтобы вытѣснить французскіе товары изъ турецкихъ рынковъ. И англичане, и нѣмцы стали бить на одно: удешевить товаръ въ ущербъ его качеству. Такимъ способомъ являлась возможность въ количественномъ отношеніи предлагать азіатцамъ болѣе, чѣмъ предлагали французы. За одну и ту же цѣну, получая больше товара, не отличающагося по внѣшности отъ французскаго, эти потребители понемногу стали привыкать къ продуктамъ англо-германской промышленности, мало обращая вни-

манія на превосходство французскихъ товаровъ, съ точки зрѣнія ихъ изящества и отдѣлки. Не мало помогли здѣсь дѣлу какъ духъ предпріимчивости англичанъ, съ неподражаемой настойчивостью привыкшій преодолевать всѣ препятствія, такъ и безспорное превосходство германской техники надъ французской въ настоящее время. Прибавимъ къ этому, что и англичане, и нѣмцы явились учениками Франціи, которымъ выпала благодарная роль изучать ошибки ихъ учителя, преждевременно быть богатыми ея опытомъ и слѣдовать уже по протореннымъ путямъ. И вотъ, слѣдующія цифры краснорѣчиво говорятъ объ этомъ обмѣнѣ ролей. Изъ 100 частей экспорта Турціи, Англія ввозитъ въ свои предѣлы 37 частей, а ввозитъ 43 ч. изъ всего импорта въ Турцію; Франція вывозитъ 27 частей, а продаетъ Турціи 11 ч.; что-же касается Германіи, то послѣдняя ввозитъ въ Турцію въ три раза болѣе, чѣмъ вывозитъ. Изъ этого видно, что изъ перечисленныхъ державъ, Франція одна переплачиваетъ Турціи деньгами.

Неудивительно, что съ торгово-политическимъ паденіемъ Франціи въ Турціи, стало ослабѣвать и значеніе протектората ея надъ христіанскими подданными Оттоманской Имперіи. Независимо отъ того, что дѣятельность католическихъ проповѣдниковъ и католическихъ учрежденій парализуются въ настоящее время широко раскинувшейся дѣятельностью американскихъ миссіонеровъ, одно сознаніе, что за христіанами-католиками и вообще христіанами нѣтъ руки могущественной, естественно склоняетъ мысль турокъ и ихъ правящихъ сферъ къ тому, что притѣсненія лицъ и учрежденій, которыя ограждаются французскимъ протекторатомъ, могутъ пройти незамѣтно и не встрѣтятъ сильнаго протеста, непріятностей и насилія. Собственно говоря, Императоръ Вильгельмъ II во время своего послѣдняго путешествія по Турціи, своими рѣчами и дѣйствіями пробовать было произвести нѣкоторую брешь въ этой идеѣ французскаго протектората, лишая его, такъ сказать, монополіи. Казалось, онъ не прочь былъ „освободить“ Францію отъ тягостей протектората и „навязать“ ихъ Германіи. Характернѣе всего тутъ то, что ревнители католицизма на Востокѣ далеко не единодушно отвергали желательность этой перемѣны. Это очень странно, конечно, такъ какъ Германская Имперія, хотя и совмѣщаетъ въ себѣ католическія страны, какъ Баварія или Саксонія, тѣмъ не менѣе является по преимуществу страной протестантской. Вѣрять представителю протестантизма религіозные интересы католическаго міра на Востокѣ и вообще такихъ крупныхъ о-

сударствъ, какъ Франція, Италія и Испанія должно считаться верховъ непрактичности и недалновидности, а потому безусловно необходимо признать, что желавшіе германскому императору удачи, руководствовались далеко не соображеніями цѣлесообразности, а лишь чувствомъ досады, вызванной нѣсколькими фактами, доказывавшими упадокъ вліянія французскаго посла въ Константинополь. Необходимо напомнить читателю, что римскій папа не имѣетъ своего представителя при Портѣ, и всѣми дѣлами католическаго міра, какой-бы націи онѣ не касались, вѣдаетъ посолъ Франціи. Абдуль-Гамидъ нѣсколько разъ предлагалъ Ватикану назвать своего непосредственнаго представителя при Портѣ. Конечно, его цѣль заключалась въ томъ, чтобы имѣть такого представителя католицизма, который лишенъ фактическаго могущества, не имѣетъ за собой войска. Папа всякій разъ отказывался называть такового. Тогда, послѣ послѣдняго подобнаго отказа, Абдуль-Гамидъ, со свойственной ему настойчивостью, назначилъ Ассимъ-бея, бывшаго посланника Турціи въ Аѣинахъ, посланникомъ при Ватиканѣ. Этимъ онъ думалъ подѣйствовать на римскую курію, которая рада бываетъ всякой возможности придать большую торжественность и пышность двору папы. Тѣмъ не менѣе римская курія не признала Ассимъ-бея посланникомъ Турціи, и султанъ не добился цѣли. Очевидно, Ватиканъ доказалъ этимъ, что въ могущество французскаго посла при Портѣ онъ больше вѣритъ, чѣмъ въ могущество своего собственнаго. Кстати сказать, что назначеніе вышеупомянутаго Ассимъ-бея произошло въ 1898 (кажется, въ началѣ лѣта), т. е. послѣ посѣщенія германской императорской четой Константинополя. По всей вѣроятности, въ этомъ шагѣ султана германская дипломатія играла извѣстную роль.

Все вышеизложенное мы привели въ цѣляхъ разъясненія того положенія, что отказъ султана исполнить обязательства по отношенію къ набережнымъ и докамъ, а также удовлетворить г.г. Лорандо и Тубини по предъявленнымъ ими счетамъ, и одновременно притѣсненія католическихъ миссіонеровъ и ихъ учрежденій не имѣли бы мѣста, если бы не сознаніе его, что представитель Франціи при Портѣ не такъ силенъ какъ прежде. Его упорство, во всякомъ случаѣ, шло дальше, чѣмъ можно было бы ожидать въ отношеніи великой державы и по такимъ, собственно говоря, не важнымъ вопросамъ. Безъ сомнѣнія, султанъ опирался въ данномъ случаѣ на Германію, хотя это въ концѣ концовъ ни къ чему не привело. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Делькассэ, очевидно, понялъ какое важное поли-

тическое значеніе имѣть франко-турецкій конфликтъ въ то время, когда складывается убѣжденіе о паденіи французскаго вліянія въ Турціи; необходимость дать урокъ турецкому правительству и одновременно съ этимъ разсѣять вышеупомянутое убѣжденіе сдѣлала вопросъ предметомъ настойчиваго вниманія французскаго правительства и палаты депутатовъ. Г. Делькассэ ухватился даже за армянскій вопросъ, угрожая между строкъ Турціи новымъ поднятіемъ его. Весьма любопытно, почтенъ характерно для Франціи, что не причины конфликта, а именно послѣдній вопросъ, т. е. слухи о новыхъ безпорядкахъ въ армянскихъ провинціяхъ Турціи, и сдѣлался темой самыхъ оживленныхъ дебатовъ въ палатѣ, которые было повели къ выраженію недовѣрія привительству. Объ этомъ интересномъ засѣданіи въ палатѣ депутатовъ, телеграфъ отъ 23-го октября даетъ подробныя свѣдѣнія. Въ телеграммахъ читаемъ между прочимъ: „Онъ (депутатъ Самбо) говоритъ, что Востокъ есть страна неожиданностей и выражаетъ удивленіе по поводу того, что Франція вмѣшалась изъ-за частнаго дѣла, тогда какъ оставалась спокойной во время армянскихъ безпорядковъ. Ораторъ высказываетъ желаніе, чтобы державы поставили султана въ невозможность возобновить армянскія звѣрства (рукоплексканія крайней лѣвой) и т. д.“ Депутатъ Кошенъ высказывался въ томъ же смыслѣ. Делькассэ нѣсколько разъ всходилъ на трибуну. Послѣдній разъ онъ сказалъ: „что никогда не терялъ изъ вида армянскаго вопроса и дѣла защиты христіанъ. Притѣсненія царятъ также въ Македоніи и въ Старой Сербіи. Франція употребитъ всѣ усилія, чтобы добиться исполненія постановлений берлинскаго трактата“. Этими словами были закончены пренія. Необходимо было выработать форму перехода къ очереднымъ дѣламъ, и депутатъ Самбо предложилъ слѣдующую: „Палата, въ убѣжденіи, что Франція не исполнила бы своего долга, не указавъ армянамъ существеннаго покровительства, и въ твердомъ рѣшеніи облегчить это покровительство соглашеніемъ съ державами, переходитъ и т. д.“ Этотъ способъ перехода былъ принятъ 227-ю голосами противъ 212. Вальдекъ-Руссо протестовалъ противъ этой формы, выражающей *недовѣріе* къ правительству, также и Бриссонъ. Послѣ словъ послѣдняго, 305 голосами противъ 77, былъ окончательно принятъ слѣдующій реходъ. „Палата, довѣряя тому, что правительство заставитъ уважать интересы и честь Франціи, переходитъ и т. д.“

Какъ извѣстно, г. Делькассэ добился отъ султана удовлетворенія по вопросамъ, касающимся спеціально Франціи. Что

сается христіанъ, то неизвѣстно, насколько энергичны и внушительны были представленія французскаго министра. Въ газетныхъ сообщеніяхъ находимъ болѣе подробныя свѣдѣнія о вышеупомянутомъ засѣданіи въ палатѣ депутатовъ. Въ приведенныхъ выдержкахъ рѣчи г. Делькассэ есть много мѣстъ, цѣль которыхъ заключается какъ будто въ томъ, чтобы подготовить депутатовъ къ неспособности Франціи одной оказать давленіе на султана изъ-за армянъ и другихъ. Онъ говорилъ между прочимъ: „Меня спрашиваютъ—что мы намѣрены сдѣлать? Правительство республики позаботится о томъ, чтобы справедливость и правомѣрность не были пустыми звуками и чтобы трактаты уважались. Но не одна Франція подписала эти трактаты. Она готова широко, очень широко, исполнить свой долгъ по отношенію къ державамъ, совмѣстно подписавшимъ трактатъ, но она не можетъ забывать обязанностей по отношенію къ себѣ. „*Le Temps*“ сообщаетъ, что депутаты д'Эстурнель, Кошенъ и Самбо, принадлежа къ различнымъ политическимъ фракціямъ, думаютъ потребовать отъ министра болѣе точныхъ свѣдѣній о томъ, что сдѣлано имъ для воспрепятствованія безпорядковъ въ христіанскихъ вилайетахъ? О безпорядкахъ болѣе ничего не слышно. Возможно, что, по совѣту пословъ, султанъ принялъ мѣры къ ихъ прекращенію. Даже пишутъ, что турецкое правительство всячески избѣгаетъ волненій въ христіанскихъ провинціяхъ.

Недавно было помѣщено въ „*Арменикъ*“ письмо изъ Вана, краснорѣчиво доказывающее, что турецкая политика избіеній христіанъ даетъ толькое возможность иностранцамъ укрѣпляться въ христіанскихъ провинціяхъ. До избіеній 1894—96 годовъ въ Ванѣ было 22 армянскихъ школъ, гдѣ обучалось до 8,000 дѣтей обоего пола. Число такихъ школъ въ настоящее время 6 съ 1,600 учащимися, но за то иностранныя, миссіонерскія школы быстро возрасли въ числѣ. До 1894 г. протестанты и католики имѣли здѣсь по одной школѣ, нынѣ же у протестантовъ ихъ 11 съ 2,800 учениками и ученицами и 9 католическихъ съ 1,700 обучающимися. Католики, конечно, лучше понимаютъ вредъ избіеній для султана-же. Косвенно доказываетъ это ихъ характеристика армянскихъ убійствъ, которую не разъ приходилось пишущему эти строки встрѣчать въ католическихъ религиозныхъ органахъ. Оказывается, какъ увѣряютъ эти органы, само провидѣніе послало эти кровопролитія, чтобы напомнить католикамъ о многочисленныхъ душахъ на Востокѣ, нуждающихся въ спасеніи.

Въ печать проникли извѣстія о сильномъ землетрясеніи, имѣвшемъ недавно мѣсто въ Эрзерумѣ. Землетрясеніе продолжалось цѣлую недѣлю, разрушая городскіе дома. Несмотря на сильныя холода, всѣ жители города покинули свои жилища и расположились въ полѣ, не рискуя входить въ городъ, разрушающійся на ихъ глазахъ. По описанію газетъ, болѣзни, голодъ и смерть царятъ въ этой толпѣ, проводящей морозныя ночи подъ открытымъ небомъ. Не безъ того, конечно, чтобы не нашлись люди, которымъ пришлось по вкусу это несчастье открывая имъ широкій просторъ грабить безлюдный городъ. Такого ужаснаго землетрясенія жители Эрзерума не припоминаютъ.

Въ послѣднее время въ печать проникали слухи о разныхъ недоразумѣніяхъ между державами, интригующими изъ-за Куэйтскаго порта въ Персидскомъ заливѣ. Указываютъ главнымъ образомъ на Англію и Германію, а также, конечно, и на Турцію, какъ заинтересованную сторону, такъ какъ этотъ портъ принадлежитъ ей. Во всякомъ случаѣ эта интрига весьма возможна, и именно между перечисленными государствами, какъ наиболѣе заинтересованными въ вопросѣ о Куэйтскомъ портѣ. Дѣло въ томъ, что этотъ портъ, являясь конечнымъ пунктомъ проектируемой нѣмцами Багдадской желѣзной дороги, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ огромное значеніе въ сношеніяхъ всего восточнаго міра съ Западомъ, и очевидно долженъ подпасть подъ германское вліяніе. Значеніе Куэйтскаго порта пріобрѣтаетъ тѣмъ большую силу, что Багдадская желѣзная дорога значительно сократитъ время, необходимое для сообщенія между Европой, Индіей и Дальнимъ Востокомъ, и умалитъ этимъ значеніе существующихъ путей, ключи которыхъ находятся въ англійскихъ рукахъ. Разъ нѣмецкій желѣзнодорожный проектъ неизбежно долженъ осуществиться, то англичанамъ остается одно—завладѣть Куэйтомъ, на подобіе Суэца, и этимъ, по крайней мѣрѣ, регулировать торговлю и политику Востока съ точки зрѣнія англійскихъ интересовъ. Собственно говоря, попытки къ оккупации этого порта англичанами велись еще ранѣе всякихъ нѣмецкихъ проектовъ. Хорошимъ орудіемъ интриги служатъ здѣсь арабскія племена, живущія по соседству, полунезависимыя, и своими возстаніями не разъ выражавшія желаніе въ лицѣ своихъ могущественныхъ шейховъ объявить себя вполне независимыми отъ стамбульскаго халифа. Англія всегда старалась играть на этихъ честолюбивыхъ стрункахъ, чтобы при серьезномъ столкновеніи между оттоманскими войсками и племенами шейховъ, воспользоваться переполохомъ и занять Куэйтъ.

Въ послѣднее время писали о какомъ-то соглашеніи, состоявшемся между Турціей и Англіей по поводу Куэйта. Весьма возможно, что Турція сочла для себя болѣе выгоднымъ пойти навстрѣчу нѣкоторымъ вождѣніямъ Англіи, чѣмъ своимъ упорствомъ давать ей такое опасное орудіе интриги, какъ арабскія племена съ ихъ непокорными вождями. Такое соглашеніе, въ какомъ-бы видѣ оно не выражалось, идетъ во всякомъ случаѣ въ разрѣзъ съ интересами, всѣхъ державъ, крайне заинтересованныхъ, въ виду будущихъ путей, въ этомъ портѣ—и особенно, понятно, Германіи. Говорятъ, послѣдняя потребовала объясненій отъ Англіи по поводу одного инцидента, касающаго Куэйта.

Въ Константинополѣ скончался статсъ-секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ, Артинъ-паша Дадіанъ. Принадлежалъ знаменитому роду Дадіановъ, который въ продолженіе полутора вѣка служилъ султанамъ, занимая въ лицѣ своихъ представителей наивысшія должности въ государствѣ и поставившій Турцію, до ея „европеизаціи“, пороховъ, орудій, и. т. п.; покойный обладалъ недюжинными дипломатическими способностями. Эти способности, какъ и заслуженность рода, и были причиной отчего султанъ Абдулъ-Гамидъ, несмотря на свою ненависть къ армянамъ, оставилъ его при должности, не разрѣшая ему покидать ее. Когда русское войско заняло въ послѣднюю кампанію Санъ-Стефано, Главнокомандующій русской арміей, Великій Князь Николай Николаевичъ расположился въ конакѣ Дадіановъ, что конечно подвергло послѣднихъ въ немилость султана за „измѣну“, такъ какъ Дадіаны были чрезвычайно заботливы по отношенію къ своему Августѣйшему Гостю. Артинъ-паша Дадіану недостаало двухъ лѣтъ для пятидесятилѣтня службы. Похороны, по описанію константинопольскихъ газетъ, были очень торжественны. Султанъ послалъ отъ себя своихъ генералъ-адъютантовъ, присутствовали министры, нѣкоторые послы и первые драгоманъ всѣхъ посольствъ.

Г. М.—К.

Критика и библиографія.

Уагъ (Молотъ) № 8, 9.—1901 г., ежемѣсячный журналъ.

Наиболѣе значительнымъ беллетристическимъ произведеніемъ послѣднихъ двухъ книгъ *Мурча* является повѣсть г. А. Агароньяна подъ заглавіемъ *Սև օրեր* (Черные дни). Мѣсто дѣйствія—Турецкая Арменія и, конечно, никакая другая страна не могла бы дать матеріала для тѣхъ ужасающихъ картинъ, которыя нарисованы авторомъ.

На этотъ разъ г. Агароньянъ, которому можно смѣло довѣрять въ знаніи событій послѣднихъ лѣтъ изъ жизни турецкихъ армянъ, задался цѣлью показать, какъ задумывались и осуществлялись кровавые набѣги курдовъ на армянскія селенія, сопровождавшіеся похищеніемъ дѣвушекъ, убійствами и пожаромъ; какъ безпомощно само населеніе въ дѣлѣ отраженія подобныхъ набѣговъ и какъ подобные набѣги, освѣщенные заревомъ горящихъ селъ, остаются безнаказанными; кажется, никому, кромѣ природы, нѣтъ дѣла до страданій, слезъ и смерти, — она одна оплакиваетъ своихъ сыновъ. Такова тема. На этотъ разъ г. Агароньянъ не остановилъ своего вниманія на отдѣльномъ эпизодѣ, а видимо задался мыслью нарисовать цѣлую исторію села, могущую быть обобщенной въ исторію страны... Вкратцѣ содержаніе таково: повѣсть начинается идиллической любовью молодого крестьянина Мусо къ деревенской красавицѣ, дочери старика Схо,—Маро. Чувство его находитъ полное сочувствіе. Но надъ любящими сердцами нависаютъ тучи: благодаря проискамъ отвергнутаго искателя Маро односельчанина Сркена, до предводителя курдовъ Гусни-бека доходятъ слухи о красотѣ молодой дѣвушки. Готовится набѣгъ съ цѣлью похищенія Маро и въ подходящий день народнаго праздника планъ набѣга и похищенія дѣвушки приводится въ исполненіе. Маро у курдовъ въ лагерѣ. Слезы изсушили ея. Тоска, отчаяніе. Но не палъ духомъ ея возлюбленный Мусо. Преодѣвшись курдомъ и распѣвая курдскія пѣсни, онъ скитая по горамъ и находитъ свою Маро. Къ лучшимъ мѣстамъ пѣ

сти относится тотъ моментъ, когда Мусо, задыхаясь отъ слезъ и душившаго его горя, поетъ про страданія Сіамандо, и узнавъ въ измученной, блѣдной, закутанной женщинѣ, сидѣвшей у палатки предводителя курдовъ, свою возлюбленную, все поетъ, и громче, звонче разливается его пѣснь. Мусо, послѣ долгихъ приключеній, удаётся убить предводителя курдовъ и похитить Маро. Они бѣгутъ. Но смерть Гусни-бека не можетъ пройти неотмщенной: курды собрались въ походъ. Они напали на слѣды бѣглецовъ, настигли ихъ, опустошили ихъ деревню, предали огню и мечу все попадавшее подъ руку имъ; и тамъ, гдѣ когда-то кипѣла жизнь, водворилось могильное молчаніе. Лишь закаркали вороны, почуявъ добычу. Горсть спасшихся бѣгствомъ на утесѣ, вздымавшемся надъ озеромъ, близъ деревни,—и та была настигнута курдами,—и чтобы избѣжать позора и мученій,—группа женщинъ, дѣтей и мужчинъ бросилась въ волны бушевавшаго озера. Озеро поглотило ихъ, покрыло своимъ рокотомъ вопли ихъ,—и все было кончено. Последней жертвой озера былъ Сркенъ, предавшій Маро Гусни-беку, онъ не выдержалъ угрызений и бросился въ озеро. „Говорятъ, что и теперь еще, тамъ, гдѣ лежитъ трупъ измѣнника,—спокойно или бурно озеро,—волны набѣгаютъ одна на другую, пѣнятся, бурлятъ и снова убѣгаютъ. словно онѣ недовольны, что въ ихъ святыхъ нѣдрахъ, рядомъ съ мучениками, лежитъ измѣнникъ. И сейчасъ въ громовомъ крикѣ ихъ слышится „проклятіе тебѣ, проклятіе“.

Такимъ аккордомъ кончается г. Агароньянъ свое грустное повѣствованіе. Съ точки зрѣнія описательной повѣсти принадлежитъ къ числу удачныхъ, — картины жизни курдовъ, пѣніе Мусо, набѣгъ—все это нарисовано сочными, яркими красками и производитъ сильное впечатлѣніе. Элементъ личный, романъ Маро и Мусо,—отходитъ на второй планъ и особеннаго значенія не имѣетъ,—да онъ вѣроятно и не былъ предметомъ особыхъ заботъ автора. Этимъ рассказомъ г. Агароньянъ пополняетъ серію картинъ, нарисованныхъ имъ за послѣдніе годы,—картинъ, не столько раскрывающихъ психологію своихъ сюжетовъ, сколько рисующихъ тотъ общій фонъ, на которомъ они живутъ, страдаютъ и безвинно умираютъ. Остается желать, чтобы картины эти врѣзывались въ память и будили чувства состраданія у тѣхъ, кто можетъ помочь.

Рассказъ г. Шахназарьяна „Красная плетъ“ и Бозиньяна—„Жертва счастья“ тоже уведутъ читателя въ среду „обиженныхъ и униженныхъ“, но особыхъ достоинствъ не имѣютъ.

Первый рассказ говорить о неурядицах при сборѣ податей, а второй — иллюстрируетъ положеніе бакинскихъ рабочихъ. Въ отдѣлѣ стихотвореній лучше другихъ — „Изъ крымскихъ воспоминаній“ — Ал. Цатурьяна.

Изъ отдѣльныхъ статей, помимо *Армянской литературы* г. Лео, отмѣтимъ любопытную статью г. Рустама подъ заглавіемъ: *Обреченные на исчезновеніе персидскіе армяне* и начало статьи г. Хажака — *Турецкій панисламизмъ*. Г. Рустанъ останавливаетъ вниманіе читателя на горсти армянъ въ 1200 чел., заброшенныхъ въ глухомъ уголку Персіи — Сулдузъ. Они забыли свой языкъ, истощены податями, находятся чуть-ли не въ рабской зависимости отъ случайныхъ господъ, которыми являются всѣ мусульмане и власть имущіе, — безъ скорой и разумной помощи этой горсти армянъ грозитъ исчезновеніе. Въ статьѣ о панисламизмѣ авторъ знакомитъ читателя съ способами и проявленіями пропаганды панисламистскаго движенія. Знакомясь съ ними, читатель приходитъ къ выводу, что съ каждымъ годомъ тенденція панисламизма крѣпнеть и не напоминаетъ собой конвульсію „умирающаго человѣка“, которымъ иногда рисуютъ Турцію. Изъ „обзоровъ“ останавливаетъ на себѣ вниманіе помѣщенное въ восьмой книги журнала „Внутреннее обозрѣніе“, принадлежащее г. Л. Саркисяну. На этотъ разъ авторъ спокойно, но ярко, отмѣчаетъ слабое развитіе у насъ общественной инициативы, апатію къ общественнымъ дѣламъ и начинаніямъ, скорбитъ о томъ, что прежняя молодежь и прежняя интеллигенція ближе принимала къ сердцу общественныя нужды и въ большей мѣрѣ и съ болѣе энергіей отстаивала свои права, хотя бы въ дѣлахъ попечительныхъ совѣтовъ. Со всѣмъ сказаннымъ г. Саркисяномъ мы согласны, а способъ изложенія, — спокойный и убѣдительный, — сдается намъ, долженъ вызвать подражаніе со стороны другихъ публицистовъ, бичующихъ общественное нравы. Онъ убѣждаетъ, а спокойствіе обезоруживаетъ противника. Если отмѣтимъ интересные экономическіе очерки г. С. Заварьяна, посвященные податному вопросу, его общественному значенію, паденію деревенскихъ устоевъ подъ давленіемъ городовъ, — то все существенное въ содержаніи двухъ послѣднихъ книгъ *Мурча* нами будетъ исчерпано.

Упрѣ (Молотъ). Ежемѣсячный журналъ 1901 г. № 10.

Беллетристическій отдѣлъ десятой книги *Мурча* представля-
мало интереса: поэма г. В. Миракьяна, скучная по содержанию

читается, несмотря на свой довольно гладкій слогъ, не легко; замѣчаются длинноты и растянутость въ изложеніи. Окончательное мнѣніе можно будетъ высказать лишь послѣ того, какъ поэма будетъ напечатана вся,—теперь мы имѣемъ лишь начало ея. Продолженіе *Деревенскихъ типовъ* г. Лео заставляетъ лишній разъ недоумѣвать, почему этотъ безусловно талантливый, хотя иногда и черезчуръ страстный, публицистъ избираетъ для своихъ публицистическихъ темъ беллетристическую форму? Беллетристическій элементъ въ *Деревенскихъ типахъ* одна лишь форма изложенія. Все остальное—публицистика. Авторъ въ уста своихъ героевъ вкладываетъ рѣчи, могущія смѣло быть названными отдѣльными статьями: такъ, напр., говорятъ сельскій учитель Кара-Мурадьянъ и инженеръ Сарафянъ. Ихъ рѣчи очень содержательны, горячи, интересны,—но онѣ не слова героя изъ романа или романа, должныствующія рисовать психологію и фізіономію типа, а разсужденія на различные общественные вопросы. Публицистическая форма изложенія мыслей и взглядовъ г. Лео позволила бы автору болѣе всесторонне анализировать затронутые имъ интересные вопросы—о положеніи интеллигента въ деревнѣ, о культурномъ значеніи городовъ, о растлѣвающемъ вліяніи капитала, о вредѣ буржуазнаго быта и пр. Въ армянской литературѣ и безъ того слишкомъ много тенденціознаго элемента и этнографическаго матеріала, чтобы мысли публициста вкладывать въ форму разсказа. Отъ специализаціи г. Лео въ публицистикѣ выиграютъ и самъ авторъ, и литература, а главное, и защищаемые имъ симпатичные и благородные идеалы и взгляды.

Если прибавить еще два стихотворенія,—одно переводное (*Тамара* Лермонтова), и другое оригинальное, принадлежащее г. Цатурьяну, то весь беллетристическій отдѣлъ,—на этотъ разъ бѣдный,—будетъ исчерпанъ. Въ отдѣлѣ научно-популярномъ болѣе другихъ интересна статья г. Исаакяна о современномъ положеніи уголка Эчміадзинскаго уѣзда—Абарана. Недостатокъ земли, отсутствіе школъ, орудій для нуждъ сельскаго хозяйства, самоуправство сельскихъ властей, бѣдность—такова картина жизни обитателей Абарана. Да одного-ли Абарана!...

Отъ окончанія статьи г. Хажака о панисламизмѣ мы ждали большаго: вопросъ этотъ слишкомъ важенъ и сложенъ, чтобы его можно было такъ легко разрѣшить, какъ это дѣлаетъ г. Хажакъ: онъ не предсказываетъ панисламизму значенія въ будущемъ, такъ какъ, по его мнѣнію, движеніе, основанное на религиозномъ базисѣ, въ наше время не можетъ быть прочно и сильно. Можетъ быть это и такъ, но при рѣшеніи затронутого

вопроса нельзя игнорировать и того, что идея панисламизма, зиждящаяся на религиозномъ базисѣ, можетъ питаться и поддерживаться чисто политическими идеями. Особенно возможно это по отношеніи къ Турціи, гдѣ религиозныя, политическія и социальныя нити такъ переплетены, что часто одна переходитъ въ другую: расчленивъ ихъ нѣтъ возможности. Да и фактическаго, новаго матеріала въ статьѣ мало, большинство передаваемыхъ авторомъ свѣдѣній—извѣстны были раньше. Статья г. Е. Т. относительно кавказской прессы нѣсколько пострадала отъ того, что авторъ съ полнымъ довѣріемъ отнесся къ даннымъ Кавказскаго календаря,—не всегда точнаго въ даваемыхъ свѣдѣніяхъ. Поэтому всѣ выводы г. Е. Т. лишены значенія. Обстоятельныя свѣдѣнія и здравыя мысли продолжаетъ сообщать г. С. Заварьянъ въ области податныхъ вопросовъ и нуждъ нашего края. Между прочимъ авторъ защищаетъ принципъ подоходнаго налога и призываетъ дѣятелей прессы и общественной жизни посвящать свое вниманіе и энергію на изученіе податнаго вопроса, поскольку онъ касается деревни. Въ заключеніе выразимъ желаніе, чтобы редакция *Мурча* опредѣленнѣе высказалась по поводу утвержденія своего сотрудника г. Чилингарьяна, будто армянскія крестьянки почти сплошь преданы разврату. Мы отъ души присоединяемся къ словамъ другого сотрудника *Мурча*, опровергающаго утвержденія г. Чилингаряна. Г. Исаакянъ говоритъ: „мы можемъ согласиться съ г. Чилингарьяномъ развѣ только относительно исключительныхъ случаевъ, которые всюду могутъ встрѣтиться“. (стр. 54). Обвиненіе, взводимое на армянскихъ крестьянокъ слишкомъ тяжело и впечатлѣніе, производимое имъ, слишкомъ сильно, чтобы оставлять читателя въ недоумѣніи: съ которымъ же изъ сотрудниковъ согласна сама редакция?

С. Васюковъ. „Скорпіоны“. (Современные дѣятели московской прессы). Москва. 1901.

Тема, выбранная г. Васюковымъ—уличная пресса, ея дѣятели и ея развращающее вліяніе на массу читателей—интересна, его отношеніе къ избранной темѣ и желаніе бороться всѣми силами со зломъ—весьма симпатичны,—но чисто литературнаго достоинства его труда: изложеніе, богатство фактовъ, слога—весьма невысоки. Авторъ находится все время въ приподнятомъ настроеніи: онъ волнуется, негодуетъ, восклицаетъ,—что у

ляетъ читателя и нисколько не помогаетъ разобратся въ тѣхъ картинахъ, которыя рисуеъ авторъ. Нѣкоторыя мѣста книги г. Васюкова заставляютъ съ безгловостью вспомнить, что люди, торгующіе совѣстью и перомъ, продающіе правду и спекулирующіе на низменныя чувства толпы,—тоже имѣютъ право именовать себя литераторами. Съ чувствомъ особенной гордости кавказскіе литераторы могутъ заявить, что такого *типа* кавказская пресса, несмотря на свое почти столѣтнее существованіе,—еще не выработала: отдѣльныя, весьма подчасъ тяжелыя и грустныя по своему характеру, нарушенія литературной порядочности она имѣетъ въ своихъ лѣтописяхъ,—но подобныя отступленія отъ честнаго пути авторамъ ихъ не проходили даромъ: общественное презрѣніе и обличеніе другими органами печати часто бывали ихъ наградой. Клеветники и торговцы совѣстью въ кавказской прессѣ еще никогда не чувствовали себя хозяевами положенія. Что подкупаетъ читателя въ книгѣ г. Васюкова—такъ это молодая вѣра въ правду, въ прогрессъ, въ конечное торжество истины.

Періодическая печать на Кавказѣ. Тифлисъ. 1901 г. Составили
Гр. Кипишидзе и Ф. Султановъ.

Краткая брошюра въ 50 стр. даетъ свѣдѣнія относительно выходившихъ въ теченіе девятнадцатаго столѣтія русскихъ, грузинскихъ и татарскихъ періодическихъ изданій, какъ спеціальнаго, такъ и общаго характера. Свѣдѣнія эти касаются названія изданія, времени и продолжительности выхода его въ свѣтъ, иногда характера и содержанія, а также состава сотрудниковъ изданія. Направленія и общаго духа той или другой газеты составители почти не касались. Брошюра имѣетъ справочный характеръ: изъ нея мы узнаемъ, что за XIX столѣтіе на Кавказѣ разновременно издавалось на русскомъ языкѣ—30 періодич. изданій общаго характера и 17—спеціальнаго; на грузинск. языкѣ 15—общаго характера и 9—спеціальнаго, а на татарскомъ языкѣ всего 4. Первая русская газета (*Тифлисскія Вѣдомости*) начала издаваться въ 1829 г., по инициативѣ гр. Паскевича въ Тифлисѣ и просуществовала всего 4 года. Первая грузинская газета (*Газета Грузин*), неизвѣстно кѣмъ издававшаяся и редактировавшаяся, появилась въ 1817 году. Возникновеніе татарскихъ газетъ относится къ концу семидесятыхъ годовъ; изъ нихъ въ

настоящее время издается только одна. Очень жаль, что въ брошюрѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній относительно армянской прессы.

М. Я. Алавердянцъ. Кончина А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ. С.-Пб. 1901 г.

Несмотря на примѣчанія и поясненія автора, рѣшительно нельзя установить: самъ-ли сочинилъ г. Алавердянцъ названную книжку, или онъ ее перевелъ съ армянскаго, пользуясь трудомъ г. Галуста Шермазаньяна „Матеріалы для національной исторіи“? На обложкѣ напечатана только выписанная нами фамилія, и въ текстѣ значится: „Изъ сочиненія г. Шермазаньяна“. Нельзя не подчеркнуть того, что бѣлая точность въ опредѣленіи роли автора въ составленіи книги — весьма желательна.

Авторомъ книги проводится та мысль, что убійство А. С. Грибоѣдова явилось лишь случайнымъ осложненіемъ проявленія народной ненависти и религіозной мести къ шахскому главному казначею армянину-христіанину Мирзѣ-Якубъ-Маркарян. Толпа хотѣла убить Мирзу-Якуба, который, собираясь переѣхать въ Россію, временно укрылся въ помѣщеніи русскаго посольства. Разъяренная толпа, покончивъ съ Якубомъ, начала вообще разрушать посольство и во время погрома покончила и съ самимъ посломъ-поэтомъ.

По другимъ источникамъ, почерпнутымъ изъ армянской газеты *Мшакъ* и приводимымъ въ книгѣ г. Алавердянца, А. С. Грибоѣдовъ былъ убитъ мусульманской толпой, такъ какъ неосновательно былъ заподозрѣнъ въ любовныхъ отношеніяхъ съ одной изъ обитательницъ шахскаго гарема.

Слогъ книги тяжеловатъ, изложеніе мѣстами не гладкое.

Нено. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, Г. Сундукіанца. 1901. Второе изданіе. Պէջ 90. Կոմիդիա երեք արարմանով. Գ. Սոնդուկիանց.

Комедія знаменитаго армянскаго драматурга Гавріила Никитовича Сундукіанца прожила тридцать лѣтъ и не утратила до нашихъ дней своего значенія. Поставленная впервые въ 1871 г., она еще весной нынѣшняго года смотрѣлась съ интересомъ и доставила автору бурю рукоплесканій и восторженныхъ кляковъ, въ которыхъ слились уваженіе къ автору и къ достоинствамъ пьесы. Пьесу сохранила ея жизненность, ея правда, ворящая что-то знакомое и испытанное сердцу каждого чело

ка. Такихъ памятниковъ литературы, какъ „*Пепо*“,—у армянъ немного,—да ихъ немного и въ каждой молодой литературѣ. Но самый фактъ ея существованія убѣдительно говоритъ за то, что въ нѣдрахъ армянской дѣйствительности имѣются темы, могущія дать импульсъ къ созданію долго живущихъ произведеній, есть типы, какъ Пепо и Какули,—эти перлы народного жанра, которые соединяютъ въ себѣ одновременно элементы общечеловѣческіе и въ то-же время чисто національные.

Очевидно, такое гармоничное соединеніе различныхъ по характеру элементовъ и есть залогъ будущаго развитія армянской литературы, которая, вступая въ семью европейскихъ литературъ, сохранить за собой что-то индивидуальное, національное, что составляетъ особенность литературы даннаго народа. Съ этой точки зрѣнія комедія „*Пепо*“ особенно достойна вниманія. Это не есть пьеса чисто бытовая, теряющая свою прелесть вмѣстѣ съ переводомъ. Ее можно смотрѣть равно на русской, грузинской и армянской сценахъ.

Новое изданіе комедіи очень опрятно и чисто, но не можемъ не сдѣлать замѣчанія, много разъ уже нами высказаннаго по поводу армянскихъ книгъ,—оно совершенно не сброшюровано. Послѣ разрѣзыванія листовъ книга разсыпалась, какъ колода картъ. Пора армянскимъ книгамъ, въ особенности такъ изящно изданнымъ,—избавиться отъ этого недостатка.

La question arménienne au point de vue de la paix universelle. (X-me congrès universel de la paix a Glasgow) par H. Arakélian. 1901

Интересный докладъ армянскаго публициста г. А. Аракеляна, доложенный авторомъ международному конгрессу мира въ Глазго, всецѣло посвященъ армянскому вопросу въ Турціи. Въ началѣ своего сообщенія авторъ приводитъ резолюціи, принятые конгрессами прессы, социалистовъ, гуманности, студентовъ, мира, засѣдавшими въ Парижѣ въ теченіе лѣта 1900 г. и относящіяся къ армянскому вопросу въ Турціи. Во всѣхъ резолюціяхъ выражаются симпатіи къ армянамъ, какъ къ способной и страдающей націи, высказываются пожеланія о созваніи международной конференціи для рѣшенія армянскаго вопроса и улучшенія быта и судьбы армянъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ описанію тѣхъ ужасовъ, театромъ которыхъ была Турецкая Арменія за послѣдніе 5—6 лѣтъ: пожары своимъ зловѣщимъ заревомъ озаряли изуродованныя тѣла убитыхъ стариковъ, женщинъ, дѣтей; мужчины сотнями гибли отъ курдскихъ и турец-

кихъ сабель и пуль; тысячи сиротъ безпомощно выбрасывались въ поле, гдѣ они гибли отъ холода и голода; страна опустошалась, разорялась, жители эмигрировали,—за нѣсколько лѣтъ на Кавказъ только выселилось до 40.000 армянъ, лишенныхъ крова и земли;—такова мрачная, надрывающая сердце, картина, рисуемая г. Аракельяномъ. Она лучше всего характеризуется одной фразой изъ письма діарбекирца-армянина: умереть это высшее счастье сейчасъ для насъ. Для тѣхъ, кто усомнился-бы въ возможности въ наши дни подобныхъ событій, было-бы полезно познакомиться съ приводимымъ г. Аракельяномъ докладомъ мушскаго монаха Папкена: въ немъ рядомъ фактовъ устанавливаются невозможныя злоупотребленія властью со стороны турецкихъ чиновниковъ. Въ заключеніи своего доклада г. Аракелянъ говорить: „Вы меня спросите, господа, въ чемъ-же спасеніе несчастной Арменіи и что мы можемъ сдѣлать, чтобы избѣжать въ будущемъ возможности повторенія кровавыхъ событій, чего хотите вы, чего вы требуете? Мы не требуемъ, господа, автономіи или независимости Турецкой Арменіи, мы не требуемъ созданія новаго армянскаго царства, мы не просимъ даже такоу конституціи, которая дарована Криту. Наши требованія умѣрены. Мы просимъ прекратить тѣ ужасы, которые безчестятъ Европу. Мы просимъ *minimum* тѣхъ мѣръ и реформъ, которыя необходимо ввести въ провинціяхъ, населенныхъ армянами, и орошенныхъ недавно кровью невинныхъ жертвъ,—для того, чтобы возстановить тамъ порядокъ и спокойствіе и гарантировать населеніе отъ возможности повторенія ужасовъ и варварства послѣднихъ годовъ. Мы просимъ лишь ввести тѣ юридическія, финансовыя и административныя реформы, которыя были выработаны посланниками Франціи, Россіи и Англіи въ 1895 г. Сами правительства этихъ странъ заявили, что въ этихъ реформахъ заключается *minimum* того, что необходимо для успокоенія Турецкой Арменіи.

Въ концѣ доклада приложенъ и самый проектъ этихъ реформъ, названный *Projet de reformes administratives à introduire dans les provinces arméniennes*.

Самый докладъ составленъ очень умѣло, и въ сжатой формѣ знакомить съ сущностью вопроса. Въ заключеніе докладчикъ вноситъ предложеніе о созваніи въ Гаагѣ международнаго конгресса для рѣшенія армянскаго вопроса путемъ введенія Турецкой Арменіи реформы 1895 года.

Ал. Х

Акціонерное общество кожевенного и войлочного производствъ на Кавказѣ Г. Г. Адельханова. „Браткій очеркъ исторіи возникновенія, развитія и современнаго положенія фабрично-заводской дѣятельности общества. 1875—1901 гг.“. Съ планомъ и рисунками. Изд. въ Тифлисѣ. 1901 г. 24 стр.

Книжка предназначена для тѣхъ посѣтителей Кавказской юбилейной выставки, которые интересуются развитіемъ фабрично-заводской промышленности на Кавказѣ. Она даетъ краткія свѣдѣнія о кожевенномъ заводѣ, о паровой войлочной фабриктѣ и фабриктѣ готовой обуви названнаго выше общества, изъ которыхъ первый существуетъ съ 1875-года, вторая—съ 1889-го, а третья—съ 1886-го. Въ 1900 омъ году рабочихъ на заводѣ было 332, на первой фабриктѣ—209, а на второй фабриктѣ—566 чел.; изготовлено издѣлій на заводѣ на сумму свыше 743 тыс. руб., на войлочной фабриктѣ—свыше 513 тыс. руб. и на фабриктѣ готовой обуви—на сумму свыше 747 тыс. руб. Кромѣ того, съ 1886 при обществѣ имѣется обмундировальная мастерская, въ которой въ 1900-омъ году работало 404 чел. Общая годовая производительность всѣхъ заведеній общества превышаетъ 2½ милл. руб., изъ которыхъ 270 тыс. ежегодно выдѣляется въ формѣ заработной платы для 1500 и болѣе человекъ рабочихъ.

Свѣдѣнія, данныя въ лежащей передъ нами книжкѣ, носятъ конспективный характеръ, однако и по нимъ можно судить, что фабрично-заводское предпріятіе фирмы Г. Г. Адельханова есть первое по времени большое промышленное дѣло на Кавказѣ (если не считать бакинскихъ нефтяныхъ заводовъ), что оно прочно утвердилось и имѣетъ всѣ шансы на дальнѣйшее развитіе.

П. К—за.

С М Ъ С Ъ.

Зять грузинскаго царя.

Въ 1448 году вступилъ на престолъ византійскій Константинъ XII Палеологъ. Первою заботой его былъ выборъ супруги себѣ. Ему предложили дочь венеціанскаго дожа, но византійскіе аристократы, какъ сообщаетъ Гиббонъ (Исторія упадка и разрушенія римской имперіи, т. VII, стр 307), возстали противъ такого выбора, ссылаясь на огромное разстояніе между наследственнымъ монархомъ и выборномъ сановникомъ. Послѣ того Константинъ колебался въ выборѣ между царственными домами Трапезонда и Грузіи, но въ концѣ концовъ онъ далъ предпочтеніе послѣдней.

Франца, главный императорскій камергеръ, отплылъ изъ Константинополя въ качествѣ уполномоченнаго отъ жениха. Его многочисленная свита состояла изъ знати, гвардейцевъ, ихъ докторовъ и монаховъ; его сопровождалъ также хоръ пѣвчихъ, и это дорого стоившая поѣздка длилась болѣе двухъ лѣтъ. Когда онъ прибылъ въ Грузію, городскіе и деревенскіе жители стекались толпами вокругъ чужеземца и восхищались музыкой грековъ. Въ числѣ своихъ слугъ греки видѣли одного старца, которому было болѣе ста лѣтъ; онъ забавлялъ своихъ собратьевъ разсказами о чудесахъ, видѣнныхъ имъ въ Индіи, откуда онъ возвратился на родину чрезъ Португалію по незвѣстному морю.

Въ Грузіи Франца былъ принятъ весьма радушно. Царская дочь ему понравилась. Отецъ принцессы, царь Георгій VIII (1445—1469), вмѣсто того, чтобъ потребовать, по старому (?) національному обыкновению, выкупа за свою дочь, предложилъ приданое въ 56.000 дукатовъ и ежегодную пенсію въ 5.000 дукатовъ *), а въ награду послу обѣщалъ, что судьба

---

*) Грузины, какъ видно изъ сигелей и „Барсовой кожи“, въ своихъ дочерей замужъ, *всегда* давали имъ приличное приданое, но лучали выкупа за нихъ отъ жениха, какъ утверждаетъ Гиббонъ.

дочери будетъ предметомъ особой заботливости будущей императрицы.

По возвращеніи Франца въ Константинополь, брачный договоръ былъ утвержденъ греческимъ монархомъ, который собственноручно поставилъ три красныхъ креста на золотой буллѣ и увѣрялъ грузинскаго посланца, что слѣдующей весной его галеры привезутъ невѣсту въ ея императорскій дворецъ. И затѣмъ, обнявъ Франца, выразилъ ему глубокую благодарность и добавилъ: „Весной вы постараетесь уговорить одного изъ моихъ братьевъ, чтобы онъ лично отправился просить помощи противъ турокъ у западныхъ державъ; изъ Мореи вамъ придется отправиться съ особымъ порученіемъ въ Кипръ, а изъ Кипра вы отправитесь въ Грузію для того, чтобы привести сюда императрицу“.

Но не суждено было осуществиться мечтамъ молодого императора. Весною слѣдующаго 1453 года, когда онъ хотѣлъ увезти изъ Грузіи императрицу, Константинополь былъ осажденъ турецкимъ султаномъ Магометомъ II и 29 мая взятъ имъ и разоренъ. При этомъ самъ храбрый императоръ былъ убитъ у воротъ великаго Царьграда.
